

ГЕНРИХ БОРОВИК

ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА

Генрих БОРОВИК

ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА

ПОВЕСТЬ — ХРОНИКА

Москва, Издательство Агентства печати Новости, 1980

70200
4603000000

Предисловие

Разные люди в разное время занимались расследованием убийства Мартина Лютера Кинга. Многие, по разным причинам, не доведя дела до конца, бросали его (я не имею в виду официальное следствие, которое проводило ФБР и о котором речь будет подробно идти ниже), наталкиваясь то на непреодолимые препятствия, то — на необъяснимые.

«Мешали» этому и убийства двух братьев Кеннеди — Джона и Роберта. Одно — за четыре с половиной года до выстрела в Мемфисе, другое — через два месяца после него. Расследованием сенсационного убийства президента занимались и продолжают заниматься тысячи — я не преувеличиваю — профессионалов и любителей. Расследование истинных обстоятельств убийства Мартина Лютера Кинга вызывает по разным причинам в Америке меньший интерес. А ведь убийство великого мечтателя Мартина Лютера Кинга и все, что за ним последовало, гораздо откровеннее и глубже обнажает Америку, чем трагедия, разыгравшаяся в Далласе. Убийство Джона Кеннеди было политическим убийством, он пал жертвой дуэли (хотя в ней скрестились более чем две шпаги) между политическими группировками. Убийство Кинга вобрало в себя куда больше противоречий Америки — и политических, и социально-экономических, и расовых, и идеологических, и даже исторических. Убийство Кинга — рана, которая будет кровоточить, пока жив капитализм.

Я не криминалист, не следователь. Но как журналист, в течение многих лет наблюдающий жизнь Америки, я отношусь к тем людям, которым, по выражению Коретты Кинг, «не безразлично» убийство одного из лучших сынов великой страны.

С 1966 по 1972 год я жил в США, работая корреспондентом. После этого несколько раз приезжал туда на более короткие сроки — от нескольких дней до нескольких месяцев. И всегда собирал все, что относилось к жизни этого великого американца и к кровавой расправе над ним. Я собирал фотографии,

разрозненные, иногда противоречащие друг другу газетные вырезки, журнальные статьи и книги, беседовал с теми, кто любил Кинга, и с теми, чью ненависть к нему не приглушили ни выстрел 4 апреля 1968 года, ни время, прошедшее с тех пор.

Я никогда не ставил перед собой никакой, так сказать, «следственной» задачи, собирая материалы об этом преступлении. Просто гибель Кинга была продолжением его жизни и не могла прервать моего человеческого и писательского интереса к великому гражданину Америки. Роль автора в этом своеобразном расследовании невелика. Я просто собрал материал, появлявшийся в разное время в разных источниках, оказавшихся доступными мне, и расположил его так, как мне казалось необходимым по логике развития событий и моих собственных размышлений, подкрепленных версиями некоторых американских юристов-профессионалов. Расследование обстоятельств убийства Мартина Лютера Кинга, проведенное конгрессом США и закончившееся к 1979 году, не опровергло этих версий.

В повествовании я позволил себе задавать вопросы не только людям, с которыми лично беседовал, но и тем, кого никогда не видел, не мог увидеть, но позиция и действия которых в интересующей меня области стали достоянием гласности.

Я разрешил себе вымысел, пытаясь угадывать характер этих людей, манеру их поведения, разговора, пытаясь вообразить ситуацию, в которой такие разговоры могли происходить. Но существо дела основано на фактах. Документы, отрывки из речей и газетных статей — подлинные.

Автор

Часть I

Оин ели медлеино н разговаривали тоже медленно. Киig брал иа внлку кусочкн трески, а потом снимал их пальцамн и не спеша отправлял в рот. Аберието ел из той же тарелки, хотя рядом стояла другая, прниесеииая специальио для него расторопиым хозяииом (хозяин сам обслуживал почетиых гостей). Но Киig, не произнеся нн слова, жестом руки предложил Абериетн брать еду нз одиой тарелки. Последиие годы оин научилнсь поннмать друг друга по движеиию глаз, руки, по междометню. Когда после долгого молчаиия кто-иибудь из иих начииал говорнть, часто оказывалось, что другой в этот момеит думал о том же. Постояииый мыслеииый разговор ие прерывался. Оин елн неторопливо н иеторопливо перебрасывалнсь фразамн. Кнnг больше молчал, а Абернетн время от временн пронзносил что-иибудь малозиачашее, не требующее ответа, поинмая, что голова друга заията мыслямн о предстоящем митниге.

— Ну, хорошо, надо собираться, — сказал Кииг и вытер бумажиой салфеткой губы.

Он долго ие мог иайтн галстук и смешно досадовал — «кому поиадобнлся этот кусок дрянной матернн?». Вннмательно осмотрел туалетный столнк перед зеркалом н даже пошарнл по нему рукамн, зачем-то включил н снова выключнл телевнзор, снял с крючка полотенце.

Наконец, остановился возле кровати, заваленной кипами бумаг. Некоторое время смотрел на эту кипу, примеривался, как охотник, и вдруг, быстро запустив в нее руку, вытащил галстук, как змею.

— Человечество погибнет от бумаг, — сказал Кинг, — и мы с тобой в первую очередь. Как он догадался заползти именно туда?

Держа галстук перед собой за узкий конец большим и указательным пальцами правой руки, он смотрел на него с интересом, как на живое существо.

— Он действительно напоминает кобру, — констатировал Кинг. — Змея на шее. Почему модельеры избрали эту символику?..

Повязывая галстук, несколько раз поднял согнутые в локтях руки.

— Рубашка слишком узка, — сказал он, — неладно скроена.

— Ты просто пополнел, — улыбнулся Аберноти. Он знал эту рубашку очень хорошо — только сегодня утром он собственноручно выстирал ее для Кинга.

— Эта рубашка слишком узка, — настойчиво повторил Кинг. Он был в хорошем настроении в тот вечер.

Кинг вышел на балкон. А Ральф остался в комнате — прибрать бумаги, умыться и освежить лицо любимой туалетной водой.

Перед митингом в церкви им предстоял ужин у священника Кайлса. Отец Кайлс давно просил Кинга быть гостем в его доме, объяснив, что жена великолепно готовит пищу «для души» — знает старинные рецепты и обычаи, связанные с ней. В тот вечер Кинг, наконец, принял приглашение.

В раздумье он подошел к перилам балкона и, облокотившись на них, посмотрел вниз. Черный «кадиллак», присланный владельцем местной похоронной конторы, чтобы с почетом отвезти Кинга в гости к священнику, был уже во дворе. Рядом стояли Джесси Джексон, Энди Янг и Бен Бранч, местный музыкант.

— Ты знаешь Бена? — спросил Джесси Мартина.

— Да, — ответил Мартин. У него была великолепная память на лица, и он никогда не забывал никого, с кем хоть раз встречался. — Я знаю тебя,

Бен, и хорошо помню. И прошу тебя, Бен, чтобы ты обязательно спел сегодня на митинге «О, боже великий, возьми меня за руку».

— Да, Мартин, — ответил музыкант.

— Постарайся спеть это действительно хорошо, как ты умеешь, с душой, — добавил Кинг.

— Да, Мартин, — ответил музыкант.

Из «кадиллака» вышел шофер и смотрел вверх на Кинга. Он видел его впервые, хотя знал и любил давно. Ему очень хотелось сделать что-то полезное для Кинга. Просто от себя, а не по своей шоферской обязанности. Он сказал:

— Вы бы надели пальто, прохладно.

Этой весной в Мемфисе стояла необычно холодная, дождливая погода. И вечер был действительно прохладным.

Кинг улыбнулся благодарно.

— Хорошо, я надену.

Это были его последние слова.

Звук выстрела был таким сильным, что сосед Кинга по мотелю «Лоррейн», занимавший комнату № 308, подумал вначале, что это не выстрел, а взрыв, и что взорвалось что-то в плавательном бассейне во дворе. Он только что включил телевизор, собираясь слушать шестичасовые новости. А главная-то новость оказалась здесь, совсем рядом.

Те, кто был внизу, под балконом, сразу поняли, что это выстрел. Звук его донесся со стороны старого дома, расположенного через улицу приблизительно в 70 метрах от «Лоррейна».

Кинг сделал головой движение вправо, будто хотел посмотреть в лицо человеку, выстрелившему в него. Но уже ничего не увидел. Пуля вошла в правую сторону лица, чуть повыше шеи.

Когда Ральф Абернети выскочил из комнаты, Кинг уже лежал на балконе лицом вверх. Подвернутая нога застряла между прутьями балконной ограды. На цементном полу быстро увеличивалось темное пятно крови. Абернети бросился к другу.

— Мартин, Мартин! Это я, Ральф! — звал он, склонившись над своим учителем, еще не веря в

то, что произошло.— Ты слышишь меня, Мартин? Ответь мне, Мартин, Мартин!..

Эндрю Янг вбежал в комнату Кинга, схватил полотенце и, вернувшись на балкон, приложил его к месту, откуда текла кровь. Взял руку Кинга, пытаясь услышать пульс. Взглянул на часы: было 6 часов вечера с минутами. Вначале Энди не ощутил биения, но потом ему показалось, что пульс все-таки есть, слабый, совсем слабый, но есть.

К мотелю уже бежали люди. Несколько десятков людей, одетых в одинаковую форму. Абернети вначале решил, что это полицейские. Но это были не полицейские, а пожарники, станция которых находилась напротив мотеля «Лоррейн».

Через несколько минут примчалась карета «скорой помощи», вспарывая воздух раскачивающим душу воем сирены.

Но было поздно. Доктор, сопровождавший в госпиталь раненого Кинга, констатировал смерть еще до того, как машина остановилась у дверей приемного покоя.

В официальном протоколе медицинской экспертизы значится, что смерть Мартина Лютера Кинга наступила через час после выстрела. А выстрел был сделан в 6.01 пополудни 4 апреля 1968 года.

Так в американском городе Мемфисе, штат Теннесси, был убит американский священник Мартин Лютер Кинг, лауреат Нобелевской премии мира, один из руководителей борьбы в защиту прав человека в США.

Я напомню внешнее течение событий, последовавших за выстрелом в Мемфисе 4 апреля 1968 года, так, как я воспринимал их тогда, будучи корреспондентом АПН в США и передавая в московские газеты сообщения о том, как разворачивались эти события.

И здесь не обойтись, вероятно, без описания той жизни, в которую погрузилась Америка в первые дни после убийства Кинга. А жизнь эта вдруг стала необычной и странной.

Черное население Америки выходило на улицы городов в отчаянном протесте против убийства лучшего из своих сынов, мечтателя, имя которого они связывали с надеждой на лучшее будущее.

«Умиротворять» протест вышли полиция, национальная гвардия, армия. На телевизионных экранах это «умиротворение» выглядело иногда похлеще, чем кадры, снятые во Вьетнаме. Война во Вьетнаме, о которой здесь привыкли думать как о войне далекой, очень далекой, пробиравшейся в Америку лишь через экраны телевидения или в письмах со штампом «Действующая армия», вдруг очутилась рядом, в соседнем городе, в соседнем квартале, даже в соседнем доме. Слова: взрыв, огонь, пламя, выстрел, смерть — оказались в газетных колонках не рядом с далекими и безразличными для обывателя названиями: Гуэ, Кесань, Сайгон, а — неожиданно — в пугающем соседстве со словами Чикаго, Балтимор, Питтсбург, Вашингтон...

Войска занимали оборону по всем правилам военной науки, хотя собирались отстаивать от противника не высоту № 471 во Вьетнаме, а вполне близкую, известную американцам с детства высоту под названием Капитолийский холм в Вашингтоне. Пулеметчики занимали свои позиции не в безвестной вьетнамской деревушке, а на каменных ступенях здания конгресса США. Телевизионный экран в бешеной пляске кадров показывал с вертолета вашингтонские кварталы, а зрители с трудом могли разглядеть их. Мешал не туман, а дым пожарищ. Все на свете регистрирующие американские журналисты сообщили, что такого числа пожаров в Вашингтоне не было с пожарища 1812 года. Бушующее пламя в окнах, солдаты, идущие по улице с винтовками наперевес, — и все это не в далекой стране, где война шла уже несколько лет, а в Вашингтоне, всего в нескольких кварталах от Белого дома!

Вот что передавал я в те дни в Москву:

«...Угол 14-й улицы и улицы F в Вашингтоне. Солдаты идут цепочкой в десять человек. Их фигуры на фоне пламени выглядят, как тени. У каждого в руках карабин с примкнутым штыком. Идут гуськом.

Первый смотрит вперед, второй — в пол-оборота влево, третий — в пол-оборота вправо и так далее. Так называемая «елочка». Точно такое же построение я видел на фотографиях — американские солдаты во Вьетнаме. Но там я мог различить лица, здесь они закрыты противогазами. И голос человека, которого интервьюирует подбежавший корреспондент, доносится глухо. Это офицер. Он в джипе. Уткнув свиной пятачок противогаза в микрофон, отвечает на вопросы будто из подземелья.

— Газовые маски? Это потому, что мы будем применять газ. Газ — лучше, чем прямая сила.

Под «прямой силой» подразумевается огнестрельное оружие. Оно, как видно, оставлено на последний, критический момент. Стрельбы на улицах не слышно. Только треск пламени.

Фасад Белого дома ярко освещен. Там стоят юпитеры телевидения, корреспонденты дежурят, постоянно ожидая событий, заявлений, слухов.

...Малоподвижное, оплывшее лицо мэра города Чикаго — во весь экран телевизора. Он официально объявляет о введении комендантского часа в городе. Лицам до 21 года воспрещается появляться на улицах после 7 часов вечера и до 6 часов утра...

Замыкаются провода электропередачи. Искры. Падает столб.

Диктор: «В Чикаго не работают телефоны...»

«В присутствии свидетелей к сему приложил руку апреля 5-го дня в год нашего властителя 19 сотен 68-й и независимости Соединенных Штатов Америки год 192-й Линдон Джонсон».

(Из Указа президента США о введении чрезвычайного положения в городе Вашингтоне).

...В Мемфисе журналист интервьюирует начальника местной полиции, затянутого в черную кожу. Он сидит в своем оффисе. Фамилия его — Холломен.

— Чиф, будут лн беспокойства в Мемфисе сегодня вечером?

Чиф склоняет голову и хочет потрогать пальцами значок на кожаной груди. Значок оторван.

— Все сегодня расползается на части,— ворчит он и отвечает на вопрос: — Ну, наверное, могут быть кое-какие беспорядки.

— Вы рады тому, что вам на помощь прислаиа национальная гвардия?

— Еще бы! Я рад любому лишнему человеку, которого мы могли заполучить.

— Чиф, что, по вашему мнению, является причиной беспокойств в Мемфисе?

— Слишком миого цветиых... — зло говорит чиф Холломен. — Слишком много цветиых...

...Поздно ночью 4 апреля я еду в иью-йоркский Гарлем. По сравнению с пожарами Вашингтоиа здесь относительно спокойно. Всего иесколько горящих зданий, несколько десятков разбитых витрии, разграбленных магазинов.

Но я никогда не видел здесь такого количества народа.

Даже в часы пик. Вдоль 125-й улицы догорает несколько зданий. Идет дождь, асфальт скользкий. Больше всего я боюсь задеть кого-ийбудь машииой. Ее перевернут и сожгут в считанные минуты...

Утром следующего дня в Гарлеме уже убирают мусор, разбитые стекла, хозяева магазинов наблюдают, как рабочие прибивают на место сорванные с витрин тяжелые металлические решетки. После тревожной, но сравнительно «благополучиой» ночи у полицейских неплохое настроение. Они улыбаются. Один кричит мне: «Янки, гоу хоум!». Это шутка. Убирайся, мол, белый американец, подобру-поздорову из Гарлема. И он смеется своей шутке.

Другой вполне серьезно предлагает:

— Если хотите, я буду вас сопровождать.

— Ничего, спасибо.

— Ну, как знаете. Тут корреспондентов вообще-то не особенно жалуют.

Это действительно так. Раза два мне кричат:

— Не спрячешь свою поганую камеру, разобьем!

Я нацеливаюсь фотообъективом на разрушенное здание.

— Эй, мистер, — насмешливо кричит мне старый негр в шляпе с красным перышком. — Этот дом всегда был таким. Вчера сожгли вон тот...

И вокруг смеются.

...Полицейским привезли кофе в картонных стаканчиках и треугольные бутерброды в запотевших полиэтиленовых пакетиках. Красивые бутерброды — белый хлеб, сиреневая ветчина и зеленый листик салата. Немного неудобно есть — на одной руке палка на ремешке из сыромятной кожи, на другой — висит стальная каска. Но никто не снял с руки каску. Никто не положил в сторону длинную деревянную дубинку.

...Солнечный день. Двое пожилых джентльменов в шляпах, в темных костюмах сидят на скамеечке в самом центре перекрестка на крохотной ленточке сквера. Один держит под подбородком сделанный из тонкой жести блестящий отражатель — это для того, чтобы солнечный свет равномерно падал на лицо. Отражатель похож на забрало, снятое со средневекового рыцаря из музея Метрополитен, надраенное до блеска. Другой джентльмен медленно и со вкусом распечатывает сигару. Продолжает начатую уже фразу.

— ...Политическая борьба — это я понимаю, мог бы понять. Но ведь все, что произошло, это просто грабеж, бандитизм, хулиганство!..

Рыцарь, не открывая блаженно прищуренных глаз, сдержанно кивает, стараясь не расплескать солнечные лучи.

И вдруг взрывается парень, который стоит здесь рядом и ждет зеленого света, чтобы перейти улицу.

— А как же им еще протестовать?! Как еще?! Что — словами вас убеждать?!

Только что говоривший джентльмен вздрагивает, но, овладев собой, будто бы не замечая парня, молчит, языком приклеивая к сигаре отставший табачный лист.

А парня уже одергивает стоящая рядом с ним девушка:

— Зачем ты? Разве не видишь, с кем имеешь дело?

Зеленый свет. Парень и девушка переходят улицу. А джентльмен, облизав сигару, произносит укоризненно:

— А ведь бе-е-лый человек!

Его молчалнвый собеседннк с рефлектором на шее снова кивает аккуратно, чтобы не расплескать солнце, чтобы загар был ровным.

Многое в Америке изменилось после убнйства Мартнна Лютера Кинга. Президент отложнл поездку в Гонолулу. Ярмарку западного полушария в Техасе вместо него открывала его жена — леди Берд. Вручение Оскаровскнх премнй кнноактерам было перенесено с понедельннка 8 апреля на среду 10 апреля. День похорон Мартнна Лютера Кннга — вторник 9 апреля — был официально объявлен траурным днем. Все флагн на государственных учрежденнях приказали прнспустить. По всей стране служнли молебен в память доктора Кннга.

В пятницу 5 апреля, на другой день после убнйства в Мемфисе, я слышал по радно рекламное объявленне: «Проведнте траурный уикенд на Ямайке. Фешенебельные отели, коллекцнонные внна, изысканная кухня. Проведнте траурный уикенд, посвященный памяти Мартнна Лютера Кннга, на Ямайке. Звонните своему агенту по путешествням...»

Джнм Гаррнсон, окружной прокурор города Нового Орлеана, сказал мне: «У амернканской мафии существует прием. Чтобы отвестн от себя подозрення и отвлечь вннманне публнкн, убнйца устраивает своей жертве пышные похороны. Очень пышные. Люди смотрят, людн любуются, людн восхнщаются, даже завидуют. Громкне, пышные похороны — вот чем удовлетворяют публнку. После такнх похорон уже ннкому ничего не нужно. И убнйцу нскать не обязательно...»

Кннгу былн устроены о ч е н ь п ы ш н ы е похороны.

Если говорить о событиях, связанных с поисками убийцы, то они происходили в следующем порядке.

Через час после смерти Кинга страна (да и, пожалуй, весь мир) уже рассматривала через объективы телекамер балкон мотеля, где только что стоял Кинг, следила за действиями щеголеватых полицейских в белых касках, детективов ФБР, которые тщательно замеряли рулеткой положение тела Мартина Лютера Кинга, отмечали их скорую работу, вслушивались в официальные заявления отделения ФБР в Мемфисе, каждое из которых начиналось словами: «Приняты все меры»... «Брошены все силы»... «Арестованы двое подозрительных»... Уже к раннему утру 5 апреля было объявлено, что ФБР «взяло след» и идет за преступником, ему не уйти далеко.

Перечислялись улики.

— Выстрел раздался со стороны старого дома, находящегося напротив мотеля «Лоррейн». В этом доме помещается дешевая гостиница, точнее, меблированные комнаты — румминг-хауз.

— Управляющая румминг-хаузом миссис Бесси Брюэр сообщила агентам ФБР, что в 3 часа 15 минут дня 4 апреля в гостиницу пришел человек, назвавшийся Джоном Виллардом. Он снял комнату на втором этаже дома, окна которого смотрят на мотель «Лоррейн», заплатил деньги за неделю вперед, но после 6 часов вечера исчез.

— Постоялец меблированных комнат Чарльз Стефенс заявил полиции, что сразу после выстрела видел человека, который быстро вышел из ванной комнаты второго этажа гостиницы миссис Брюэр и, держа что-то длинное в руках, побежал к лестнице, ведущей к выходу из гостиницы. Чарльз Стефенс описал внешность человека, и с этих слов художники ФБР сделали его портрет.

— В 10 шагах от входа в румминг-хауз на тротуаре полицейские детективы обнаружили брошенный кем-то мешок, а в мешке — одежду, бинокль, транзисторный радиоприемник, две банки из-под пива «Шлитц», еще какую-то мелочь. В мешке же была и винтовка «ремингтон» калибра 30.06.

Агенты ФБР сразу (и об этом вскорости официально было сообщено прессе) пошли именно по этой нитке следов: человек, поселившийся в отеле в 3.15,— человек, исчезнувший из руминг-хауза сразу после 6 часов вечера, — человек, который быстро шел от ванной комнаты по коридору к выходу из руминг-хауза, — человек, бросивший мешок и винтовку в 10 шагах от входа в руминг-хауз, — человек, умчавшийся на белом «мустанге».

Было объявлено, что благодаря винтовке и прочим вещам, оставленным убийцей, его настоящее имя (все понимали, что Джон Виллард — лишь псевдоним) будет скоро установлено.

Вечером 4 апреля в Мемфис прилетел министр юстиции Соединенных Штатов Америки мистер Рамсей Кларк.

И на другой же день, еще до того, как были выявлены и опрошены все возможные свидетели, Рамсей Кларк официально заявил прессе, что «убийца действовал в одиночку, никакого заговора не было».

Эти слова обеспечивались всем авторитетом министерства юстиции и подведомственного ему Федерального бюро расследований, которое, как отметил министр, снабдило его всеми данными на этот счет.

Чтобы не оставалось никаких сомнений, Рамсей Кларк повторил свое заявление — убийца действовал в одиночку, никакого заговора не было — через два дня — 7 апреля. И, видимо, считая это недостаточным, еще раз подтвердил то же самое 8 апреля 1968 года.

Министр юстиции США объявил также всему миру, что ФБР не только сидит на пятках у преступника, скрывшегося на белом «мустанге», но даже знает, «на каких бензоколонках он заправляется бензином».

Реклама фебеэровским агентам, идущим по следам убийцы, была сделана на совесть.

Через 2 или 3 дня в газетах появился портрет подозреваемого убийцы, сделанный художником ФБР по показаниям Чарльза Стефенса — постояльца руминг-хауза, комната которого находилась в двух ша-

гах от ванной, откуда, как заявили в ФБР, был произведен роковой выстрел.

Одним словом, убийца оставил так много следов и улик против себя — я бы сказал, неправдоподобно много следов и улик, — что не найти его в ближайшие дни, казалось, было просто невозможно.

Но время шло, бензин, как надо понимать, исправно заливали в баки белого «мустанга», а ФБР все сидело и сидело на пятках преступника, почему-то не в силах подобраться к его рукам и надеть на них наручники.

По номеру винтовки легко было установить, где и когда она была приобретена. Довольно быстро — 8 апреля — определили, что винтовка «ремингтон» была куплена 30 марта 1968 года, то есть за 5 дней до убийства Кинга, в городе Бирмингеме, штат Алабама, в магазине Аэромарин сапплай компани молодым человеком по имени Эрик Старво Голт. Наклеенная на рубашку, оставленную в мешке, метка прачечной позволила найти ее в том же Бирмингеме и там узнать, что Эрик Старво Голт проживал одно время в дешевеньком номере бирмингемского отеля.

Еще через 3 дня — 11 апреля — в городе Атланте, штат Джорджия, был обнаружен белый «мустанг», принадлежавший преступнику. К некоторому смущению агентов ФБР, которые держали публику в полной уверенности, что «они» сидят на пятках у убийцы, оказалось, что брошенный «мустанг» стоит здесь в Атланте уже целую неделю.

Наконец, 20 апреля (через 16 дней после убийства) ФБР объявило: по отпечаткам пальцев на винтовке и на пивных банках установлено, что Джон Виллард, он же Эрик Старво Голт, на самом деле является человеком по имени Джеймс Эрл Рэй, который отбывал наказание в тюрьме штата Миссури и бежал оттуда в апреле 1967 года, то есть за год до убийства в Мемфисе.

Фотографии Джеймса Эрла Рэя появились во всех газетах и были показаны по телевидению. Я видел их на экране. Человек с моложавым лицом в вечернем костюме с бабочкой (его снимали во время вечеринки). На одном фото глаза закрыты (моргнул,

когда вспыхнула лампа фотоаппарата), на другом — открыты (это уже работа полицейского ретушера). И тюремные фотографии: фас, профиль, внизу номер — СО 416.

Однако где находился этот человек с тремя именами, как ему удалось вырвать свои пятки из ухватистых рук фебеэровцев — все еще было неизвестно.

Итак, появилось реальное лицо, за которым стоял реальный человек с датой рождения, с мыслями, словами, поступками, друзьями и врагами, с реальной жизнью, наконец. А она — его жизнь — важна для нашего повествования. Поэтому, пока агенты ФБР преследуют Джеймса Эрла Рэя, познакомимся — очень коротко — с его жизнью до того момента, как он бежал из тюрьмы в апреле 1967 года.

Родился в 1928 году. Школу не окончил. В начале 1946 года был мобилизован в американскую армию. Служил в Западной Германии — в пехоте и в военной полиции. Был досрочно демобилизован за «неумение приспособиться к требованиям армейской службы». После армии долгое время не мог найти работы. В 1949 году попытался украсть старую пишущую машинку. Попался. Три месяца тюрьмы. В 1952 году, приставив пистолет к виску таксиста, отнял у него выручку — одиннадцать долларов. Попался. Тюрьма. Вышел на свободу и пытался ограбить бакалейную лавочку. Попался. Получил 20 лет. В общей сложности он провел за решеткой 13 с половиной лет. Несколько раз пытался бежать. За это срок был увеличен до 48 лет. Но он все-таки бежал — в апреле 1967 года. И вот меньше чем через год разрядил винтовку «ремингтон» калибра 30.06 в Мартина Лютера Кинга. Так, во всяком случае, утверждало Федеральное бюро расследований, и это утверждение получило полную поддержку Министерства юстиции США устами министра Рамсея Кларка.

Биография Рэя свидетельствовала о том, что ФБР имело дело хоть и с профессиональным вором (если только признаком профессионализма можно считать неоднократные попытки браться за одно и то же), но одновременно и с удивительным неудачником. Он

попадался всегда. Попадался глупейшим образом. Одни раз, проникнув в какую-то лавчонку и затем бежав оттуда с мелочью, о которой не стоило бы и говорить, он попался по той простой причине, что во время ограбления выронил и оставил на полу... свое удостоверение личности. В другой раз, ограбив прохожего и пытаясь скрыться, он перепутал улицы и... заблудился, а поняв это, не нашел ничего лучшего, как вернуться — к великому удивлению полицейских — к месту преступления, чтобы искать от печки нужную дорогу. Полицейские превозмогли удивление и, конечно, схватили преступника. В третий раз он попался после ограбления какого-то мелкого учреждения, потому что, посчитав украденное, счел его недостаточным, вернулся и попытался снова залезть в разбитое им окно, чтобы унести что-нибудь еще.

Таков был этот вор-неудачник, скорее персонаж для комедии, чем таинственный неуловимый злодей. Уж кого-кого, а такого человека ФБР, навалившись на него всей своей мощью, должно было арестовать, если не в первые минуты после выстрела, то хотя бы в первые часы. Однако прошла уже не одна неделя, а ФБР ничего не могло сообщить прессе кроме того, что розыски ведутся в небывалых даже для Соединенных Штатов Америки масштабах.

Его разыскивали по «списку десяти» — самых опасных преступников страны. Все десять мест в списке были уже заняты, вакансий, что называется, не было, но его имя все-таки включили туда — одиннадцатым.

В истории американского сыска такое случилось лишь во второй раз.

Дни шли за днями. Прошел апрель, май. Наступил июнь. Новых вестей об убийце Кинга не было. Каждый день того пульсирующего болезненными событиями года — года президентских выборов, войны во Вьетнаме, расовых беспорядков, антивоенных выступлений — приносил новые и новые вести о сенсациях или полусенсациях. Media * не могла пожало-

* Средства массовой информации (англ.).

ваться на нехватку читабельного материала для заполнения газетных полос или дорогостоящего телевизионного времени. Казалось, что после убийства Кинга вряд ли может случиться что-нибудь, что могло бы «перекрыть» трагическую сенсацию 4 апреля или хотя бы стать с ней вровень. Однако через два месяца в ночь с 4 на 5 июня раздались новые выстрелы — на этот раз в отеле «Амбассадор» в Лос-Анджелесе. И снова, стукаясь о стенки телевизионного ящика, начала метаться Америка из конца в конец континента, из одного часового пояса в другой.

На сей раз жертвой стал Роберт Кеннеди, один из кандидатов в президенты США, только что одержавший победу на предварительных выборах в Калифорнии. А еще через три дня, будто бы специально доказывая, сколь плотно переплелись в Америке преступления, 8 июня, в полдень с минутами, когда тело с гробом Роберта Кеннеди вынесли из собора Святого Патрика и траурная процессия (похороны и здесь были очень пышными) должна была двинуться вдоль 5-й авеню к вокзалу Пенсильвэния стэйшн, вдруг были прерваны телевизионные передачи, и диктор сообщил, что в лондонском аэропорту Хитроу арестован Джеймс Эрл Рэй — человек, обвиняющийся в убийстве доктора Мартина Лютера Кинга. На экране возникли две уже знакомые фотографии...

Я видел, как на паперти собора Святого Патрика к вдове Кинга подбежал человек и что-то прошептал ей на ухо. Коретта резко повернула к нему голову. Несколько мгновений стояла неподвижно. Потом спокойно кивнула и медленно пошла дальше.

Так вдова Мартина Лютера Кинга узнала об аресте Джеймса Эрла Рэя.

Потом снова показывали 5-ю авеню, блестящие на солнце машины траурного кортежа, мотоциклистов в белых пластиковых шлемах, неестественно удлиненных телеобъективами, плотную толпу вдоль всей улицы. По лицам людей текли слезы...

И снова вести из Лондона. Нескольких минут репортажа с 5-й авеню достаточно, чтобы подоспели

детали о событиях в лондонском аэропорту и легли иа стол миогоопытиых телевизионных обозревателей.

— В 11 часов 15 минут, — вещал экраи, — агенты Скотланд-Ярда в зале ожидаиия лондонского аэропорта подошли к человеку, одетому в легкий дождевой плащ и спортивный костюм. Человек ие пытался сопротивляться аресту. Он только что прилетел из Лиссабоиа и ждал посадки иа самолет в Брюссель. При нем нашли два паспорта иа имя Рамоиа Джорджа Снейда и заряженный пистолет. Рамон Снейд, он же Эрик Голт, он же Джеймс Рэй, не сказал ни слова. Как отмечают агенты Скотланд-Ярда, он не пытался маскировать лицо...

Потребовалось еще несколько часов, чтобы публике была выдана новая порция сведений, полученных корреспондентами у ФБР.

Один из паспортов Джеймса Рэя, как оказалось, был выдан ему в Оттаве (фотокарточка иа его заявлении о заграничном паспорте и послужила нитью для поимки), другой — канадским консульством в Лиссабоне... Рэй появился в Торонто (Канада) иа 4-й день после убийства Мартина Лютера Кинга. И жил там 4 недели... Один раз сменил гостиницу... Получив паспорт, купил за три с половиной сотни долларов билет на самолет и отправился в Лондон... Потом — в Лиссабон... Там он, видимо, жил до последнего времени, а 8 июня вылетел в Брюссель с пересадкой в Лондоне...

Так это выглядело в тот жаркий, издерганный телевизионными судорогами день 8 июня 1968 года. Позже начали поступать уточняющие детали, часто противоречившие тому, что говорило ФБР представителям прессы вначале.

Стало, например, известно, что после побега из тюрьмы в 1967 году (обстоятельства побега были странными — охрана этой тюрьмы считалась одной из самых надежных) Джеймс Эрл Рэй, до этого мелкий вор-неудачник, вдруг стал богатым путешественником. Его фотографии, опубликованные во всех газетах Америки через две недели после убийства Мартина Лютера Кинга, помогли уточнить, что Рэй после тюрьмы побывал в Канаде, в Мексике, в Лос-Анд-

железе, в Новом Орлеане. Передвигался, в основном, на самолетах. Часто — первым классом. Посещал бары. Платил безотказно наличными. Купил «мустанг» за 2 тысячи долларов. Учился в школе барменов в Новом Орлеане. Брал уроки танцев. Сделал небольшую пластическую операцию лица. Выправил себе документы на имена людей, реально существующих.

Это все — до убийства Кинга.

Джеймс Эрл Рэй еще находился в лондонской тюрьме, когда в газетах уже начали появляться некоторые детали его жизни после убийства Кинга.

Бросив свой белый «мустанг» в Атланте 5 апреля, он в тот же день улетел в Канаду. Хозяйка дешевенькой гостиницы в Торонто, где он поселился 8 апреля, описывает своего постояльца так.

ХОЗЯЙКА. — Весьма благовоспитанный джентльмен. Весьма.

ВОПРОС. — В чем выражалась эта благовоспитанность?

ХОЗЯЙКА. — Всегда аккуратно платил деньги. Ничем не беспокоил хозяев. Снимал комнату за 10 долларов в неделю.

ВОПРОС. — Под каким именем он поселился у вас?

ХОЗЯЙКА. — Рамон Джордж Снейд — вот под каким.

ВОПРОС. — Не можете ли вы сказать, как он проводил свои дни?

ХОЗЯЙКА. — Уходил обычно в половине девятого утра и возвращался к полудню. Затем снова уходил и уж не было его до вечера.

ВОПРОС. — Он назвал вам свою профессию?

ХОЗЯЙКА. — Говорил, что агент по торговле недвижимым имуществом в какой-то солидной фирме. Хороший человек. Не пил, не шумел, не водил к себе гостей.

ВОПРОС. — Вы ведь, наверное, видели его фотографию, когда она появилась в газетах? Не обратили ли вы внимания на сходство?

ХОЗЯЙКА. — Ну как же, конечно, видела. Я все читала, что писали про убийство Кинга. Все, что бы-

ло в газетах. И вы знаете, мне как раз показалось, что наш постоялец похож чем-то на этого убийцу. Определенно похож...

ВОПРОС. — И как вы поступили?

ХОЗЯЙКА. — Как поступила? Я пошла и рассказала об этом мужу. Тот даже руками всплеснул: «Ты с ума сошла! Чтобы такой человек кого-нибудь убил! Просто случайное сходство». Ну я и забыла про ту фотографию.

Как о человеке спокойном, уравновешенном, говорили о Джеймсе Рэе и все, кто общался с ним в Канаде после 4 апреля. Например, мисс Спенсер, служащая конторы путешествий, с помощью которой Джеймс Рэй выправил заграничный канадский паспорт, говорила:

— Мистер Снейд произвел на меня самое благоприятное впечатление. Он пришел ко мне 16 апреля и попросил продать ему билет на самолет до Лондона и обратно. Назвался продавцом автомобилей Рамоном Снейдом. Я спросила, есть ли у него паспорт. Паспорта не оказалось, и я заполнила для него и отправила в Оттаву формальное заявление с просьбой о канадском заграничном паспорте...

По странной иронии судьбы, контора путешествий мисс Спенсер носит имя Кеннеди...

Оформив отправку заявления о паспорте, Рамон Снейд 19 апреля распрощался с гостеприимными хозяевами гостиницы, на которых он произвел столь хорошее впечатление, и в тот же день переехал в маленький отель в бедняцком итало-негритянском районе Торонто. Там он зарегистрировался под именем Пола Бриджмена, госпитального служащего, и снял на втором этаже маленькую комнату за девять долларов в неделю. Хозяева гостиницы, старики-китайцы мистер и миссис Сан Лу, рассказывали, что постоялец вел себя абсолютно спокойно и платил вполне аккуратно.

Паспорт был готов 25 апреля. 2 мая Рэй получил его на руки, предъявив мисс Спенсер свидетельство

о рождении Рамона Снейда (как потом стало известно, в распоряжении Джеймса Рэя было и свидетельство о рождении Пола Бриджмена), и тут же приобрел билет в Лондон, заплатив за него наличными 345 долларов.

По свидетельству мисс Спенсер, платил он американскими долларами, мелкими купюрами...

6 мая Снейд последний раз внес плату мистеру и миссис Сан Лу за постой и в тот же день отбыл в Лондон.

Оттуда он вскоре же вылетел в Лиссабон, где поселился в отеле «Португал». Жил там до 17 мая. В португальском отеле о постояльце тоже сложилось самое выгодное впечатление. Он, правда, часто бывал в барах, выпивал (любимый коктейль — screwdriver — «отвертка» — водка с апельсиновым соком), но платил исправно и держался уверенно. Настолько уверенно, что даже рискнул обратиться в канадское консульство за получением второго паспорта на имя Рамона Снейда, мотивируя это тем, что в написании его фамилии в первом паспорте была допущена орфографическая ошибка. Новый паспорт ему выдали.

17 мая Снейд исчез из отеля «Португал» и, где жил, чем занимался, как себя чувствовал и вел, было неизвестно. Белое пятно простиралось до 28 мая, когда он появился в лондонском отеле «Нью эрлз корт» и снял там номер.

И опять самые благожелательные отзывы. Спокоен, воспитан, хорошо одет, аккуратен в платежах.

И только последние три дня перед арестом его будто подменили. Такой вывод можно было, во всяком случае, сделать из рассказа хозяев небольшого отеля без названия возле лондонского аэропорта, куда Джеймс Рэй неожиданно переехал из отеля «Нью эрлз корт» в среду 5 июня (в день, когда был убит Роберт Кеннеди). Хозяева рассказывали, что мистер Снейд был чем-то очень встревожен. Круглосуточно сидел в комнате, никуда не уходил, кроме коротких отлучек на угол за едой и газетами. Когда в первое утро хозяйка принесла ему завтрак, он не открыл комнату и распорядился поставить поднос перед дверью. «Он казался больным, — рассказывала хо-

зяйка, — и целыми днями лежал в постели. К нему никто не ходил. И только дважды звонили из британской авиакомпании по поводу его билета в Западную Германию».

Утром, в субботу 8 июня он расплатился и поехал в аэропорт. Через некоторое время он был арестован там агентами Скотланд-Ярда.

При нем оказался заряженный пистолет. Однако Джеймс Эрл Рэй не оказал сопротивления. Был немногословен. И, кажется, не очень удивился аресту. Но в полиции твердо и категорично заявил: «Я не убивал Мартина Лютера Кинга».

Уже первые сообщения, которые газеты получили разными путями, вызвали у читателей много недоумений.

Прежде всего стало ясно, что заявление Эдгара Гувера и Рамсея Кларка о том, что «ФБР сидит на пятках у преступника» и даже знает, где он направляет свой «мустанг», было сплошным надувательством.

Мало того, оказалось, что ФБР практически не имело отношения к поимке Джеймса Эрла Рэя. Как потом выяснилось, все произошло случайно. Фотография Рэя попалась на глаза управляющему неким отелем в Монреале, в котором Джеймс Эрл Рей жил осенью 1967 года после побега из тюрьмы. Увидев фотографию, управляющий узнал в Рэе своего постояльца и сообщил об этом в полицию. Канадская полиция тут же принялась проверять — кому были выданы заграничные паспорта с лета 1967 года. Так было найдено заявление на паспорт от Рамона Джорджа Снейда, которое тот направил в Оттаву через бюро путешествий мисс Спенсер. По фотографии на этом заявлении полиция установила 1 июня 1968 года, что паспорт был выдан Джеймсу Рэю. Еще через 2 дня по регистрационным книгам авиакомпании было выяснено, что 6 мая Рамон Снейд улетел из Торонто в Лондон, а оттуда — 7 мая — в Лиссабон. Его принялись искать в Лиссабоне. Но Снейд в это время уже в течение 2 недель снова жил в Лондоне. 8 июня английская полиция, узнав, что

британская авиакомпания получила заказ от Рамона Снейда на билет в Брюссель, арестовала его на аэродроме.

ФБР настолько было не в курсе дела, что в его официальном заявлении, выпущенном в день ареста, говорилось, будто Рэя арестовали при пересадке на пути из Лиссабона в Брюссель.

Выяснилось также, что ФБР узнало о том, что Джеймс Рэй скрывался некоторое время в Канаде, только 1 июня 1968 года, то есть, когда тот уже находился в Лондоне. ФБР не слишком-то усердно занималось преследованием убийцы Мартина Лютера Кинга...

К этим странным обстоятельствам добавлялись и другие, еще более странные.

Известно, что после выстрела в Мемфисе Рэй нигде не работал. Однако у него водились деньги, он посещал бары в Торонто, Лондоне, Лиссабоне, всегда расплачиваясь наличными — в американских долларах, не обращая внимания на невыгодный курс обмена валюты. Он покупал дорогостоящие авиационные билеты. Подобный же образ жизни он вел в США, Канаде и Мексике до убийства Кинга, после своего побега из тюрьмы штата Миссури.

Миссис Сан Лу, хозяйка маленькой гостиницы в Торонто, рассказала, что 2 мая к ее постояльцу Снейду приходил какой-то высокий грузный человек. Снейда-Рэя не оказалось дома, и человек оставил для него конверт. В тот же день, после получения конверта, Рэй заплатил 345 долларов за авиабилет в Лондон и расплатился за гостиницу.

У Джеймса Эрла Рэя были документы на имя Рамона Джорджа Снейда, Эрика Старво Голта и Пола Бриджмена. Когда этот факт стал достоянием гласности, оказалось, что в городе Торонто имеются реально существующие люди, носящие эти имена и фамилии. Никто из них не знал друг друга и не знал раньше Джеймса Рэя. Но один из них — Эрик Старво Голт — физически был похож на Рэя (оба одинакового роста, телосложения, возраста, даже осо-

бые приметы сходились: у Джеймса Рэя два шрама на лбу и один на ладони, у Эрика Голта — один шрам на лбу и по одному на каждой ладони).

Каким образом незадачливый вор, апофеозом карьеры которого была попытка стянуть старую пишущую машинку, попадавшийся на всех самых пустяковых кражах, чем вызывал удивление и даже смех полицейских, оказался обладателем такого количества денег, документов, столь умело преодолел все заградительные кордоны, которые поставили вокруг него полиция и ФБР?

Кто подбирал людей, чьими именами пользовался преступник? Кто выправлял документы на эти имена?

Неужели тот самый Джеймс Эрл Рэй? Неужели у него хватило ума, смелости, сообразительности, ловкости, да просто времени на все это?

Копилка с недоуменными вопросами продолжала наполняться.

По данным ФБР, 28 августа 1967 года Джеймс Эрл Рэй под именем Эрика Голта поселился в меблированных комнатах города Монтгомери, штат Алабама. Однако управляющий отелем в Монреале (который обратил внимание на фотографию Джеймса Рэя в газетах и сообщил о ней в полицию) утверждал, что 28 августа 1967 года Джеймс Эрл Рэй находился в Монреале и жил у него в отеле.

Когда хозяину меблированных комнат в Монтгомери показали фото Джеймса Рэя, он, как сообщил журналист из газеты «Дейли ньюс», не признал в нем жившего у него Эрика Голта.

По данным ФБР, человек, назвавшийся Эриком Голтом, купил 30 августа 1967 года в Монтгомери белый автомобиль марки «мустанг», на котором впоследствии Джеймс Рэй исчез из Мемфиса. Однако когда торговцу автомобилями показали фото Джеймса Рэя, он сказал: «Этот вовсе не похож на парня, которому я продал «мустанг». Я просто не узнаю его».

По данным ФБР, 6 сентября 1967 года человек по имени Эрик Голт получил водительские права на

это имя в Алабаме. Но по сведеииям каиадской полиции, Джеймс Эрл Рэй в это время все еще иаходился в Моиреале.

Так, может быть, псевдоиимами Джеймса Эрла Рэя пользовался ие только ои, ио и какие-то другие люди, которые ему помогали?

Вопросы иаиизывались одии иа другой, и в коице коицов составили нескоичаемую цепь, в самом иачале которой стоял еще одии вопрос, требовавший ответа: зачем Эдгару Гуверу и Рамсею Кларку поиадобилось иа другой деиь после убийства Мартииа Лютера Кинга во всеуслышаиие заявлять, будто у ФБР есть даииые, что «иикакого заговора ие было, преступиик действовал в одииочку»?

А тут еще старший брат Джеймса Рэя — Джон Лэрри Рэй, у которого взяли иитервью журиалисты из телевизиоииой компаиии Эй-Би-Си, добавил: «Не думаю, что ои сделал это. Я думаю, его использовали, в каком-то смысле, как примаику... Я думаю, с иим устаиовили коитакт уже после побега из тюрьмы. Кто-то зиал, что ои подойдет для этого...» И еще брат сказал: «Я ие удивлеи, что ои был в Лондоне. Я удивлеи, что его поймали. Если мой брат убил Кинга, ои это сделал за деиьги. Ои иикогда ничего ие делал, если ие получал за это деиьги. А те, кто заплатил ему, ие хотят, коиечио, чтобы ои сидел в суде и рассказывал все, что зиает. Вот почему я удивлеи его аресту...»

Но вопросы оставались вопросами — разрозиенными, ие связаииыми между собой. Оии вели к выводу о возможиом заговоре, ио что это был за заговор, кто принимал в нем участие, как был оргаиизоваи — иа все это ответ могло и должио было дать только следствие.

Газеты сообщали, что следствие идет своим чередом, быстро и споро. Улик предостаточио. Результатов ждали с иетерпеиием. И с таким же иетерпеиием ждали иачала суда. Имеиио иа суде все должно было стать явиым. Имеиио иа суде должиы были быть получеиы ответы иа все вопросы.

Наконец, была установлена твердая дата — 12 ноября.

И вдруг — неожиданность. За две недели до начала суда вышел журнал «Лук» (номер датирован именно 12 ноября, но на прилавках он появился в конце октября) с сенсационной статьей об убийстве Мартина Лютера Кинга. Это была первая статья в серии из трех, обещанных журналом, в которой известный писатель из Алабамы Уильям Бредфорд Хьюи рассказывал историю Джеймса Рэя после побега из тюрьмы в августе 1967 года и до убийства Мартина Лютера Кинга. История была написана, по существу, самим Рэем. Он писал ее на тетрадных листочках в тюрьме и передавал писателю. Хьюи заплатил Джеймсу Рэю за право публикации этих листочков и своих комментариев к ним 47 тысяч долларов.

Если коротко пересказать историю Рэя, написанную им самим для алабамского писателя, то она сводится вот к чему.

После побега из тюрьмы в 1967 году Рэй встретил человека по имени Рауль. Человек этот — кубинец по происхождению (в Соединенных Штатах, как известно, много контрреволюционных кубинских эмигрантов), небольшого роста, светловолосый — сам познакомился с Рэем. Он пообещал беглецу большие деньги и безбедное существование где-нибудь в безопасном месте, где можно не бояться полиции и насильственного возвращения в тюрьму штата Миссури. За эти блага Рэй должен был выполнить несколько поручений Рауля. Рэй пытался узнать — каких поручений. Рауль ответил: «Деньги платят не за вопросы, а за дело».

И началась странная жизнь беглого узника. По поручению Рауля он переезжал из города в город, регистрировался в отелях под разными именами (документы обеспечивал Рауль), поступил в школу барменов в Лос-Анджелесе, учился в школе танцев в Новом Орлеане. Сделал небольшую пластическую операцию лица. Несколько раз ездил на машине в

Мексику и возвращался обратно. Как догадывался Рэй, он перевозил контрабанду, вероятнее всего наркотики, в надутой камере запасного колеса. Он получал от Рауля деньги, довольно большие деньги. По его приказу Рэй обзавелся автомобильными правами, приобрел автомобиль «мустанг» за 2000 долларов. В конце марта Рэй по приказу Рауля купил в городе Монтгомери винтовку «ремингтон» и на своем «мустанге» приехал 4 апреля 1968 года в Мемфис. Строго выполняя предписания Рауля, он снял в старом доме на Саут-Мейн стрит дешевенькую меблированную комнату № 5 рядом с ванной комнатой, из окна которой был хорошо виден балкон мотеля «Лоррейн», как раз в том месте, где находится дверь с табличкой «306».

Хьюи построил свои статьи очень убедительно. Каждому абзацу, написанному самим Рэем, сопутствовало несколько абзацев, написанных Хьюи. В них он рассказывал читателям, как проверял каждое имя, каждое место, каждого человека и каждый адрес, на которые ссылался Рэй. Хьюи изъездил всю страну, повторив весь маршрут поездок Рэя, которые тот совершал по поручению Рауля. Он встретился почти со всеми людьми, с которыми встречался Рэй, записал беседы с ними на магнитофонную пленку и убедился, что Рэй не переврал ни одного разговора, не ошибся ни в одном адресе (если Рэй не помнил или не знал адреса, он по просьбе Хьюи рисовал подробную схему — и ни разу схема не оказалась придуманной или неточной).

Так писал Хьюи в своей первой статье и затем во второй, которая появилась в следующем номере журнала.

Хьюи, конечно, не встречался с Раулем, потому что и сам Рэй не знал постоянного адреса своего таинственного хозяина. Инициатива встреч всегда исходила от светловолосого кубинца. Рэй был лишь обязан находиться в том месте, где приказывал ему быть хозяин. Журнал опубликовал две статьи. Обещал третью. В анонсе объявлялось, что именно в ней автор расскажет, как был убит 4 апреля 1968 го-

да Мартин Лютер Кинг. Американцы — да и не только они — с нетерпением ждали этой третьей заключительной статьи. Ждали с неменьшим нетерпением, чем начала суда в Мемфисе.

Все было готово к суду. Сто городских полицейских и наличные силы шерифа графства Шелби были выделены для охраны. Каждый, кто входил в четырехэтажное здание суда, прежде всего был обязан предъявить документы, затем заполнить специальную анкету. После этого человека фотографировали и брали у него отпечатки пальцев. Кроме того, его снимали на видеомагнитофон, чтобы зафиксировать походку, характерные жесты, мимику. Затем человека обыскивали. Ловкие полицейские руки рылись в бумажниках, отвинчивали колпачки авторучек, заставляли стягивать башмаки, вынимали стельки, простукивали каблуки. Только после всего этого разрешалось войти в небольшой зал судебного заседания.

В самом зале, кроме охранников, стояли телевизионные камеры, направленные на публику и регистрирующие каждое движение присутствующих в зале. Ежедневному обыску и всей процедуре проверки должны были подвергаться без исключения все, кто входил в зал заседаний, даже судья Бэттл.

Другими словами, власти города Мемфиса предприняли все возможное, чтобы с Джеймсом Рэем в их городе не произошло то, что случилось в Далласе с Ли Харви Освальдом, обвинявшимся в убийстве президента Кеннеди.

К разочарованию журналистов, для них было отведено весьма ограниченное число мест в зале суда. Было отказано в пропусках представителям таких газет, как «Вашингтон пост», «Нью-Йорк дейли ньюс», «Нью-Йорк пост».

Предполагалось, что суд продлится как минимум недель шесть.

Вдруг случилось непредвиденное. За сутки до начала суда, то есть 11 ноября 1968 года, Джеймс Эрл Рэй, человек, обвиняемый в убийстве Мартина Лютера Кинга, заявил, что он решил сменить адвоката...

Суд откладывался.

Вначале никто не мог понять — что означало это неожиданное решение подсудимого (а судебные власти в Мемфисе объяснили прессе, что это решение принял именно Джеймс Рэй и никто никакого давления на него не оказывал). Ведь с момента, когда его адвокат Артур Хэйнс взялся за дело, прошло почти полгода. Услуги адвоката всеамериканской известности стоят не одну тысячу долларов и даже не один десяток тысяч. Правда, Рэй получил 47 тысяч долларов от писателя Уильяма Бредфорда Хьюи за право публикации статей в журнале «Лук». Но этих денег (особенно после вычета налогов) явно не хватит на оплату второго адвоката (им был объявлен не менее, а еще более известный в США адвокат Перси Формэн), который должен был теперь приниматься за все дело с самого начала, знакомиться с материалами следствия, проводить свои собственные экспертизы, делать собственные выводы. В чем крылась причина отказа Рэя от опытного адвоката? Может быть, Хэйнс был недостаточно активен как защитник? Может быть, не веря в успех защиты убийцы Мартина Лютера Кинга, он сам отказался от дела?

Журналисты бросились к Хэйнсу за разъяснениями и нашли его взбешенным.

— Как вы объясняете это неожиданное решение вашего подзащитного?

— Какого черта. Как я могу объяснить?! Я услышал об этом вместе с вами! — почти кричал Хэйнс.

— Что вы собираетесь делать?

— Что я могу делать?.. Ничего я не могу делать. Но одно я обещаю — я не передам своих материалов тому, кого он наймет после меня, пока не получу те пятнадцать тысяч долларов, которые этот идиот еще должен мне... Сполна. До одного цента!.. Пусть Перси Формэн и не пытается звонить мне, пока у меня не будет 15 тысяч!..

— Вы считаете, что Рэй виновен в убийстве Кинга?

— Виновен! Возможно, виновен. Но я уверен, что не он один. Он только соучастник. Причем, вполне

возможно, соучастник невольный. Соучастник убийства, в котором не участвовал... Только сейчас об этом уже бессмысленно говорить...

— Вы согласны с версией писателя Уильяма Хьюи?

— Вот-вот, почитайте его статьи... Там многое сказано. В последней статье будет рассказано все до конца...

Суд в Мемфисе откладывался. Откладывались ответы, которые желала услышать Америка, да и не только Америка. Ну что ж, с тем большим нетерпением принялись люди ждать появления третьей, заключительной статьи Уильяма Хьюи в журнале «Лук». В ней писатель обещал рассказать о 4 апреля 1968 года в Мемфисе, о том, кто целился в Мартина Лютера Кинга из окна ванной комнаты напротив мотеля «Лоррейн», кто нажал спусковой крючок винтовки «ремингтон» калибра 30.06, как удалось Рэю — мелкому вору-неудачнику — столь долго и столь мастерски водить за нос ФБР, полицию США, Канады, Англии, Португалии и даже Интерпол.

И вдруг — новая неожиданность. За несколько дней до выхода журнала «Лук» с ожидавшейся заключительной статьей Хьюи в газетах появилось сообщение, что статьи не будет. Ни в следующем номере, ни в последующем, ни через последующий. Вообще не будет.

Как так? Ведь было объявлено!

А вот так. Не будет, и все. Без объяснения.

Газеты писали, что статья была в редакции. Ее то ли набрали, то ли собирались набрать. И вдруг решение — статью не печатать. Чье решение? Автора? Редакторов? Владельцев журнала?

Неизвестно.

Надо сказать, решение не печатать статью, которая уже разрекламирована, которую ждут миллионы читателей, необычно для американской прессы. Необычно прежде всего потому, что первые две статьи вызвали огромный интерес. Тираж двух номеров «Лука» увеличился почти на миллион экземпля-

ров. Третья статья обещала увеличение тиража еще на столько же. Рекламодатели спешили закупить для себя место именно в этом третьем номере. Барыш сам шел в руки, и барыш немалый. А для журнала, финансовые дела которого были не блестящи, такой рост тиража и популярности — огромное дело, залог возможных успехов в будущем.

И все же статья не появилась. Не появилась, хотя владельцы журнала понимали, какой колоссальный урон не только финансовому положению, но и престижу их издания принесет отказ от публикации обещанной статьи (через несколько лет «Лук» скончается, подточенный нерентабельностью). Понимали, и все же решились не печатать...

Да, это было весьма необычное для американских нравов решение.

Сведения о содержании третьей статьи все же проникли за стены редакции. Как их убережешь, если статья была в редакции и ее читали десятки людей.

Вот в общих словах ее содержание.

Рэй, по его собственным словам, действительно снял комнату в доме напротив мотеля «Лоррейн» с окнами, выходящими в сторону балкона номера, где жил Кинг. 4 апреля в эту комнату пришел Рауль, а Рэй по его приказу спустился вниз.

Через несколько мгновений после того, как раздался выстрел, Рауль подбежал к машине (по дороге бросив на тротуар мешок и винтовку в чехле), влез в нее, лег на пол у заднего сиденья и накрылся подстилкой. Рэй погнал «мустанг» в северную часть города. Через некоторое время, когда он остановил машину перед светофором, Рауль открыл дверцу, вышел из машины и исчез.

Как было установлено, Рэй доехал на машине до Атланты, оттуда на самолете улетел в Канаду, а затем с паспортом, полученным по документам, которыми заранее снабдил его Рауль, улетел в Лондон. Позже его должен был найти Рауль и отдать причитавшиеся деньги — 12 тысяч долларов.

Такова была история, рассказанная Рэем и, насколько было возможно, проверенная Уильямом Хьюи.

И хотя третья статья не появилась, но уже вторая статья Хьюи заканчивалась твердым выводом автора: убийство Кинга было результатом заговора, в заговоре участвовали люди, которые стремились к обострению расовых противоречий в Соединенных Штатах. Что это за люди? Ответ дал сам Хьюи в интервью по радио в связи с публикацией его статей: «После длительной поездки по южным штатам для проверки рассказа Рэя, — сказал он, — я убедился, что речь идет о заговоре правых реакционных сил».

Надо сказать, что Хьюи убедил многих в Америке. Рассказанное им трудно было опровергнуть. В добросовестности известного автора мало было сомнений.

Приблизительно в это время, когда улик, говорящих о заговоре — причем, о заговоре справа, — казалось, накопилось немало, вдруг неожиданно выплыла версия о том, что Кинга убили «сами левые», его друзья.

В год убийства Кинга писатель Трумэн Капоте был сравнительно нестар. Небольшого роста, блондин со светлыми глазами и очень белой кожей лица. Обычно он появляется на публике в широкополой черной шляпе и длинном черном пальто, застегнутом на все пуговицы. Это его «торговая марка» — трейдмарк, как говорят американцы. Часто этот наряд дополняют еще черные очки и — всегда — неожиданно тонкий мяукающий голос и жеманная медленная манера разговора — с придыханиями. С тех пор, как появился его известный документальный роман «Хладнокровное убийство», Капоте считается в Америке специалистом по психологии преступления и иногда берется распутывать весьма сложные уголовные дела — просто так, ради интереса, ради, как говорится, интеллектуального моциона.

Разговор, который я сейчас приведу, состоялся в программе Джонни Карсона, популярнейшем «разговорном шоу» американского телевидения. Капоте — нужный гость на ТВ. Он необычен, а необычность привлекает. И Джонни Карсон ради него даже по-

жертвовал встречей с сестрой жены президента Джонсона, которая уже была запланирована на тот вечер.

— Скажите, пожалуйста, Трумэн, у вас, как говорят, есть версия убийства Кинга.

— М-да, кое-что есть.

— В чем она состоит? По вашему, Мартина Лютера Кинга убил Рэй?

— Я согласен назвать убийцу этим именем. Но в наше время имена настолько не имеют значения, а поддельный документ, который выглядит лучше настоящего, настолько не проблема, что я готов назвать убийцу любым именем. Если хотите его называть Рэем, пожалуйста, пусть это будет Рэй.

— Джеймс Эрл Рэй?

— Джеймс Эрл Рэй, если вам угодно.

— В чем же ваша версия отличается от официальной?

— Я не ставил себе целью, чтобы моя версия отличалась или не отличалась от официальной. Разве официальная версия — это какой-нибудь эталон?

— Но все-таки вы считаете, что Кинга убил Джеймс Эрл Рэй?

— Я не знаю настоящего имени убийцы Мартина Лютера Кинга, но мы с вами условились называть его Джеймс Эрл Рэй. С таким же успехом мы могли бы назвать его Икс, Игрек, Зет. Версия моя состоит в том, что тот Рэй, который убил Кинга, мертв. Он мертв уже месяц или около того.

— Он погиб или его убили?

— Его убили свои же. Те, кто организовывал убийство Кинга.

— Вы имеете в виду правых, расистов?

— Нет. Я имею в виду левых. Может быть, даже очень близких к Кингу людей. Они организовали это убийство.

— Мотив?

— Ну, это совсем просто: для того, чтобы спровоцировать расовые беспорядки в городах Америки.

— Зачем они им?

— Любым левым всегда полезны беспорядки... Впрочем, правым они, возможно, еще более полезны.

— Чем, позвольте спросить?

— Дают повод, чтобы расправиться с левыми...

— Не кажется ли Вам, что наш разговор похож на разговор двух регулировщиков уличного движения? Справа, слева, слева, справа?

— ...Я хочу вам ответить прямо: Кинга убили левые, ультралевые, которые недовольны были Кингом из-за того, что он отрицал насилие. Из этого убийства они извлекают две выгоды: убирают со сцены ненужного им миротворца и вызывают расовые беспорядки в городах. Они убили Кинга, они же убили и того человека, которого мы с вами условно назвали Джеймс Эрл Рэй...

У Капоте удивительно холодные глаза, и его сравнительную молодость или, точнее, сравнительную нестарость подводит жеваный подбородок и нижняя губа, которую он по временам, как старушка, поджимает, отчего лицо его принимает одновременно обиженное и кокетливое выражение. Говорит он, мяукая, тоненьким голоском, заводит при этом глаза вверх, под свою шляпу, будто хочет рассмотреть, что там под этой, известной всей Америке шляпой. Американец, он говорит с английским акцентом, очень медленно...

— Преступник рождается преступником, — продолжает Капоте. — В нем заложены гены преступлений.

— Вы можете по внешнему виду отличить преступника от честного человека?

— Не всегда, но многие убийцы имеют нечто общее.

— Например?

— Ну, например, я никогда не встречал жестокого убийцы — я, естественно, имею в виду не убийство в состоянии аффекта, а предумышленное жестокое убийство, — который не имел бы татуировки.

— Но ведь это, наверное, зависит от среды?

— Вы меня спросили, могу ли я отличить по внешнему виду преступника, я вам отвечаю. А о среде мы с вами в данный момент не говорим.

Джонни Карсон улыбнулся и хотел задать следующий вопрос...

— И еще один внешний признак, — домяукал Капоте, глядя на ведущего почти насмешливо: — Я никогда не встречал убийцы, который, принимаясь рассказывать о совершенном им преступлении, не начал бы улыбаться...

Идею об убийстве Кинга «слева» выдвигал не только Трумэн Капоте. За ним эту версию повторил, например, журнал «Тайм». Но в дальнейшем, по-видимому, было решено придерживаться сценария «одинокого убийцы», — он считался безопаснее, и версия «заговора слева» заглохла.

Новый адвокат, которого назвал в своем письменном заявлении Джеймс Эрл Рэй, — техасец Перси Формэн, сказал, что для изучения дела ему потребуется минимум три месяца. Судья удовлетворил просьбу, суд был отложен на три месяца.

Три месяца прошло. Еще раза два откладывалось начало суда.

Наконец, была назначена окончательная, как говорили, дата — 12 марта 1969 года.

И вдруг — новое странное, и на первый взгляд, невероятное событие. Накануне назначенного дня судебные власти в Мемфисе объявили, что между обвинением и защитой заключено соглашение: Рэй признает себя виновным и в обмен получает не электрический стул, а 99 лет тюрьмы.

Суда же в общепринятом виде не будет. Не будет показаний свидетелей, не будет перекрестных допросов, не будет сомнений. Будет лишь выступление обвинителя, в котором он приведет основные доказательства виновности подсудимого в убийстве Мартина Лютера Кинга, будет выступление адвоката, в котором он согласится с неоспоримостью аргументов обвинения, и будет сообщение, что подсудимый признает себя виновным. Вот и все.

Так оно и было. Суд начался 12 марта и в тот же день закончился.

Обвинитель выступил перед присяжными с короткой, но энергичной речью, в которой заявил, что сомнений в виновности Джеймса Эрла Рэя нет, как нет

сомнений и в том, что Рэй действовал в одиночку, что никакого заговора не было, а улик против подсудимого более чем достаточно, чтобы посадить его на электрический стул, но поскольку тот поступает благоразумно, признает себя виновным и тем самым избавляет всех от утомительной и дорогостоящей процедуры слушания дела, то обвинение согласно заменить электрический стул 99-летним тюремным заключением.

Защитник в ответ произнес несколько комплиментов в адрес обвинителя и, не пытаясь защищать подсудимого, просил верить ему, что Рэй действовал в одиночку и что улик совершенно достаточно для того, чтобы посадить подзащитного на электрический стул. Однако, сказал защитник, поскольку Рэй проявил благоразумие, признал себя виновным, освободил суд от необходимости долгого, хлопотного и дорогостоящего слушания дела, то защитник согласен с гуманным требованием обвинителя о 99-летнем тюремном заключении.

Судья похвалил обвинителя, похвалил защитника, сказал, что раз обвиняемый благоразумно признал себя виновным, избавив суд и т. д., то разбираться тут не в чем, все ясно. Гуманный закон штата Теннесси позволяет, сказал судья, в подобных случаях безо всякого слушания дела приговорить обвиняемого, преступление которого достойно, конечно, смертной казни, к мере наказания, с которой согласны как обвинение, так и защита, то есть к 99 годам тюремного заключения.

Рэй выслушал приговор, растерянно крутя головой.

— Вы хотите что-нибудь сказать? — милостиво обратился к нему судья. — Последнее слово подсудимого?

Рэй встал, одернул рукава, посмотрел на своего защитника, потом на обвинителя, на присяжных, на судью.

— Ваша честь, — сказал он, — да, я хотел бы кое-что поправить...

Обвинитель, судья, защитник воззрились на него с некоторым удивлением.

— Нет, я не собираюсь менять что-нибудь из того, что уже сказал, — счел нужным успокоить их Рэй. — Но я хотел бы кое-что дополнить...

— Что? — угрожающе спросил судья.

— Одну вещь надо сказать... насчет того, что я не согласен с мистером... — Рэй снова посмотрел вначале на защитника, потом на обвинителя, потом на судью.

— С кем вы не согласны? — спросил судья.

— С мистером Кларком.

— С каким мистером Кларком? — удивился судья.

— Мистером Рамсеем Кларком, — уточнил защитник Формэн.

— Мистер кто? — не расслышал судья.

— С мистером Кларком и мистером Эдгаром Гувером, — сказал Рэй.

— С мистером Кларком и мистером Эдгаром Гувером?! — в словах судьи прозвучало веселое удивление.

— Но я не собираюсь ничего менять... — снова успокоил Рэй.

— Так с чем же вы не согласны? — спросил судья.

— С мистером Кэнейлом. С мистером Кларком, мистером Гувером и мистером Кэнейлом *. — Рэй добавил уже третье имя.

— Ну, понятно, понятно. С чем же вы все-таки не согласны? — терпение судьи начинало иссякать.

— Насчет заговора, — тихо сказал Рэй. — Потому что...

— Что насчет заговора? Какого заговора? — прервал его судья. — Ведь вы признали себя виновным!

— Я признал себя виновным, я виновен, — Рэй дергал себя за рукава пиджака. — Но я не согласен насчет того, что заговора не было... нельзя сказать, что заговора не было.

— Это уже не имеет значения, — судья решил поставить точку, — главное, что вы признали себя виновным. Еще раз я вас спрашиваю: согласны вы

* Обвинитель.

признать себя виновным и получить 99 лет вместо электрического стула?

Рэй беспомощно повертел головой, увидел глаза, лишенные сочувствия к нему, и сказал хрипло:

— Да, сэр... согласен...

Сенсационная весть разлетелась по всей стране. Журналисты осаждали здание суда в Мемфисе. Их туда не пускали. И оттуда никто не выходил. Рэя держали там взаперти. Корреспонденты решили стоять насмерть и дежурить возле здания суда всю ночь. Они заняли позиции у всех дверей, откуда могли вывести Джеймса Рэя. Продрогли — мартовские ночи в Мемфисе холодные. Злились на полицию: о времени вывода Рэя никто не сказал корреспондентам ни слова.

Но журналистов все-таки обманули. В час ночи Рэя, переодетого в форму заместителя шерифа, провели перед самым их носом. Никто из них и глазом не моргнул — не представляли, что полиция может пойти на такую хитрость.

Рэя посадили на заднее сиденье полицейского автомобиля, с окнами, забранными пуленепробиваемой металлической сеткой, и отвезли вначале в домик дорожного патруля, а оттуда, переодев в штатское, в пять утра в караване из восьми полицейских машин помчали со скоростью 80 миль в час в Нашвилл, штат Теннесси. В 8 часов утра его ввели в здание нашвиллской тюрьмы в наручниках и кандалах, соединенных общей цепью, чтобы оставить его здесь на 99 лет.

Его поместили в камеру № 4. Два метра ширины, три — длины. Койка, стульчак, умывальник. Железобетонные стены, выкрашенные зеленой масляной краской.

Только под утро разошлись обозленные фотокорреспонденты от здания судебной тюрьмы в Мемфисе, поняв, что их все-таки ловко обманули. И бросились к Уильяму Хьюи — человеку, который печатал в журнале «Лук» сенсационные статьи. Что он думает обо всем этом? Ведь он так убедительно доказал, что Рэй действовал не один, что убийство Кинга — результат заговора, в котором Рэй, приговоренный к

99 годам, — далеко не главная фигура! Как совместить это с решением суда в Мемфисе, суда, которого, по существу-то, и не было?..

Хьюи долго не принимал журналистов, отказывался отвечать на их вопросы, а когда принял, журналисты встретились с новой неожиданностью.

— Я тоже пришел к выводу, что Рэй действовал один, — сказал им Хьюи.

— Но, позвольте, вы так убедительно доказывали обратное?!

— Да, доказывал, но потом изменил свое мнение.

— Вы получили дополнительные сведения? Рэй отказался от своей версии?

— Нет, просто я изменил свою точку зрения.

— Почему?

— Я нигде не мог найти мистического Рауля. Я не встречал его и не видел людей, с которыми он встречался. И Рэй мне не смог назвать ни одного человека, который бы знал Рауля. Я пришел к выводу, что Рэй выдумал его. Поэтому я сам отказался от публикации третьей статьи.

Ответ был весьма странным. Хьюи собирал материал и проверял его досконально в течение 5 месяцев. Он не изменил своей точки зрения после того, как была напечатана первая статья, не изменил своей точки зрения, когда появилась вторая статья. И вдруг в короткий промежуток времени, между публикацией второй и третьей статей, он повернул свою позицию на 180 градусов. В этот промежуток он нигде не был, никуда не ездил, никаких неожиданных дополнительных сведений получить не мог, да и не ссылался на них. И вдруг изменил свою точку зрения на полностью противоположную!

Ну хорошо. Он действительно не встречался с Раулем и не видел людей, которые с ним встречались. И Рэй действительно не мог назвать ни одного человека, который бы знал Рауля. Но ведь главная задача Рауля — если такой существовал — как раз и состояла в том, чтобы встречаться с Рэем без свидетелей и сделать все так, чтобы ни Рэй, ни Хьюи, ни кто бы то ни было другой не могли найти его сле-

дов. И разве нельзя допустить мысли, что Рауль преуспел в этом?

К цепи недоуменных вопросов прибавнлось еще несколько: кому нужно было замять дело о заговоре? Кто заставил Унльяма Хьюи «убедиться» в версни, противоположной той, которую он недавно так уверенно доказывал сам? Кому было нужно не допустнть открытого суда над Рэем? Кому была необходима и выгодна сделка между прокуратурой и защитой? Много, очень много вопросов...

Ну, а что же сам Рэй? Что заставило его признать себя виновным?

Уже через несколько часов после того, как его поместнли в нашвилльскую тюрьму отбывать без года вековой срок, он заявнл тюремному начальству, что хотел бы получить нового адвоката: «Меня убеднлн, — сказал он, — что если я не признаю себя виновным, то попаду на электрический стул. Мой адвокат в течение шести недель говорнл мне, будто лучшее, что я могу сделать, это признать себя виновным. Тогда, мол, защита сможет заключить сделку с обвинением, и меня нзбавят от электрического стула. Он говорил мне, что этого можно было бы добиться... Черт побери, сейчас я понимаю, что зря это сделал, потому что со всем тем, что онн на меня понавешали, — жнзнь для меня самое страшное наказанне...»

В Мемфисе обманули не только журналистов. Ловко обманутыми оказалнсь мнллноны людей, которым, как выразнлась Коретта Кинг, «небезразлнчно это убнйство» и которые ждалн ответа — кто же стрелял н кто помогал стрелять в Мартнна Лютера Кинга. Люди ждалн фактов, тщательного расследовання, публичного обвинения н публнчной защиты, объяснення многих странностей и протнворечнй, которыми нзобилует это преступление.

— Нельзя позволнть, чтобы прнзнанне вины закрыло процесс нлн положнло конец розыскам тех, кто помог нажать курок, — сказала Коретта Кннг, узнав о решенин суда в Мемфнсе. — Все, кому небезразлично это убийство, должны требовать от штата

Теннесси и правительства Соединенных Штатов, чтобы расследование продолжалось, пока не будут названы все, кто принимал участие в этом преступлении.

С тех пор прошло десятилетие, однако и сейчас еще не выпрямлен круто согнутый знак вопроса — кто же все-таки убил Мартина Лютера Кинга и кто организовал это убийство.

Расследование дела об убийстве Мартина Лютера Кинга, проведенное конгрессом США и закончившееся в конце 1978 года, не изменило положения.

Часть 2

За стойкой отеля, на которой ничего нет, кроме календаря и большой стеклянной банки с разноцветными конфетами, стоит хозяйка отеля миссис Бэсси Брюэр, женщина пожилая, небольшого роста, полная, с седыми, чуть голубоватыми, аккуратно уложенными волосами. Она отвечает на вопросы спокойно и держится тоже спокойно. А чего ей, собственно, волноваться? Ко всей этой истории она не имеет ни малейшего отношения. Мало ли людей на свете, мало ли у кого какие с кем счеты, мало ли кто кого хочет убить, может быть — за дело! К ней пришли, спросили комнату, она дала комнату, вот и все. Чего же ей волноваться? Поэтому она держится спокойно и с достоинством. Кажется, она даже не без симпатии говорит о том человеке, который, как полагают, стрелял.

БРЮЭР. — Это был чистый, опрятный господин. Очень аккуратно постриженные волосы. Ничего в нем такого не было. Темный костюм. В руках какой-то баул, больше ничего.

ВОПРОС. — Какую комнату он у вас просил?

БРЮЭР. — Какую-нибудь, он не назвал — какую. Я сказала, пожалуйста, вам № 8 с кухней за 10 долларов в неделю. Свободна. Но он ответил, что номер восемь не подойдет, ему нужна только спальня. Кухня не обязательно. Ну, спальня так спальня. Я тогда предложила пятую. Он сказал: «Вот и прекрасно». Вежливый был господин.

ВОПРОС. — Он ходил наверх осматривать комнату?

БРЮЭР. — Нет, сразу согласился. От восьмой отказался, а на пятую согласился. И говорит: «Вы хотите, чтобы я сейчас расплатился?». Я говорю: «Как угодно». Тогда он: «Лучше сейчас». Вынул из бумажника 20 долларов — новенькая была бумажка — и протянул мне двумя руками.

ВОПРОС. — Двумя руками?

БРЮЭР. — Да, очень просто. Держал ее двумя руками. Так и протянул.

ВОПРОС. — С каким акцентом он говорил?

БРЮЭР (чуть помедлила и потом сказала таким тоном, каким признаются в чем-то не без гордости).— С южным. Он не янки.

ВОПРОС. — Как он выглядел?

БРЮЭР. — Я ведь уже сказала вам — костюм темный, пострижен аккуратно.

ВОПРОС. — А лицо, какое лицо?

БРЮЭР. — Что значит — какое лицо? Лицо как лицо. Нос, два уха, глаза.

ВОПРОС. — Вот вы и расскажите, какой нос — длинный или короткий, какие глаза — голубые или, скажем, черные, в общем, опишите лицо.

БРЮЭР. — А зачем мне нужно было его лицо? Я не смотрела на него. В книгу я его записала, в регистрационную. Джон Виллард. Не могу же и в книгу записывать и вверх глядеть, на лицо.

ВОПРОС. — Но прическу вы, однако, заметили?

БРЮЭР. — Не прическу я заметила, а стрижку. Сейчас много патлатых, а этот — нет, этот был аккуратный.

ВОПРОС. — Кто, кроме вас, мог его здесь видеть?

БРЮЭР. — А кто же здесь? Я одна. Может быть, кто-нибудь из постояльцев на втором этаже?

Миссис Брюэр, по-видимому, действительно не глядела в лицо человеку, который назвал себя Джоном Виллардом. Потому что, когда Джеймса Эрла Рэя, наконец, поймали и фотографии его обошли все газеты, миссис Брюэр посмотрела на фото, высунула

язык и, покачав головой, сказала: «Я бы в жизни его не признала... Ни за что бы не признала».

Так миссис Брюэр отвечала на вопросы корреспондентов вскоре после 4 апреля 1968 года. Но, может быть, она потом во время следствия дала показания более точные? Это можно проверить у господина Кэнейла, обвинителя, который через много лет после мини-суда в Мемфисе признал:

КЭНЕЙЛ. — Миссис Брюэр не утверждала, что Рэй — это тот самый человек, который зарегистрировался в ее гостинице под именем Вилларда.

ВОПРОС. — Вы хотите сказать, что Рэй не приходил к ней в отель?

КЭНЕЙЛ. — Нет, этого она тоже не утверждает. Она говорит... Она говорит... что... что она ни разу не посмотрела тому человеку прямо в лицо. Ну вот что-то в этом роде. Таковы были ее показания...

Кто же все-таки видел Джеймса Эрла Рэя в меблированных комнатах миссис Брюэр? Где же та неопровержимая доказательность, на основе которой Джеймс Эрл Рэй признал себя виновным и получил без суда 99 лет тюрьмы?

И тут на сцену выступает господин Стефенс. Полностью — Чарльз Стефенс, постоянный жилец меблирашек, который, как заявило обвинение, «услышал звук выстрела и вышел в коридор как раз вовремя, чтобы увидеть левый профиль подсудимого, когда тот повернул вниз на лестницу».

Сенсации в Америке создаются и сменяют друг друга с такой быстротой, информация сегодняшняя настолько плотно заслоняет информацию вчерашнюю, а привычка да и необходимость жить только сегодняшним днем так настоятельно требует поскорей, как можно скорей, забывать день вчерашний, что в массе своей американский читатель не имеет ни желания, ни возможности сопоставлять газетные сообщения, разграниченные даже более короткой дистанцией времени, чем два с половиной месяца. Может быть, поэтому никто особенно не удивился тому, что пойманный в июне 1968 года в лондонском

аэропорту Джеймс Эрл Рэй нисколько ие был похож иа свое нзображенне, создаииое вскоре после 4 апреля 1968 года фебеэровскими художииками со слов Чарльза Стефеиса, давиего обитателя одиой из меблнрованных комнат мнссис Брюэр.

Я в то время жнл в Америке, виимательио по свонм журналнстскнм обязанностям следил за делом об убнйстве Мартнна Лютера Киига, ио н я, каюсь, в водовороте событнй (сообщеине о поимке Джеймса Эрла Рэя в лоидоиском аэропорту было передаио всеми телеграфнымн агентствами, как известно, в те мниуты, когда по 5-й авеию в Нью-Йорке двигалась траурная процессня за гробом Роберта Кеннеди — жертвы другого убийства, по закону свежести ннформацнн оттеснившего на второй плаи убнйство Мартниа Лютера Кннга) не сразу обратил иа это несходство внимание, не сразу иашел время порыться в старых газетах, взглянуть на фебеэровский портрет Рэя н сравннть.

А различне было большнм.

Сразу после убийства Мартина Лютера Киига журиалнсты бросилнсь в Мемфис к Чарльзу Стефенсу. Ведь ои был еднственным человеком, который видел предполагаемого убийцу, когда тот сразу после выстрела направлялся к лестиице, ведущей винз к выходу из гостиницы. По словам Стефеиса, убийца был иебольшого роста, даже «коротышкой», мелкого телосложеиня. Это описаиие имело мало общего с человеком, арестоваиным в лоидоиском аэропорту. Но выясиить у Стефеиса — почему Джеймс Эрл Рэй мало похож иа человека, которого Стефеис видел бежавшим нз гостиницы после выстрела, было для журналистов не так-то просто. Точиее — невозможно. Я сам звонил в Мемфнс в июле 1968 года, пытаясь разыскать Стефенса и хотя бы побеседовать с иим по телефону. Но оказалось, что главиый свидетель обвинения был... посажеи в тюрьму.

Полнцейскне н судебиые мемфисские власти объясияли это по-разному. Одии говорили, что Стефеиса упряталн в тюрьму для того, чтобы оградить его от возможных угроз (хотя, как признавали сами пред-

ставители власти, никто никогда не угрожал Стефенсу), другие заявили, что Стефенс страдает алкоголизмом и его держат в тюрьме, чтобы сохранить до начала суда свидетеля, который мог бы опознать в Джеймсе Эрле Рэе того самого человека, который после выстрела направлялся из ванной комнаты на втором этаже к выходу из гостиницы миссис Брюэр.

Но истинной причиной заключения Стефенса в тюрьму, по-видимому, было желание властей оградить Стефенса не столько от мнимых угроз, сколько от возможных расспросов со стороны журналистов. Потому что ответы Стефенса на эти неизбежные расспросы могли сильно подорвать доверие к его будущим свидетельским показаниям на суде.

На портрете человека, виденного беднягой Стефенсом и нарисованного с его слов художниками из ФБР, было изображено худощавое лицо (три четверти левого профиля) с неровной и резкой линией нижней челюсти, выдающимся вперед твердым подбородком, ясно очерченными ноздрями длинного носа, четким рисунком бровей, посаженных низко над глазами.

Портрет печатался во многих газетах, в том числе и в «Нью-Йорк таймс» от 11 апреля 1968 года, откуда мы его репродуцируем.

Если сравнить этот рисунок с фотографиями Джеймса Эрла Рэя, которые появились значительно позже, то несходство их бросается в глаза.

Зато портрет, созданный со слов Стефенса, удивительно напоминает лицо другого человека, фото которого промелькнуло в одной далласской газете за четыре с половиной года до убийства Мартина Лютера Кинга, то есть вскоре после убийства президента Кеннеди.

Это сходство и продолжало бы оставаться никем не замеченным, если бы не случай, произошедший вскоре после того, как в газетах появился фебеэровский портрет предполагаемого убийцы и сообщение о том, что преступник пользовался псевдонимом Эрик Старво Голт. К одному из настоящих Эри-

ков Голтов, то есть человеку, действительно носившему это имя, однажды подошел знакомый шофер грузовика и сказал, что у него есть фотографии убийцы Мартина Лютера Кинга.

— Откуда у тебя может быть его фото? — спросил удивленный Голт.

— Из газеты, — ответил водитель.

— Разве его уже поймали?

— Нет, но он, понимаете ли... как-то так... наверное, не первый раз занимается...

— Чем?

— Его один раз уже поймали — в Далласе... ну, знаете, когда убили Кеннеди... Джона, я имею в виду...

И шофер протянул вырезку из далласской газеты, относящейся к ноябрьским дням 1963 года. На фотографии была изображена группа людей, задержанных по разным поводам полицией в Далласе сразу после убийства Кеннеди и проходивших проверку в полицейском участке. Один из этих людей удивительным образом был похож на человека, изображенного на портрете предполагаемого убийцы Мартина Лютера Кинга и нарисованного со слов Стефенса.

Шофер объяснил, что газету он нашел однажды во время поездки по городам Соединенных Штатов под сиденьем у себя в кабине (видимо, кто-то из случайных пассажиров оставил), вырезал снимок и хранил. И вот теперь, сравнив два изображения, подивился сходству.

В следственном деле Джеймса Рэя Чарльз Стефенс упоминается как единственный свидетель, который утверждал, что Джеймс Эрл Рэй и человек, бежавший после выстрела из ванной комнаты к выходу из гостиницы, одно и то же лицо. Не странно ли это? Не странно ли, что ни судья, ни обвинитель ни словом не обмолвились на суде о том, что портрет, нарисованный в ФБР со слов Стефенса, не похож на действительного Рэя. Не странно ли, что Стефенс был упрятан в тюрьму для того, чтобы преградить к нему доступ журналистам?

Не странно ли, наконец, что обвинение не приняло во внимание показание другого свидетеля, точ-

нее свидетельницы, которая находилась в гостинице во время выстрела рядом со Стефенсом и которая была трезва, в ясном уме и твердой памяти? Я имею в виду миссис Грейс Стефенс — жену Чарльза Стефенса.

Если бы миссис Грейс Стефенс была вызвана в качестве свидетеля, ее показания (которые она повторяла в первые дни после убийства журналистам) выглядели бы приблизительно так:

ВОПРОС. — Где вы находились около 6 часов вечера 4 апреля 1968 года?

Грейс СТЕФЕНС. — Я была в своей комнате в гостинице. Около шести часов я услышала выстрел.

ВОПРОС. — Откуда шел звук?

Грейс СТЕФЕНС.— Я не могу сказать — откуда шел звук. Но я знаю, что он отдался эхом под навесом около моего окна.

ВОПРОС. — Это то, что вы слышали. А что вы видели?

Грейс СТЕФЕНС. — Сразу после выстрела из ванной комнаты вышел человек, прошел в холл и оттуда вниз по ступенькам, к выходу на Саут-Мейн стрит.

ВОПРОС. — Каким образом вы увидели его?

Грейс СТЕФЕНС. — Я видела его через открытую дверь из моей комнаты.

ВОПРОС. — Можете ли вы сказать, как он выглядел?

Грейс СТЕФЕНС. — Мне кажется, ему было лет за пятьдесят. Невысокий. Пониже меня ростом. Щупленький. (Обратите внимание, описание человека, данное Грейс Стефенс, сходится с первоначальным описанием его, данным Чарльзом Стефенсом в интервью журналистам, стр. 47. — *Г. Б.*). Одет в армейского цвета незастегнутую охотничью куртку и темные брюки. Волосы с проседью, знаете, соль и перец.

ВОПРОС. — Он что-нибудь нес в руках?

Грейс СТЕФЕНС. — Да, у него что-то было в правой руке, какой-то мешок или баул, но я бы не взялась сказать, что это такое.

ВОПРОС. — Скоро ли после выстрела пришли полицейские в гостиницу?

Грейс СТЕФЕНС. — Вначале прискакали репортеры. И они вошли в нашу комнату. Но ни одного полицейского офицера не было в нашей комнате, по крайней мере, в течение 4 часов после выстрела. Когда они, наконец, зашли, то взяли меня в полицейский участок, и там меня допрашивал инспектор Зэкери...

Итак, оказывается, свидетелей, которые видели человека, бежавшего из гостиницы после выстрела, было двое. А не один, как утверждали в полиции.

Однако показания миссис Стефенс не фигурировали в официальных бумагах следствия и не упоминались во время мини-суда. Поскольку то, что говорила она, опровергало версию об убийце-одиночке. Джеймс Эрл Рэй — выше среднего роста. А человек, которого видела миссис Стефенс, — низкорослый. Рэй — крепкого телосложения, мускулистый. А миссис Стефенс видела щупленького. Рэю тогда не было 40, а женщина видела человека, возраст которого перевалил за 50.

Впрочем, первые показания Чарльза Стефенса, судя по фебеэровскому портрету Рэя, тоже не подходили для ФБР, но алкоголика, по-видимому, легко было уговорить, чтобы он в конце концов «узнал» в Джеймсе Эрле Рэе того человека, которого видел в коридоре гостиницы. Тем более, что «уговаривать» Чарльза Стефенса помогала тюремная камера, в которую его заключили.

Ну, а миссис Стефенс, видимо, оказалась упрямее и честнее мужа. Ее не удалось «уговорить». И тогда, чтобы лишний свидетель не запутывал ясного дела, его просто-напросто вывели из игры.

8 июля 1968 года Грейс Стефенс была отведена двумя полицейскими, одетыми в штатское платье, в городской госпиталь в Мемфисе. Предлог для этого был избран простой — у нее после вывиха ноги болела щиколотка. Но в отделении первой помощи Грейс Стефенс почему-то попала не в руки хирурга, а психиатра. Тот без лишних разговоров обнаружил

у нее «склонность к самоубийству» и с этим распорядился оставить ее в госпитале, в отделении для душевнобольных. А еще через три недели Грейс Стефенс перевезли в дом умалишенных штата Теннесси.

Но вот что интересно. По свидетельству многих людей, знавших ее давно, Грейс Стефенс была психически здоровым человеком и могла целиком отвечать за себя и за свои поступки. Более того, ни в одной из историй ее болезни (до помещения в госпиталь) не было никаких записей, свидетельствовавших о каких бы то ни было признаках психического заболевания. Ее поместили в госпиталь незаконно, как по существу, так и с точки зрения процедурных норм, требующихся в таких случаях. По закону, администрация психиатрической больницы должна была заранее уведомить родственников миссис Стефенс о предполагаемой ее госпитализации. Но никто из ее родственников такого уведомления не получал. И еще одно: история болезни миссис Стефенс *исчезла* из мемфисской больницы, где она лечилась до этого.

В начале 1978 года я звонил в Мемфис, чтобы выяснить, где находится Грейс Стефенс. Мне сообщили, что ее все еще держат в больнице для умалишенных.

Ее продержали там *более десяти лет*.

Описать человека, виденного в течение десятка секунд через открытую дверь комнаты, когда он, этот человек, проходил мимо, — дело непростое, не исключающее ошибок.

Но надо полагать, что все-таки у обвинения (и у защиты, которая, как известно, целиком согласилась с обвинением) имелись бесспорные доказательства того, что именно Джеймс Эрл Рэй *был* в ванной комнате, находящейся рядом с комнатой № 5 и *стрелял* оттуда.

Такими бесспорными, исключающими всякий субъективизм и ошибки, доказательствами могли бы быть отпечатки его пальцев.

Об отпечатках пальцев и ладони Джеймса Эрла Рэя, оставленных в ванной комнате, писал знакомый

нам Уильям Хьюи, когда через полгода после осуждения Рэя на 99 лет опубликовал статью, в которой пытался опровергнуть все то, что так убедительно доказывал в первых двух статьях, напечатанных в журнале «Лук».

ХЬЮИ. — Часть времени между 4.30 и 6.01 дня 4 апреля Рэй провел в наблюдении за доктором Кингом из окна комнаты № 5. Свидетельства этому — отпечатки его пальцев и тот факт, что после убийства кресло и стол в комнате № 5 были найдены передвинутыми к окну... А отпечаток его ладони был найден на стене ванной комнаты...

ВОПРОС. — Но, позвольте, неужели Рэй настолько легкомыслен, что не догадался надеть перчаток? Уж эту-то меру предосторожности он мог бы предусмотреть?

На этот, как мне кажется, весьма логичный вопрос отвечает адвокат Рэя — Перси Формэн (заменивший Артура Хэйнса).

ПЕРСИ ФОРМЭН. — Я знаю, почему Рэй не надевал перчаток и оставил отпечатки пальцев. С одной стороны, он хотел скрыться, но, с другой — он жаждал дать миру доказательство своей причастности к этому делу. Он хотел быть героем.

Ну что же, такое объяснение вполне возможно.

Вообще, через печать было создано мнение, что чего-чего, а уж отпечатков пальцев Рэй оставил на месте преступления больше чем достаточно.

Но вот что интересно. Обвинение нигде не объявляло о том, что отпечатки пальцев или ладони Рэя были найдены в меблированных комнатах — в комнате № 5 или в ванной комнате.

Почему? Как можно было даже в краткой речи на том кратком мини-суде не сказать о такой серьезной, решающей улике?

Мы можем это выяснить у капитана Дьюэла Рэя из отделения внутренней безопасности мемфисской полиции и у инспектора Зэкери.

ВОПРОС. — Насколько мы знаем, вы обследовали комнату № 5 и ванную комнату на предмет обнаружения отпечатков пальцев и других подобных улик?

КАПИТАН РЭЙ. — Да.

ВОПРОС. — Вы действительно обнаружили отпечатки пальцев и ладоней преступника?

КАПИТАН РЭЙ. — Мы обнаружили отпечаток ладони в ванной комнате. И отпечатки пальцев мы тоже нашли— в комнате № 5.

ВОПРОС. — Вы занимались дальнейшей экспертизой, связанной с этими отпечатками?

КАПИТАН РЭЙ. — Нет, это уже дело инспектора Зэкери.

Обратимся к инспектору Зэкери, главе отделения мемфисской полиции по расследованию убийств.

ВОПРОС. — Вы проводили экспертизу по отпечаткам пальцев и ладони?

ИНСПЕКТОР ЗЭКЕРИ. — Да, под моим руководством мы покрыли специальным составом отпечатки ладони и провели экспертизу. Отпечатки пальцев в комнате № 5 тоже покрыли составом и тоже проверили.

ВОПРОС. — И что же? Эти отпечатки принадлежали Джеймсу Эрлу Рэю?

ИНСПЕКТОР. — Нет. Было установлено, что ни отпечатки пальцев в комнате № 5, ни отпечаток ладони в ванной комнате не были оставлены Джеймсом Эрлом Рэем...

Но ведь это же все меняет!

Это значит, что либо в комнате № 5 и в ванной комнате в момент выстрела находился не только Рэй, но и кто-то другой, либо Рэя там вообще не было. Это, вероятнее всего, означает также, что из окна ванной комнаты стрелял не Рэй, а кто-то другой. Если Рэй сам хотел уничтожить следы, то он один не мог бы стереть все возможные отпечатки своих пальцев (судя по отпечаткам его пальцев на винтовке, он должен был работать без перчаток). Значит, и в этом случае кто-то ему помогал, значит, и в этом случае речь идет о сообщниках, о заговоре.

Обвинение умышленно умолчало обо всем этом. А писатель Хьюи умышленно лгал, заявляя, что отпечатки пальцев в комнате № 5 и ладони на стене ванной комнаты принадлежали Джеймсу Эрлу Рэю.

Делались ли попытки установить личность человека, которому принадлежали отпечатки пальцев и ладони, найденные в комнате № 5 и в ванной комнате руминг-хауза?

Я не нашел указаний на это ни у кого из людей, официально причастных к следствию.

Выстрел в Кинга был сделан из окна ванной комнаты на втором этаже гостиницы миссис Брюэр. Если посмотреть план улицы и обоих домов, находящихся друг против друга, то можно убедиться, что окно ванной комнаты — самая (если не единственная) удобная позиция для стрельбы по человеку, который хотя бы на несколько секунд появится на балконе второго этажа мотеля «Лоррейн».

Оба дома, как я уже сказал, находятся друг против друга по улице Мэлберри. Однако адрес мотеля «Лоррейн» — Мэлберри стрит. А адрес меблированных комнат (руминг-хауза) — Саут-Мейн стрит, № 422$^1/_2$. То есть вход в руминг-хауз не напротив мотеля «Лоррейн», а с другой улицы, идущей параллельно улице Мэлберри. А в сторону мотеля «Лоррейн» смотрят окна лишь задней стены руминг-хауза, не имеющей ни входа, ни выхода.

Чтобы оказаться возле окна, откуда стрелял преступник, надо войти в здание гостиницы со стороны фасада на Саут-Мейн стрит, подняться на второй этаж и по короткому переходу пройти в другое здание, которое соседствует с гостиницей, но второй этаж которого относится к ней (первый этаж занимает «Ресторанчик Джима»).

Если смотреть на окно, откуда был произведен выстрел со стороны улицы Мэлберри, где стоит мотель «Лоррейн», никак не догадаешься, что это окно может относиться к меблированным комнатам миссис Брюэр. Если непосвященный человек будет смотреть на руминг-хауз со стороны фасада, он никогда не подумает, что второй этаж дома, где помещается «Ресторанчик Джима» по адресу 418, Саут-Мейн стрит, имеет отношение к гостинице. Непосвященному человеку трудно также догадаться, что окна этого дома выходят не только на Саут-Мейн стрит, но и

на улицу Мэлберри, где стоит мотель «Лоррейн». Одним словом, убийца должен был зараиее знать обо всем этом. Он должен был заранее знать и о том, что по балкоиу мотеля «Лоррейн» возле двери комнаты № 306 можно прицельно выстрелить лишь из окиа ванной комнаты румииг-хауза. Из других окон этой части дома стрелять по балкону мотеля было неудобно, либо просто невозможно. Два из них закрыты слишком густыми и высокими деревьями (перед окиом ванной комиаты деревья поииже), из остальных окон дверь комнаты № 306 не видна вообще, поскольку она закрыта частью здания мотеля «Лоррейн».

Итак, убийце надо было не просто поселиться в гостиниице миссис Брюэр, ио занять комиату только на втором этаже примыкающего здания в номере, который соседствует с ваииой комнатой, чтобы в иужиое время пройти туда и выстрелить в Киига с этой единствеиио удобиой позиции.

Убийца должеи был зиать, что Киuг остановится в мотеле «Лоррейи», что ему отведут там комиату № 306, очеиь точио зиать план гостииицы миссис Брюэр и зиать также, что около шести часов вечера 4 апреля Киuг отправится в гости иа ужин к свящеиннику Кайлсу и что, иаправляясь туда, он обязательно выйдет из своей двери на балкои. Последнее обстоятельство убийце нужио было знать для того, чтоб за несколько мииут до шести часов с виитовкой в руках перейти из комнаты № 5 в ваиную комнату (ииаче, выжидая момент для стрельбы, ему пришлось бы занимать ее слишком долго, а слишком долго запертая дверь в ваиную комнату могла бы вызвать подозрения постояльцев еще до выстрела).

Судя по тому, что убийца действовал четко, он, видимо, действительно все зиал заранее: и план гостиницы, и номер комнаты, в которой остановился Кинг в мотеле «Лоррейн», и расписание его дня.

Мог ли Джеймс Эрл Рэй, действуя в одиночку, обладать всеми этими сведеииями?

Маловероятно.

Человек, иазвавшийся Джоном Виллардом, ие поднимался на второй этаж, не заходил ни в комна-

ту № 8, ни в комнату № 5. Однако он сразу же отказался от номера восьмого, предложенного поначалу хозяйкой гостиницы, и немедленно согласился на номер пятый.

Значит, Джон Виллард прекрасно знал расположение комнат, знал, что будет стрелять из окна ванной комнаты, а жить будет поблизости от нее в комнате № 5, из окна которой удобно наблюдать за балконом мотеля «Лоррейн».

Кто-то заранее снабдил его планом руминг-хауза с инструкцией — какую комнату снимать.

Комната № 5 была свободна в этот день. Предположить, что миссис Брюэр держала ее свободной специально для убийцы, конечно, можно, но слишком уж на поверхности лежит вероятность ее участия в заговоре, слишком опасно это было бы для нее, почти самоубийственно.

Вероятнее другое. Кто-то приходил сюда заранее, кто-то из тех, кто знал или надеялся, что Мартин Лютер Кинг остановится именно в мотеле «Лоррейн», кому нужно было найти именно такое окно, откуда «Лоррейн» просматривается наилучшим образом.

Значит, тот человек не просто приходил сюда и крутился здесь, потому что прийти и покрутиться, зайти в одну комнату или в другую — это дело не простое, это дело заметное. Гораздо вероятнее, что он поселился здесь, хотя бы на один день, как только стало известно о возможном приезде Кинга в Мемфис. А поселившись, облюбовал ту самую ванную комнату, откуда так удобно можно было стрелять по мотелю «Лоррейн».

Сколько времени он жил здесь? Один-два дня? Несколько часов? Неделю? Месяц? Съехал перед самым появлением убийцы? Неважно. Важно другое: кто-то обязательно должен был жить здесь, подготавливая план убийства. Кто?

Меблированные комнаты миссис Брюэр — это ведь не отель «Плаза» в Нью-Йорке, в котором каждый день поселяется и из которого выезжает несколько десятков или, может быть, сотен человек. Это — маленький дешевый и невзрачный дом, где люди обычно живут долго, и если есть два-три новых по-

стояльца в неделю (если не в месяц), то и это уже много. Так что, наверное, если бы посмотреть и проанализировать список жильцов в течение месяца до 4 апреля, можно было бы найти 10—12 человек, а может быть, и того меньше, которые приезжали и оставались в отеле день-два, не больше.

Такой список существует в регистрационной книге каждой гостиницы. В книгу записывают всех постояльцев: кто приехал, когда приехал, марку и номер автомашины, какую комнату занимал, когда выехал, сколько заплатил. Анализ записей в этой книге мог бы стать бесценным материалом для следствия.

Мог бы. Но не стал.

Я нигде не нашел ссылок на эту книгу. Удивившись, стал выяснять причину. Оказалось, что книга эта была... утеряна. Да, да, утеряна. Вскорости после того, как миссис Брюэр передала ее агентам ФБР.

Так, во всяком случае, объяснило ее исчезновение следствие.

Потеряли и все. Бывает же в суматохе.

Правда, регистрационная книга — это одно из главных вещественных доказательств. А главные вещественные доказательства, как, впрочем, и второстепенные, терять не полагается. Особенно в таком высокопрофессиональном учреждении, каким, надо понимать, является ФБР. И особенно в связи с расследованием преступления, которое возмутило весь мир.

Однако — утеряли.

Причина? Можно предположить только одну. Вероятнее всего, в этой книге была запись о регистрации в отеле человека, чье пребывание в нем ФБР очень не хотелось делать достоянием гласности. Причем, убрать имя этого человека было настолько важным делом для ФБР, что оно пошло на то, чтобы «убрать» книгу.

Часть 3

Все помнят эту фотографию.

Первые минуты после выстрела.

Кинг лежит смертельно раненный на балконе мотеля «Лоррейн», правая рука откинута в сторону и назад, локоть левой — безжизненно подвернут под тело, ступня ноги зажата между полом балкона и нижним прутом прямоугольной фигурной ограды.

Один из друзей Кинга уже приложил к тому месту, куда вошла пуля, белый платок, безуспешно пытаясь остановить кровь. По-видимому, в это время кто-то внизу спросил, откуда стреляли. И все, кто был на балконе рядом с Кингом, все повернули головы и протянули руки туда, откуда пришел выстрел. Все — в одну сторону.

Это уже второе или третье мгновение после того, как Кинг упал на цементный пол. Уже первый порыв — помочь, помочь Кингу! — отступил. Темное пятно под его головой — все больше и больше. И сейчас они, еще сердцем надеясь, что выживет Кинг, а разумом понимая — нет, все кончено — уже в силах подумать о другом: кто? И после вопроса, который раздался снизу, все они на балконе вдруг подумали — да, да, откуда стреляли, ведь это тоже важно.

Жизнь есть жизнь, и борьба будет продолжаться, и во имя этой борьбы... Они оторвались от Кинга, поднялись с колен, и каждый, не сговариваясь, протянул руку вперед и вправо — в сторону, где сквозь

чащобу деревьев еле-еле можио было разглядеть окна того дома, о котором теперь знает уже весь мир.

Их иа фотографии пять человек. Не считая Кинга... Их можио иазвать поименно. Это все — друзья Кинга, соратиики по борьбе, его самые близкие люди. Каждый из иих с готовиостью подставил бы свою грудь под пулю, чтобы защитить Мечтателя. Если бы только знать зараиее, если бы успеть, если бы суметь предупредить... Оттолкиуть Киига от летящей пули, не пустить смерть иа балкои, который весь иа виду у окои того дома иапротив. Если бы проверить зараиее все те окиа — ие притаилось ли там дуло винтовки калибра 30.06, ие прищуреи ли человеческий глаз за лиизами оптического прицела, спрятаииого в чащобе деревьев.

Если бы зиать, если бы предугадать, если бы приять все меры предосторожиости.

Но обо всем этом должиа была позаботиться охраиа.

Я так подробио вспомиил о той фотографии, всмотрелся еще раз во всех, кто был с Мартииом Лютером Кингом на балкоие в те трагические миуты после 6 часов вечера 4 апреля, потому что — страниое дело — *иа балконе рядом с Киигом ие было охраиы*.

И во дворе, виизу, там, куда он, склоиившись, бросил последиий взгляд, исполиеииый улыбки и добра, там тоже ие было охраииков. Ни одиого! (Я перечислил, кто там был, в самом иачале этого повествоваиия).

Но позвольте, Киига обязана была охраиять полиция Мемфиса. Обязана по той простой причине, что смертью ему грозили многие — это было каждому ясио; обязаиа — потому что Кинг был одним из известнейших американцев, политическим и общественным деятелем мирового масштаба. Обязана, как обязана охраиять жизнь каждого гражданина. А Кинг был великим гражданином!

Попробуем выяснить, как была оргаиизована 4 апреля 1968 года в Мемфисе охрана Мартина Лютера Киига.

Учитывая обстоятельства, которые возникли перед возвращением Мартина Лютера Кинга в Мемфис 3 апреля, меры для обеспечения его безопасности должны были быть широкими и всеобъемлющими.

Начальником полиции в Мемфисе в эти дни был некто Фрэнк Холломен. Точнее, он был начальником и полицейского, и пожарного департаментов города. В его распоряжении были также 4 тысячи солдат национальной гвардии, помощь ему должны были оказывать агенты ФБР, которых в городе было великое множество.

Для обеспечения безопасности человека обычно полиция устанавливает открытый или скрытый пост охраны поблизости от его жилья, которая может принять экстренные меры по сигналу с поста наблюдения и быстро связаться с полицейским штабом, чтобы, в случае необходимости, вызвать подмогу.

Никаких телохранителей для Кинга полиция Мемфиса не выделила.

Напротив мотеля «Лоррейн» находились два дома, из окон которых хорошо просматривался весь мотель «Лоррейн» и улица в обе стороны. Этими домами были известный нам руминг-хауз и пожарная станция № 2. В обоих Холломен мог бы установить посты полицейского наблюдения.

И уж, во всяком случае, должен был обеспечить, чтобы оба эти здания не использовались возможным убийцей.

Холломен принял решение организовать пост охраны Кинга во время его пребывания в мотеле «Лоррейн» в здании пожарной команды.

Мемфисская полиция и раньше организовывала подобные посты обеспечения безопасности поблизости от отелей, где жил Кинг, когда приезжал в Мемфис. Так что у полиции имелся значительный опыт.

Однако обстоятельства, связанные с обеспечением безопасности Кинга 3—4 апреля, отличались от предыдущих.

Расовая напряженность в эти дни в городе была настолько острой, ненависть расистов к Кингу настолько явной, что меры безопасности должны были быть приняты особые, усиленные в несколько раз.

Обычно полицейский пост по обеспечению безопасности Кинга в прошлые его приезды формировался из 10 человек — детективов, офицеров и прочих чинов полиции. 4 апреля это число было изменено в 5 раз. Но не в сторону увеличения... а в сторону уменьшения. Полицейский пост в здании пожарной команды, откуда было очень удобно вести наблюдение за мотелем «Лоррейн», на этот раз состоял всего из 2 человек: детектива негра Эда Реддитта (командир) и его помощника, белого полицейского офицера из Мемфиса — Уильяма Ричмонда.

Детектив Реддитт пользовался славой честного и серьезного работника, он не в первый раз занимался обеспечением безопасности Кинга в Мемфисе, знал в лицо всех людей, которые его обычно окружали, весь персонал «Южного совета христианского руководства», знал их машины, номера машин. Знал он прекрасно местных куклуксклановцев, самых рьяных расистов — не столько потому, что был детективом, сколько потому, что был негром, — а также всякого рода экстремистов. Он был весьма удивлен, когда узнал о решении начальства направить на пост охраны только двух человек.

Два человека — это очень мало для обеспечения безопасности Кинга. Но Реддитт все-таки надеялся на себя. Он выработал точный план действий на случай, если Кингу грозила бы конкретная опасность.

План был простым и, пожалуй, единственно возможным и уже поэтому правильным. Реддитт условился с Ричмондом, что, в случае возникновения какой-нибудь конкретной угрозы Кингу, он, Реддитт, выскакивает немедленно из здания пожарной охраны с тем, чтобы помешать нападению на Кинга, а Ричмонд остается на месте, продолжает вести наблюдение и при помощи портативной рации, которая была в их распоряжении, немедленно связывается с полицейским штабом и вызывает подмогу.

Однако этот план не был приведен в исполнение по той простой причине, что Реддитта не было на месте в момент убийства Кинга.

Приблизительно за полтора часа до трагического события в здание пожарной охраны приехал лейте-

нант Аркин, который служил в разведотделе мемфисской полиции. Он поднялся по лестнице на второй этаж в комнату, где сидели оба детектива, подошел к Реддитту, хлопнул его по плечу и сказал:

— Эд, тебя вызывают в штаб.

— Зачем?

Аркин пожал плечами.

— А кого вместо меня?

— Не знаю, — ответил Аркин, — по-моему, никого.

— Так что же, на весь пост останется один человек? Один Ричмонд? — удивился Реддитт.

— Послушай, задавай вопросы полегче. Это приказ Холломена, — и Аркин повернулся к выходу.

Делать было нечего. Ни о каком «обеспечении безопасности» Кинга, конечно, уже вообще не могло быть и речи. Что мог сделать один человек? В лучшем случае, вызвать по радио подкрепление. Но, как известно, в ситуациях, когда для злодейства требуется один выстрел, подкрепление обычно прибывает тогда, когда дело уже сделано. Так рассуждал Реддитт, идя вслед за лейтенантом. И надеялся лишь на то, что начальство будет держать его недолго и он вскоре снова будет на месте.

Реддитт сел в машину к лейтенанту Аркину и поехал в полицейское управление.

В тот день, 4 апреля 1968 года, приблизительно за час до убийства Мартина Лютера Кинга в комнате начальника полицейского управления Мемфиса Фрэнка Холломена проходило совещание начальников и заместителей начальников всех полицейских и других подразделений, которые представляли собой реальную силу в Мемфисе. В кабинете Холломена находились шериф, глава и заместитель начальника дорожной полиции, командующий отрядами национальной гвардии и его заместитель, начальник и заместитель начальника пожарной охраны и т. д. и т. п. Такое совещание, обезглавливавшее все подразделения службы порядка Мемфиса в момент, когда расовая напряженность в городе подходила к апогею, само по себе удивительно. Ведь совещание можно

было провести по селектору, по многономерному телефону. Можно было, наконец, вызвать к себе только начальников подразделений, оставив на месте действия их заместителей. Однако — нет, Холломен собрал у себя всю верхушку власти.

Когда Реддитт вошел в кабинет Холломена, он застал их всех. Начальник полиции поднялся навстречу детективу.

— Ну вот, наконец-то ты пришел, Эд. Слушай, тут есть важное дело для тебя. — Холломен положил руку на плечо Реддитта и увлек его в сторону, подальше от стола, за которым шло совещание.

— Слушаю, сэр.

— Понимаешь, какая штука, — сказал Холломен, не снимая руки с плеча негра. — Тебя, понимаешь ли, готовятся убить, вот в чем дело.

— Меня? Кто? — удивился Реддитт.

— Да, видишь, какая ты у нас теперь важная птица, — засмеялся Холломен, — уж и покушение на тебя готовят.

— Ошибка какая-нибудь. Кому я нужен?

Холломен понизил голос:

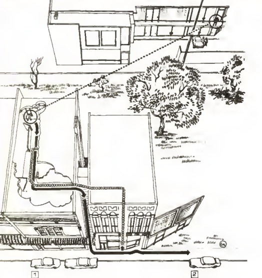
— Вон видишь того джентльмена? Он из секретной службы. Из Вашингтона. Специально приехал сюда из-за тебя. У них есть абсолютно точная информация от дорожной полиции штата Миссисипи, что одна тамошняя организация тупоголовых приняла решение убить тебя.

— Из Миссисипи? — еще более удивился Реддитт. — Да что я им сделал? За что?

— Уж не знаю. Знаю только, что они отрядили для этого снайпера из Сент-Луиса. Вполне возможно, он уже здесь, в Мемфисе. Благодари секретную службу. Их человек, понимаешь ли, специально летел сюда из Вашингтона для того, чтобы сообщить нам об этом. Так что тебе лучше всего, брат, ехать домой. Дам тебе двух офицеров на всякий случай, и езжай.

— Как же с охраной Кинга? — спросил Реддитт.

— Тут не беспокойся, это, понимаешь ли, мое дело. А ты давай домой и сиди там с обоими офицерами, пиво пей.

Кинг на балконе мотеля «Лоррейн».

Схема расположения меблированных комнат миссис Брюэр и мотеля «Лоррейн».

Откуда раздался выстрел?..

Мартин Лютер Кинг убит!

Джеймс Эрл Рэй.

Портрет человека, арестованного в Далласе по подозрению в причастности к убийству Джона Кеннеди в ноябре 1963 года и вскоре отпущенного (снимок из местной газеты г. Далласа).

Портрет убийцы Кинга, созданный художником ФБР со слов Чарльза Стефенса.

Роберт Кеннеди беседует с Кореттой Кинг (справа — Этель Кеннеди, супруга Роберта Кеннеди).

Мемфис, 28 марта 1968 года. Полиция разгоняет демонстрацию уборщиков мусора.

Полиция штата Миссисипи арестовывает участников демонстрации против расизма.

I AM
A MAN

Мемфис, март 1968 года. «Я — человек...» Штыки национальной гвардии ставят к этому утверждению знак вопроса.

Гроб с телом Мартина Лютера Кинга на улице Атланты.

Коретта Кинг — вдова Мартина Лютера Кинга.

Родители Мартина Лютера Кинга во время похорон сына.

В последний путь...

На похоронах Мартина Лютера Кинга (слева — вдова Кинга, справа — негритянский актер и певец Гарри Белафонте).

Мартин Лютер Кинг.

— Зачем же домой? — спросил Реддитт. — Перепугают всю семью. У меня теща больная.

— Нашел о чем говорить сейчас — теща! — недовольно поморщился Холломен. — Ну, хорошо. Можно не домой. Поставь машину неподалеку от дома и сиди в ней. Эти двое будут вместе с тобой. В машине.

— А Кинг? — еще раз спросил Реддитт.

— Что Кинг?! Ничего, понимаешь ли, не сделается с твоим Кингом. Там все будет в порядке. Езжай домой. Это приказ. Понятно?

— Конечно, понятно.

Реддитт в сопровождении двух полицейских офицеров сел в служебную машину, которая отправилась к нему. Неподалеку от дома она остановилась, офицер за рулем выключил двигатель и откинулся на сиденье. Все трое молчали.

Это было глупейшее сидение. Именно сейчас они представляли собой наилучшую, наиудобнейшую мишень для возможного снайпера. Но приказ оставался приказом, они сидели и молчали.

Реддитт не думал о снайпере. Он был уверен, что вся эта история — какая-то ошибка, она скоро выяснится, и его снова пошлют охранять Кинга. Реддитт был уверен также, что Холломен, конечно, послал кого-нибудь заменить его в здании пожарной станции № 2. Ричмонд, понятно, расскажет этому новому детективу, какой план действий они составили на случай возникновения реальной угрозы жизни Мартина Лютера Кинга. Одним словом, он думал о Кинге. Он так часто бывал с ним — каждый раз, когда тот приезжал в Мемфис, — так часто слушал его речи, что, наверное, был его последователем, хотя, в общем-то, никогда серьезно не задумывался над этим.

Так, молча, каждый со своими думами, они просидели в машине минут десять-двенадцать. Затем Реддитт, чтобы отвлечься от тревожных мыслей, включил радио. И буквально сразу — диктор будто ждал того момента, когда Реддитт повернет ручку приемника, — услышал торопливые слова: «Только

что совершено покушение на Мартина Лютера Кинга!..»

Когда ждешь чего-то страшного, это страшное большей частью случается. Реддитт боялся и ждал беды с Кингом. И она пришла.

Сами слова диктора показались ему выстрелом. Даже не в Кинга — в него самого. Он выскочил из машины, побежал к телефону-автомату. Позвонил в полицейское управление, попросил разрешеиия немедленно включиться в дело, в расследование. Дежурный офицер попросил обождать, видимо, звонил кому-то, разговаривал, затем ответил: «Делайте то, что вам приказано».

Он позвонил на следующий день, в пятницу, 5 апреля, и в субботу, 6 апреля, тоже позвоиил. И каждый раз получал подтверждение приказа — оставаться дома. А когда позвонил в воскресенье, 7 апреля, ему сказали, что расследоваиие закончилось и что с понедельника он может возвращаться на работу.

Так обстояло дело с «охраной» Мартина Лютера Кинга в тот день 4 апреля 1968 года, судя по тому, как об этом рассказал сам Реддитт американскому юристу Марку Лэйну.

Ну, а что же с покушением на жизнь Реддитта, спросит читатель? А ничего. Он никогда больше не слышал о нем, и никто из начальства ни разу ему об этом не напомнил.

В этом эпизоде все чрезвычайно странно и непонятно.

Кому в штате Миссисипи пришло в голову убивать полицейского детектива из штата Теинесси?

Предположим, расистам. Но почему решили убить именно Реддитта, ведь в полицейских силах Мемфиса было несколько черных детективов?

Каким образом и зачем об этом поставили в известность секретную службу в Вашингтоне? Ведь секретная служба Соединенных Штатов занимается охраной лишь президента, вице-президента, членов их семей и кандидатов на эти должности.

Если, допустим, каким-то случайиым образом секретной службе США стало известно о заговоре

с целью убийства одного из детективов штата Теннесси, зачем нужно было посылать туда чиновника секретной службы, почему нельзя было сообщить об этом по спецсвязи или даже просто по телефону?

Почему нужно было вызывать Реддитта с поста охраны Мартина Лютера Кинга? Почему Холломен приказал Реддитту ехать домой? Ведь если на его жизнь планировалось покушение, то заговорщикам наверняка был известен адрес его дома, и — наоборот — вряд ли они могли знать, что Реддитт находится в здании пожарной команды.

Какой смысл было держать Реддитта в автомобиле вместе с двумя офицерами? В случае, если бы кому-нибудь пришло в голову бросить в машину гранату или стрелять по ней, кроме Реддитта наверняка погибло бы еще два человека.

Первоначальный план Холломена держать Реддитта в его доме под охраной двух полицейских офицеров был тоже лишен смысла. Сидя дома вместе с Реддиттом, офицеры не могли бы предотвратить ни обстрела дома, ни броска гранаты через окно.

Всего этого не мог не понимать Фрэнк Холломен, опытный полицейский начальник. Не мог он не понимать и того, что самым безопасным местом для Реддитта в этой ситуации был его пост в здании пожарной станции № 2.

Все эти странные обстоятельства, необъяснимые с точки зрения элементарного полицейского профессионализма и простой человеческой логики, выстраиваются, однако, в одну стройную линию, если предположить, что полицейское начальство Мемфиса по каким-либо причинам не желало держать Реддитта, негритянского детектива, человека, благоговейно относившегося к Кингу, в охране Мартина Лютера Кинга и, более того, хотело фактически посадить его под стражу.

Если сопоставить действия Холломена 4 апреля 1968 года с его биографией, то предположение может перерасти в уверенность.

Дело в том, что в течение 25 лет Фрэнк Холломен являлся сотрудником ФБР. Был начальником

отделения ФБР в Атланте, штат Джорджия, начальником отделения в Джэксоне, штат Миссисипи, начальником отделения в Мемфисе, штат Теннесси. И восемь лет из 25 работал непосредственно в штабе ФБР в Вашингтоне. Со стариком Гувером Холломен пребывал в дружеских отношениях, о чем не раз и при разных обстоятельствах объявлял с гордостью.

И еще одно. Сам Реддитт уже после событий 1968 года пытался установить, кто же все-таки сообщил Холломену об угрозе покушения на черного полицейского детектива. И не очень удивился, когда узнал, что «сикрет сервис» не посылала людей в Мемфис 4 апреля 1968 года, а официальные лица из этой организации никогда не слышали о какой бы то ни было угрозе жизни Эдварда Реддитта.

Давая показания в комиссии конгресса США через десять лет после описываемых событий, Фрэнк Холломен сказал, что он «не помнит», кто был тот человек из секретной службы, который примчался из Вашингтона, чтобы оповестить начальника мемфисской полиции о «возможном покушении» на жизнь черного детектива Эдварда Реддитта.

Комиссия палаты представителей конгресса США, занимавшаяся в конце семидесятых годов расследованием убийства Мартина Лютера Кинга, объявила, тем не менее, что удаление Реддитта с поста в здании пожарной команды № 2 «не являлось частью какого-нибудь заговора с целью способствовать убийству Мартина Лютера Кинга». Основанием для такого вывода послужило заявление полиции Мемфиса, что задачей Реддитта и Ричмонда было «не охранять Мартина Лютера Кинга, а наблюдать за ним».

Основание, мягко говоря, неубедительное.

Часть 4

ФБР начало «заниматься» Кингом еще в конце пятидесятых годов. Но скорее не как объектом «охраны», а как объектом для нападения. Первый серьезный удар по нему Гувер нанес в 1962 году.

Обоим Кеннеди — Джону и Роберту — президенту и министру юстиции — было доложено в форме служебной записки от Гувера, что «лидер движения за гражданские права Мартин Лютер Кинг находится под коммунистическим влиянием, это подтверждается хотя бы тем, что его ближайший помощник Стэнли Ливайсон является членом Коммунистической партии США».

Удар был традиционен, вполне в духе времен Маккарти, однако точно рассчитан и вовсе не однозначен, как могло бы показаться на первый взгляд. Выстрел был сделан в Кинга, но рикошетил он и в Джона Кеннеди и в его брата Роберта.

Кеннеди — Кинг — Кеннеди.

Это не только формула, выражающая хронологию крупнейших политических убийств в Америке в 1963—1968 годах. Это и формула связи, которая образовалась в начале шестидесятых годов, когда все трое еще были живы. Как охарактеризовать эту связь? Как политическую? Чисто человеческую? Духовную? Возникшую на основе общих принципов, взглядов на демократию, на проблему расовых взаимоотношений?

Может быть, там были элементы всего. Но доминировал все же политический расчет. Расчет — не со стороны Кинга, конечно (хотя поддержку Джона Кеннеди он, по-видимому, ценил), но со стороны братьев. Кинг попал в «коробочку» между двумя Кеннеди. И где-то рядом примостился Гувер, бессменный директор ФБР, пользовавшийся этим странным сочетанием К-К-К для своих (и не только для своих) целей. Сочетание К-К-К установилось в 1960 году, когда в Атланте Кинг был арестован за участие в очередной мирной демонстрации в защиту прав черного населения Америки и приговорен к трем месяцам каторжных работ.

Октябрь 1960 года

В большой комнате гостиничного номера стены увешаны плакатами: «Голосуйте за Джона Кеннеди!», «Джон Кеннеди и Линдон Джонсон — вот кто вернет Америке идеалы!», «Джон Кеннеди объединит Америку!», «Объединим Америку с Кеннеди!». На сером металлическом канцелярском столе, неожиданном в этом довольно прилично обставленном номере, — почти десяток телефонов. Лампочки то на одном, то на другом требовательно подмигивают. Звонков не слышно. Но это мигание достаточно настойчиво и утомительно. Джон Кеннеди сидит на диване без пиджака. Рукава белой рубашки подвернуты чуть ниже локтей. Ноги в носках — на журнальном столике, заваленном кипой бумаг. Голова откинута на спинку дивана, глаза закрыты. Кандидат в президенты то ли спит, то ли думает о чем-то, то ли просто отдыхает.

У телефонов — Роберт Кеннеди. Он сидит на канцелярском столе, поставив ноги на стул. Одна телефонная трубка укреплена у него на плече, две другие он держит в руках.

Тэд Соренсен сосредоточенно, опустив очки к пишущей машинке, печатает очередную речь кандидата. Только что протиснулся в дверь, не дав войти в комнату кому-то, оставшемуся там в коридоре, Пьер Сэллинджер, пресс-секретарь будущего президента, и сразу запахло в номере дымом от его вечной сигары.

Сэллинджер подходит к дивану и садится рядом с Джоном Кеннеди.

— Это ты? — не открывая глаз, спрашивает Кеннеди.

Сэллинджер кивает, будто Кеннеди может видеть его.

— Узнаю по запаху. — Все еще не открывая глаз, устало добавляет тот так, чтобы слышали все в комнате. — С сегодняшнего дня Сэллинджеру не разрешается подходить ко мне, кандидату от демократической партии в президенты Соединенных Штатов Америки, ближе чем на один метр.

— Расстояние, непреодолимое для фамильярности? — спрашивает Сэллинджер.

— Нет, расстояние, на котором ты не можешь поджечь кандидата своей сигарой.

Никто в комнате не улыбается. Не улыбается и Сэллинджер. Не улыбается сам Кеннеди. Все устали.

Идут последние — самые горячие — дни предвыборной борьбы. 8 ноября — выборы, к которым в бешеной гонке мчатся два кандидата в президенты — Кеннеди и Никсон.

— А я решил, кандидат настолько уверен в своей победе, что уже боится фамильярности тех, кому он этой победой будет обязан, — говорит Сэллинджер.

— Кандидат далеко не уверен в победе. Но он также далеко не уверен в том, что, если он ее и одержит, то будет обязан ею тебе, мой дорогой.

Кеннеди наконец открывает глаза, берет какие-то листки бумаги с журнального столика и начинает их просматривать, отхлебывая кофе из пластмассового стаканчика.

— Кандидат будет обязан именно мне своей победой, если примет мое предложение.

— Ты опять о Кинге? И опять выдаешь эту идею за свою, хотя она принадлежит Бобби...

— Потому что для всякой идеи сторонник важнее, чем автор, — откликнулся Роберт Кеннеди.

— Я опять о Кинге. Его арест слишком большое событие, чтобы кандидат в президенты мог промолчать об этом.

— Не преувеличивай.

Голову от машинки поднял Тэд Соренсен, снял очки, протер уставшие глаза пальцами рук, снова надел и сказал:

— В эту кампанию ничего нельзя преувеличить. На нынешних выборах невозможен нокаут. Победу будут присуждать по очкам. И ты, высказав свое отношение к Кингу, получишь — не надо много — сто тысяч дополнительных голосов негров, это, может быть, как раз те пол-очка, которые тебе необходимы.

— Сто тысяч негритянских голосов — в плюс и двести тысяч голосов белых южан — в минус? — полуутверждает, полуспрашивает Кеннеди.

— Южане в любом случае не пойдут за тебя горой, — говорит Сэллинджер. — Они в кармане у Никсона.

— Кроме того, многое зависит от того, в какой форме ты выскажешься о Кинге, — добавляет Соренсен.

— Пресс-конференция? — Кеннеди вопросительно смотрит на Сэллинджера.

— Никоим образом! — качает головой Соренсен. — Ты должен это сделать тоньше. Человечнее. Позвонить, например, жене Кинга и найти теплые слова сочувствия. А уже Пьер потом случайно «проболтается» корреспондентам об этом звонке. Ведь проболтаешься, Пьер?

— Обязательно проболтаюсь, — кивает Пьер.

— Теплые слова, личные звонки... Ты неисправим, — говорит Кеннеди, не отрываясь от листка бумаги, который он продолжает читать, делая пометки. — Неужели Америка до сих пор не выбила из тебя остатки твоего русского происхождения? Неужели земля этого маленького городка, где родилась твоя мать, как его?..

— Чернигов, — отзывается Соренсен.

— Вот-вот, Чернигов. Неужели эта земля заложила в тебя столько сентиментальщины, что ни холодная шведская кровь отца, ни наш американский футбол не выбили из тебя эту бесполезную дребедень?..— Кеннеди говорит почти зло. — Когда-нибудь старик Гувер докопается до твоего Чернигова и объ-

явит тебя коммунистическим шпионом. И тогда тютю наша с вами президентская карьера.

Соренсен пожимает плечами и снова склоняется к машинке. Сэллинджер серьезно смотрит на Кеннеди, понимая, что все эти ничего не значащие слова — лишь прикрытие: сейчас кандидат думает, думает именно о том, что говорили ему Сэллинджер и Соренсен, выполняя поручение Бобби.

— Я не знаю, докопается ли Гувер до Чернигова, — подает реплику Роберт Кеннеди, на секунду оторвавшись от телефонов, — но Кинга он тебе не простит.

— Не простит, — соглашается Джон. — Но, во-первых, не надо играть в детскую подначку. Во-вторых, бояться Гувера еще рано. Бояться его мы станем после победы. А сейчас будем бояться только Никсона. Врагов надо бояться по очереди, а не всех сразу.

— Так что же с Кингом?

— Распорядитесь соединить меня с Кореттой Кинг, — говорит Кеннеди.

Сэллинджер — будто и не сомневался в решении своего патрона — спокойно поднимается и идет к телефону.

Соренсен протягивает Джону листок бумаги.

— Что это?

— Я тут приблизительно набросал то, что ты хочешь сказать ей.

Кеннеди пробегает глазами несколько строк.

— Чернигов! Ну ничего, я подсушу, и все будет как надо, — говорит он и оборачивается к Сэллинджеру. — Сразу после моего звонка ты расскажешь о нем корреспондентам, но так, между прочим, среди других дел, почти случайно. Ты понял меня?

— Да, господин президент.

— Вот так-то лучше.

— Но все-таки своей победой вы будете обязаны именно мне, — говорит Сэллинджер и стряхивает с пиджака пепел сигары.

Кеннеди позвонил Коретте Кинг, выразил сочувствие ей в связи с арестом ее мужа, сказал также,

что высоко ценит его благородиую борьбу за граждаиские права иегров.

Через несколько минут после этого разговора Сэллннджер уже рассказал о его содержаиин корреспоидеитам — так, между прочим, среди других дел. Но те оценнли иовость и, топая башмаками, помчались к телефонным трубкам, чтобы сообщить об этой сеисации в свои агеитства и газеты...

Расчет оказался точиым. Несколько иелншиих тысяч негритяиских голосов оказались в предвыборной копилке Кеииеди и в конце коицов решили результаты очеиь «тесиых» выборов в его пользу. (Перевес Кеииеди иад Никсоиом равнялся всего 119 тысячам голосов). Однако с тех пор между имеиами Кенаеди н Кинга в созиаиии американцев установнлась иекая моральиая общиость. И когда Гувер решил обвинить Кинга в «связях с коммунистами», он прекрасио понимал, что это угроза и в адрес обоих Кениеди.

Свою «запнску» Гувер передал в Белый дом 8 января 1962 года сразу же, буквально через несколько часов после того, как Киаг публичио обвинил ФБР в том, что агеиты и высокопоставленные чииовиики этого мощного учреждеиия попустнтельствовали избиеиию местной полицией иегритяиской демоистрацнн в Олбаии, штат Джорджия.

В записке Гувера было сказаио, что поскольку Стэили Ливайсои, близкий друг и довереииый сотрудник Кинга, «является члеиом Коммунистнческой партии США», то, следовательио, сам Мартии Лютер Кинг «находится под коитролем этой партии».

Как результат этого вывода — досье иа Мартииа Лютера Кинга в картотеке Федеральиого бюро расследований было перемещено в «секцию А».

Эта, казалось бы, техиическая процедура — перемещеиие бумаг из одиой секции фебеэровской картотеки в другую, значила, однако, очень много. Отныне в случае возиикновеиия в стране «чрезвычайного положеиия» Кииг подлежал иемедленному аресту н изоляцни.

С этого дня в картотеке Федерального бюро расследований он значился под рубрикой «*коммунист*». А Гувер теперь имел право требовать от министра юстиции Роберта Кеннеди официального разрешения на прослушивание телефонных разговоров негритянского лидера.

Маленькая деталь. Министерство юстиции, в ведении которого находилось Федеральное бюро расследований, имело право (если не обязанность!) потребовать от Гувера доказательств того, что доверенный сотрудник Кинга является коммунистом и что Кинг находится «под контролем Компартии США». Министерство юстиции имело полное право (если не обязанность!) просмотреть гуверовское досье, связанное с этим обвинением. Однако министр юстиции Роберт Кеннеди не сделал этого. Не решился.

Другая деталь. Если Гувер обвинял сотрудника Кинга в принадлежности к КП США, то естественным было бы с его стороны запросить разрешения у министра юстиции на прослушивание телефонных разговоров именно этого сотрудника, подозреваемого в «подрывной деятельности». Однако Гувер требовал прослушивания разговоров только Кинга.

Если бы Министерство юстиции побеспокоилось перепроверить обвинения Эдгара Гувера в адрес сотрудника Мартина Лютера Кинга, то оно без труда обнаружило бы, что все обвинение ФБР было построено лишь на том, что один из информаторов ФБР *предположил*, что Ливайсон в 1954 году принимал участие в деятельности организации, которая значилась в картотеке ФБР как «подрывная», однако даже там нигде не называлась (и, кстати, никогда не была) коммунистической организацией.

Однако ничего подобного Министерство юстиции не предприняло. Мощная фигура старика Эдгара Гувера внушала ужас. Его боялись все президенты Соединенных Штатов. Джон Кеннеди не был исключением. И отличался от своих предшественников по Белому дому, может быть, только тем, что ненави-

дел Гувера больше, чем они. Но поделать с ним в то время ничего не мог.

А может быть, и не считал нужным. Ведь Старик, кроме неприятностей, всегда мог принести любому президенту немалую пользу. И кстати — приносил. У любого президента имелись политические противники. На каждого из них Старик имел секретное досье, весьма полезное для человека, обитавшего в Белом доме и сидевшего в кресле под знаменем США в Овальной комнате.

В этой ситуации предать Мартина Лютера Кинга, поддержку которому в том телефонном разговоре президент провозгласил публично, было для него легче и безопасней, чем поссориться со Стариком и оказаться безоружным перед лицом политических противников, настоящих и будущих. Так, по-видимому, размышляли президент и его брат — министр юстиции. И логику их размышлений отчетливо предвидел Гувер, начиная свой поход против Кинга.

А чтобы оба Кеннеди не сомневались в решительности главы ФБР и чтобы ускорить их раздумья — разрешить или не разрешать ФБР прослушивание телефонных разговоров Мартина Лютера Кинга, — Старик распорядился, чтобы «слух» о том, что в окружении Мартина Лютера Кинга есть коммунисты, «проник» в печать. Первой ласточкой оказалась статья в газете «Огаста кроникл», в которой утверждалось, что один из руководящих сотрудников при Мартине Лютере Кинге «является членом Национального комитета Коммунистической партии США».

Другими словами, Старик вынул нож и показал его холодное лезвие. Более тяжелого обвинения для политического или общественного деятеля в США, чем обвинение в подверженности коммунистическому влиянию, не существует. Такого боятся все — от кинорежиссеров до президентов. «Время негодяев» — эпоха маккартизма — показало, что привычный наркотик антикоммунизма обладает большой силой и те, кто спекулирует им, весьма часто остаются с наживой.

Старик Гувер, конечно, вовсе не был простым бульдогом, который, наклонив голову и не разбирая

дороги, бросается на жертву. Он умел предпринимать и обходные маневры, умел, если нужно, даже выдать себя защитником Мартина Лютера Кинга.

Из записи разговора директора ФБР Эдгара Гувера с министром юстиции США Робертом Кеннеди (запись сделана Гувером в 1962 году).

«...Я указал Роберту Кеннеди, что если Кинг будет продолжать свои предосудительные связи, он неизбежно повредит своему собственному делу. Поскольку появляется все больше и больше коммунистов, пытающихся воспользоваться преимуществами, которые дает им участие в Движении Кинга. А фанатики южане, которые выступают против интеграции, начинают обвинять Кинга в связях с коммунистами. Я заявил, что эти связи теперь известны довольно широким кругам и при нынешней кристаллизации внимания к Движению для него не может быть ничего вреднее, чем возможность разговоров о связях Кинга с коммунистами...»

В этой записи, конечно, не сказано, что обвинение в «связях Кинга с коммунистами» идет от ФБР, а не от «фанатиков южан» и не от каких-то «широких кругов», которым якобы «известны» эти «предосудительные связи».

Так или иначе, но оба Кеннеди спасовали перед Гувером, понимая, что угрозы против Мартина Лютера Кинга — это одновременно и угрозы против них самих — президента и министра юстиции.

Президент Кеннеди решил направить к Кингу Берка Маршалла, помощника министра юстиции, для того, чтобы «уговорить» Кинга расстаться со своим советником. Маршалл встретился с Кингом и Эндрю Янгом, одним из его ближайших помощников.

ЭНДРЮ ЯНГ. — Маршалл сказал на той встрече, что ФБР информировало Министерство юстиции о том, что в движении за гражданские права просматривается коммунистическое влияние и в связи с этим ФБР называет имя советника Левисона. Когда я спросил Маршалла, имеются ли у него доказательства того, что Левисон связан с коммунистами, он

ответил — нет, не имеются. Он сказал также, что ни-каких доказательств на этот счет от Федерального бюро расследований он не получил.

Когда через 13 лет после описываемых событий — Гувер к этому времени был уже мертв — комиссия сената расследовала деятельность ФБР, она не обнаружила никаких свидетельств того, что советник Стэнли Ливайсон был когда бы то ни было членом Коммунистической партии США.

Вашингтон, Министерство юстиции США.

КОРТНИ ЭВАНС (связной офицер между ФБР и Министерством юстиции США). — Я могу доложить шефу ФБР о вашем решении разрешить прослушивание телефонных разговоров интересующего нас человека?

РОБЕРТ КЕННЕДИ (министр юстиции США).— Да.

— До того, как вы пошлете ему официальный меморандум?

— Да.

— Хорошо. Один вопрос, однако, по-видимому, потребует уточнения.

— Наверное, все-таки вас интересует не столько уточнение вопроса, сколько уточнение ответа, а? Ну, давайте.

— Ваше разрешение касается телефонов интересующего нас человека в его доме и в его оффисе?

— Касается...

— Интересующий нас человек...

— Я прошу вас, называйте его по имени. Я никак не могу привыкнуть к вашей таинственной терминологии.

— Но если кто-то узнает, что министр юстиции Роберт Кеннеди распорядился установить электронное оборудование...

— А что, такое оборудование стоит уже и в моем кабинете? Во-первых, я не распорядился, а *согласился* с требованием Федерального бюро расследований. Это уточнение будем считать важным. Хорошо? Во-вторых, я надеюсь, что без моего разрешения

ваше ведомство не устанавливает прослушивающей аппаратуры...

— Господи, конечно!..

— ...хотя бы в моем кабинете...

— Можно продолжать?

— Пожалуйста.— Роберт Кенеди поставил ногу на стул и принялся перешиуровывать ботииок, стоя к Эвансу в пол-оборота.

— Так как известно, что интересующий иас чело... простите, Мартии Лютер Кинг,— произиес Эванс отчетливо, будто диктуя имя машинистке,— как известно, много путешествует по стране и за границей... Можно сказать, большую часть времени он проводит вне дома и вне оффиса...

— Я согласеи,— прервал его Кеннеди.

— Согласны на что?..

— На требоваиие вашего учреждения устанавливать электронное оборудование во всех отелях, где останавливается Кинг, по всем телефоиам, по которым говорнт и будет разговаривать Кинг. Если речь идет о возможности коммуиистического влияиия, я считаю, что наблюдение должно быть максимально полным.

— Вы не забудете отметить это в своем мемо?

— Не забуду,— ответил Кеинеди и, закончив перешнуровывать ботиiок, опустил иогу.— Вот теперь, кажется, все в порядке,— довольио произиес он и даже попрыгал иа одиой иоге, наслаждаясь тем, что ботннок больше не жмет...— Мие прислали новые кеды для теииса — Джека Креймера,—сказал он офицеру.— Такие удобные, что после иих любые ботинки — даже мои старые — жмут. Вы ие пробовали играть в креймеровских кедах?

— Я не очень люблю тениис.

— Зря. Единственная нгра, в которой иителлект полиостью отключается.

— Мне опасно отключать свой иителлект,— без улыбки сказал офицер.— Вдруг после игры ие включится.

Роберт Кеинеди захохотал громко и хлопнул Эванса по плечу.

— Передайте привет своему шефу.

— Спасибо, ему будет приятно. — Офицер направился к выходу.

— Да, и вот еще что, — сказал министр юстиции, остановив собеседника уже у самой двери. — Это разрешение действительно только на один месяц.

— Не понимаю...

— Если в течение этого месяца вы выловите что-либо существенное, что подтвердит ваше заключение о его связях с коммунистами, мы продлим разрешение на прослушивание. Если же невод придет пустым — прекратим. Ясно?

— Ясно. Однако...

— Всего хорошего.

— Всего хорошего...

С этого момента ФБР имело право устанавливать электронное оборудование во всех частных домах или гостиничных номерах, в которых останавливался Мартин Лютер Кинг. Бесстрастная пленка записывала все разговоры. Конечно, не только те, которые вел Кинг. Но и те, которые вели по этим телефонам его собеседники и другие люди. Получив разрешение прослушивать телефонные разговоры, ФБР воспользовалось им и для того, чтобы подслушивать все вообще разговоры, которые вел Кинг — не только по телефону — дома ли, в оффисе, в гостиничном номере, в гостях, — везде, где только было возможно установить микрофоны. В ФБР это называлось *full treatment* — «полная обработка».

ВОПРОС. — Итак, министр юстиции дал разрешение, хотя у него не было никаких данных о том, что Мартин Лютер Кинг занимается деятельностью, опасной для интересов Соединенных Штатов?

РОБЕРТ КЕННЕДИ. — Если бы я не дал санкции на прослушивание разговоров Кинга, кто-нибудь, в конце концов, разрешил бы прослушивать мои собственные разговоры.

ВОПРОС. — Эта фраза была произнесена министром юстиции в присутствии Кортни Эванса, сотрудника Гувера?

РОБЕРТ КЕННЕДИ. — Да.

ВОПРОС. — Для того чтобы Старик получил не только то, чего добивался, но еще и насладился поражением Роберта Кеннеди?

РОБЕРТ КЕННЕДИ. — Наши отношения с ним были очень напряженными. Нужен был этот жест — только слова, ничего больше! — чтобы привести его в хорошее расположение. Я надеялся получить за это некоторые уступки в дальнейшем.

ВОПРОС. — Разве Старик был способен на уступки?

РОБЕРТ КЕННЕДИ. — Он был весьма маневренным человеком. Несмотря на тяжелую комплекцию. Если нужно, он умел уступать.

ВОПРОС. — То, что сделал министр юстиции США, было нарушением закона?

РОБЕРТ КЕННЕДИ. — Гувер хотел уничтожить Кинга, это ясно. Мне известна одна история о человеке, который какое-то очень короткое время был членом Коммунистической партии, а затем порвал с нею. В 1960 году он работал в Национальном комитете демократической партии. В то время мой брат Джон Кеннеди выставил свою кандидатуру на пост президента. Гувер ненавидел брата. Он стал собирать досье на всех, кто имел отношение к предвыборной кампании Джона. Когда он узнал о том человеке, он распорядился, чтобы в прессу «просочилась» информация, будто у Кеннеди в Национальном комитете служит коммунист. В газетах появились заголовки, и это вызвало такие кривотолки, что Джону пришлось расстаться с тем человеком. Я знаю много способов, как можно злоупотреблять подобными сведениями... Предположим, я отказал бы Гуверу — не дал бы разрешения на прослушивание телефонных разговоров Кинга. Вы представляете последствия? Не только для Кинга... Нет в стране человека, который мог бы похвастать, что не боится Джея Эдгара Гувера. Нет. Во всяком случае, среди тех, кто хотя бы в какой-то степени занимается политикой. Поверьте мне. И все же у этого решения имелся и другой мотив. Более важный.

ВОПРОС. — Какой?

РОБЕРТ КЕННЕДИ. — Гувер хотел этим подслушиванием уннчтожить Кинга. Мы оба были уверены, что подслушиванне не подтвердит обвинения, которое выдвинул против Кинга Гувер...

Первый «отельный» микрофон для круглосуточного подслушивания всех разговоров, ведущихся в номере, был спрятан в вашингтонском отеле «Уиллард», где Кинг останавливался, всего в одном квартале от Белого дома. Ведя наблюдение за Кингом, ФБР устанавлнвало также микрофоны в других отелях Вашингтона, в Милуокн, Гонолулу, Лос-Анджелесе, Детройте, Сакраменто, Савание, Нью-Йорке. По распоряжению ФБР местная полиция Майами, Нью-Йорка и нескольких других городов устанавлнвала микрофоны и прослушивала разговоры Кнгга даже в церквах.

ЭНДРЮ ЯНГ, один из блнжайших сотрудников Мартина Лютера Кинга, свидетельствует: «Однажды — это было в Селме, штат Алабама, — мы нашлн микрофон, спрятанный в церковной кафедре. Мы извлекли его и поставили перед оратором на виду у всех, а преподобный Аберйети назвал его «маленьким мерзавцем» и сказал: «Я хочу напомннть мистеру Гуверу, нехорошо держать такой дорогой микрофон где-то внизу в дырке, где так много статического электричества. Пусть этот маленький мерзавец стоит тут перед нами — прямо, без помех». И принялся молиться в микрофон Федерального бюро расследований».

28 августа 1963 года 250 тысяч участников Движения за гражданские права вышли на улицы Вашингтона, чтобы этой демонстрацией ускорить принятие Акта о гражданских правах.

В тот день Мартин Лютер Кинг произнес свою, ставшую известной всему миру речь, начинавшуюся словами: «Я мечтаю...»

«Я мечтаю о том дне, когда на красных холмах Джорджии сыновья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев смогут сесть вместе за стол братства.

Я мечтаю о том дне, когда даже штат Миссисипи, штат, изнемогающий от зноя угнетения, будет превращен в оазис свободы и справедливости.

Я мечтаю о том дне, когда четверо моих маленьких детей будут жить в стране, где о них станут судить не по цвету их кожи, а по их характерам.

Я мечтаю о дне, когда каждая долина будет возвышена, а каждый холм и гора понижены. Неровные места будут выровнены, а кривые — выпрямлены. С этой верой я вернусь на Юг. С верой в то, что из горы отчаяния мы сможем высечь камень надежды. С верой в то, что мы сможем работать вместе, молиться вместе, бороться вместе, идти в тюрьму вместе; вставать за свободу вместе, зная, что когда-нибудь мы станем свободны...

Если мы дадим свободе звенеть, если мы дадим ей звенеть в каждом городе и поселке, в каждом штате, мы сможем приблизить тот день, когда все божьи дети — черные и белые, верующие и неверующие, протестанты и католики — смогут взяться за руки и словами старого негритянского духовного гимна сказать: «Свободны, наконец! Свободны, наконец, Великий всемогущий боже, мы свободны, наконец!»

Эту речь цитировали во всем мире. Кадры хроиики, запечатлевшие выступление Кинга, демоистрировались иа кииоэкраиах многих страи.

ФБР доложило правительству, что среди 250 тысяч демонстраитов оио иасчитало «ие менее двухсот коммуиистов». Разведывательиое управлеиие ФБР иаправило Эдгару Гуверу меморандум, в котором, к удовольствию директора, призиавало, что разведуправлеиие ФБР до сих пор иедооцеиивало степень влияиия коммуиистов иа Движеиие америкаиских иегров.

В тексте мемораидума говорилось: *«Кинг на голову выше всех других негритянских лидеров, вместе взятых, если речь идет о его влиянии на огромные массы черного населения.* Мы должны отиыие считать его... самым опасным негром для будущего иашего государства с точки зреиия коммуиизма, иегритяиского движения и иациоиальиой безопасиости...

Легальные методы борьбы с ним могут оказаться недостаточными. Было бы неразумно ограничивать самих себя юридически законными методами или обязательно убедительными свидетельствами для доказательства перед комитетами конгресса связи Кинга с коммунистами...»

Практически — это было началом войны против Кинга всеми средствами. Дозволенными и недозволенными.

18 октября 1963 года ФБР официально распространило в столице США «меморандум» о Кинге. Меморандум этот был направлен не только в Министерство юстиции, но также руководящему составу в Белом доме, в Центральном разведывательном управлении, в Государственном департаменте, в Министерстве обороны, в Разведывательном управлении Министерства обороны (РУМО). В этом меморандуме Кинг обвинялся в связях с коммунистами, но нападки на него не ограничивались только этим.

ВОПРОС. — Там были какие-нибудь данные о связях Кинга с коммунистами?

БЕРК МАРШАЛЛ (помощник министра юстиции). — Нет, этот официальный меморандум фактически был документом личного характера...

ВОПРОС.—То есть?

МАРШАЛЛ. — Атакой на личность Кинга, атакой — безо всяких доказательств — на его характер, его моральный облик, на самого человека, доктора Мартина Лютера Кинга.

ВОПРОС. — Но ведь все эти вопросы, связанные с характером человека, не имеют никакого отношения к ФБР. ФБР, насколько известно, занимается вопросами безопасности США, не так ли?

МАРШАЛЛ. — Этот документ только очень отдаленно относился к чему бы то ни было, связанному с такими вопросами, как, например, — существует ли коммунистическое влияние в Движении за гражданские права... Это была просто персональная, личная атака на человека.

ВОПРОС. — Но ведь каждый здравомыслящий человек из руководящего состава учреждений, куда

был послан меморандум ФБР, должен был понимать это. По логике вещей они должны были вернуть меморандум Гуверу с протестом. Сделал ли кто-нибудь это?

МАРШАЛЛ. — Насколько мне известно — нет.

Распоряжение Роберта Кеннеди о том, что для прослушивания разговоров Мартина Лютера Кинга агентами ФБР устанавливается испытательный срок в один месяц, не было выполнено. За этот месяц произошло множество событий. Одно из них — выстрелы 23 ноября 1963 года в Далласе, оборвавшие жизнь президента Кеннеди.

МАРТИН ЛЮТЕР КИНГ: «Хотя вопрос — кто убил президента Кеннеди — важен, еще более важен вопрос — что убило его. Наш покойный президент был умерщвлен морально неприветливым климатом... Своей смертью президент Кеннеди говорит нам всем нечто важное. Он говорит кое-что любому политикану, который кормит своих избирателей черствым хлебом расизма и гнилым мясом ненависти. Он говорит кое-что любому священнику, который видит зло расизма и, тем не менее, хранит молчание, сидя в безопасности за цветными стеклами своей церкви... Он говорит нам всем, что этот вирус ненависти, просочившийся в вены нашей нации, неизбежно приведет к нашей моральной и духовной гибели, если мы не будем его сдерживать».

Когда Мартин Лютер Кинг узнал о смерти президента Кеннеди, он сказал своей жене Коретте: «Со мной произойдет то же самое. Я же говорил тебе, что это больное общество».

«Я ничего не могла ответить ему, — рассказывает Коретта. — Я ничем не могла утешить мужа, я не могла сказать: «С тобой этого не произойдет». Я чувствовала, что он был прав. Молчание было страшно мучительным. Я придвинулась к нему и взяла его за руку...»

Убийство президента страны критическим образом повлияло на весь характер деятельности его

брата, министра юстиции. Особенно на его взаимоотношения с ФБР. Он оказался один на один со стариком Гувером. Президентской поддержки у министра юстиции уже не было. Вот почему по истечении месячного срока Роберт Кеннеди не потребовал от ФБР доклада о результатах прослушивания. И «забыл» прекратить его.

«Полная обработка» Кинга продолжалась и усиливалась.

В декабре 1963 года, менее чем через месяц после убийства Кеннеди, в штабе ФБР в Вашингтоне состоялось секретное совещание, на котором обсуждался план действий ФБР против Мартина Лютера Кинга. Повестка дня совещания состояла из 21 пункта. Вот выдержки из нее.

«Об использовании секретных черных агентов ФБР в районе Атланты (Джорджия). Сколько таких агентов потребуется?

Об использовании телефонного и микрофонного прослушивания разговоров, ведущихся сотрудниками Мартина Лютера Кинга. Каковы возможности обоих видов прослушивания?

О возможности выявления недовольных среди сотрудников руководства Движения и (или) бывших сотрудников, которые могут иметь основания быть недовольными.

О возможных связях конторы (отделение ФБР в Атланте. — *Прим. автора)* среди священников черных или белых, которые могли бы оказаться полезными. О возможном использовании таких связей нами.

О возможности получения информации по финансовым операциям Кинга, которая могла бы быть представлена в выгодном для нас свете.

О возможности подсадки в офис Кинга привлекательной особы женского пола и использования ее для дискредитации Кинга...»

Из памятной записки Уильяма Салливэна (помощника директора ФБР) Гуверу о совещании, состоявшемся в штабе ФБР 23 декабря 1963 года:

«...Учитывая деликатность нынешней ситуации, связанной с возвышением Кинга, важнейшей задачей совещания было найти наиболее эффективный способ для проведения следствия с целью получения желаемых результатов, не вызывая при этом неприятностей для Бюро. Во время совещания был проведен также полный анализ путей нейтрализации Кинга, как эффективного негритянского лидера и п р о я в л е н и я свидетельств продолжительной зависимости Кинга от коммунистов...»

Из памятной записки Уильяма Салливэна Гуверу от 8 января 1964 года:

«...Наступает время сбросить Кинга с его пьедестала и полностью лишить влияния. Однако, если ФБР добьется успеха в этом, негритянское движение может остаться без национального лидера, обладающего достаточным личным авторитетом, необходимым, чтобы руководить движением в нужном нам направлении. Чтобы не оказаться в таком положении, необходимо уже в настоящее время начать постепенное формирование отвечающего нашим задачам национального негритянского лидера, который мог бы принять на себя руководство негритянским движением, когда Кинг будет полностью дискредитирован.

В течение нескольких месяцев я обдумывал этот проект. Однажды у меня появилась возможность обсудить это с философской и социологической точек зрения с (имя в документе изъято), которого я знаю уже несколько лет. Я спросил (имя изъято), знает ли он негра, обладающего выдающимся интеллектом или подходящими способностями... Он назвал (имя изъято). В приложении к этой записке вы найдете краткую биографию (имя изъято), которая действительно примечательна... Изучение этой биографии покажет, что (имя изъято) обладает всеми качествами, которые я считаю необходимыми для выдвижения его в национальные негритянские лидеры.

Хочу сразу внести ясность: я не предлагаю, чтобы ФБР каким бы то ни было образом было о т к р ы т о вовлечено в процесс выдвижения негритянского лидера, который должен занять место Мартина Лютера Кинга. Если удастся все это организовать должным

образом, так, чтобы роль ФБР в патронации нового лидера осталась в тайне, я полагаю, что все предприятие окажется полезным не только Федеральному бюро расследований, но и всей стране в целом...»

Кто был тот человек, которого принялось вскармливать ФБР для замены Кинга, чтобы повернуть Движение за гражданские права в «нужном» для ФБР направлении?

Я бы не взялся сейчас с определенностью назвать его фамилию. Тем более, что ФБР могло работать сразу с несколькими людьми.

Скорее всего, таким человеком мог быть кто-нибудь из представителей искусственно создаваемой негритянской буржуазии. Не исключено, что такого человека ФБР могло найти и в окружении Кинга... Деятельность некоторых — к счастью, очень немногих! — близких сотрудников Кинга после его смерти подтверждает мысль, что ФБР могло «патронировать» человека даже из очень близкого его окружения. Правильнее, по-видимому, остановиться на предположении, что ФБР «выращивало» сразу нескольких «лидеров» взамен Кингу, в зависимости от обстоятельств оказывая особую поддержку и особые услуги то одному, то другому, чтобы не зависеть от случайностей тех бурных, жестоких и полных трагических неожиданностей лет.

Но если мы не можем сейчас сказать точно, как и кого вскармливало ФБР для замены Кинга, то вполне отчетливо прослеживается главное направление деятельности ФБР в отношении самого Мартина Лютера Кинга — на его уничтожение. В тот период — речь идет о 1964 годе — уничтожение, надо полагать, подразумевалось только моральное и политическое.

Идея физического уничтожения, видимо, стала разрабатываться позже.

Слово у н и ч т о ж и т ь, кстати говоря, было по отношению к Кингу — о ф и ц и а л ь н ы м т е р м и н о м ФБР. Его употребляли весьма высокие руководители этой организации. Было даже создано специальное подразделение, которое так и называлось — Отделение уничтожения Кинга (Destroy King Squad).

Оио заиималось всем комплексом действий, связаииых с этим. Прежде всего — подслушиваиием, слежкой и т. д.

Как проходило подслушиваиие телефоииых и других разговоров Киига, скажем, в его оффисе в Атлаите?

Для этой цели Федеральиое бюро расследоваиий сияло на Персиковой улнце в Атлаите, иеподалеку от оффиса Мартииа Лютера Кинга, трехкомиатную квартиру в зиамеиитом иебоскребе «Пич стрит Тауэрс». Одна из комиат этой квартиры, стеиы которой покрывалн паиели, вся была заполиеиа электроииым оборудованием. Здесь была прииимающая и записывающая техника. А передающие устройства подслушиваиия иаходились в самой коиторе Кинга. В квартире ФБР постояиио дежурили люди — двадцать четыре часа в сутки, — которые обеспечивали исправиую работу аппаратуры и запись всех разговоров, ведущихся в оффисе Кннга. Здесь ие жалели деиег, поэтому записывали каждое слово, которое произиосилось по телефоиу Киига, и составляли досье иа каждого человека, который звоиил Киигу или которому звоиили из оффиса иегритяиского лидера.

Каждый человек, который даже по случайности, по иедоразумеиию, да просто по ошибке оказывался хоть раз соедниеииым по телефону с людьми Мартииа Лютера Киига, попадал в это чудовищное досье. На него заводнлась папка, и в папку иачниали собирать сведеиия о ием: год рождения, адрес, место работы, краткая биография, знакомые, друзья, друзья друзей и так далее. Все это иазывалось поисками «коммуиинстической инфильтрации» — связей Кинга с Коммуиистической партией США. Этой работой был занят огромиый аппарат агеитов. У иекоторых из них, как оии сейчас вспоминают, складывалось тогда впечатление, что ФБР вообще инчем другнм ие заиимается. И ие мудреио, что такое впечатлеиие складывалось. Ведь в те времена Гувер ие обращал виимаиия ни иа действия мафин, ии на преступиую деятельиость кубииских коитрреволюцноииых эмигрантов на территории США, ни иа миогое другое, что вхо-

дило в круг прямых обязанностей ФБР. Сейчас трудно сказать, сколько всего сотрудников ФБР занималось т о л ь к о Кингом, но такие были и в Нью-Йорке, и — очень много — в Атланте, и в штате Миссисипи, и в штате Алабама. Везде, где только Движение за гражданские права было активным или набирало силу, везде были агенты, деятельность которых почти целиком ограничивалась Кингом и поисками его «связей с коммунистами».

Только одна квартира ФБР в Атланте, подслушивавшая телефонные разговоры Кинга, завела досье на шесть тысяч человек.

Картотека содержалась в бесчисленных папках, аккуратно разделенных по дням (в индексах так и указано: «день первый», «день второй» и далее до бесконечности).

В 1977 году Министерство юстиции США официально сообщило миру, что свидетельств, доказывающих, что Мартин Лютер Кинг был коммунистом,— не существует; не существует также свидетельств, что Мартин Лютер Кинг был связан с коммунистической партией; не существует свидетельств, что Южный Совет христианского руководства, возглавлявшийся Кингом, был организацией, ставившей перед собой иные задачи, кроме задач борьбы за гражданские права негров; не существует свидетельств, что советники д-ра Кинга рекомендовали ему действия, которые можно было бы считать соответствующими коммунистическому курсу...

Но об этом было заявлено только в 1977 году, через пятнадцать лет после того, как ФБР впервые обвинило Кинга в «подверженности коммунистическому влиянию», и через девять лет после выстрела в Мемфисе (после убийства Кинга ФБР не снимало с него этого обвинения). Но даже, если бы связи Кинга с компартией были реальностью, разве это могло считаться преступлением? Ведь Коммунистическая партия Соединенных Штатов — легальная политическая организация. Почему же ФБР занималось поисками связей Кинга с легальной политической организацией? Вряд ли мы получим ответ на этот вопрос у кого-нибудь из блюстителей закона в США.

Люди из Отделения уничтожения Кинга не только преследовали вождя черных американцев, не только следили за ним, но и просто издевались над ним. Скажем, звонили по телефону в пожарную команду и сообщали, что в доме Кинга — пожар. Туда прибывали пожарные машины. Шум, претензии, оскорбления. Ему посылались угрожающие письма, какие-то странные мерзкие безделушки. Нетрудно представить — сколько нервов все это стоило Кингу!..

Подслушивание же его разговоров приняло такие масштабы, что ФБР сочло возможным установить свое оборудование даже в отеле в Стокгольме, когда Кинг приехал туда получать Нобелевскую премию мира...

После убийства Джона Кеннеди новый президент Линдон Джонсон довольно скоро избавился от Роберта Кеннеди, которого считал всегда одним из самых опасных своих врагов, и назначил на пост министра юстиции Николаса Каценбаха. Новый министр вообще не требовал от Гувера, чтобы тот испрашивал предварительного разрешения Министерства юстиции на прослушивание телефонных и иных разговоров граждан США.

Отныне ФБР могло не тратить особых усилий на сохранение в тайне своих занятий по «полной обработке» Кинга.

Агенты ФБР — в том числе и высокопоставленные — по указанию главы конторы начали кампанию «утечки» информации о Кинге в прессу. Иначе говоря, — активного распространения среди корреспондентов американских газет разных слухов, дискредитирующих Кинга. И не только слухов, но и сфабрикованных магнитофонных пленок или расшифрованных текстов разговоров, записанных в доме Кинга, в офисе и в гостиничных номерах, где он останавливался...

К осени 1964 года эта кампания велась уже по всем правилам беспощадной психологической войны, хотя слово «война» здесь не совсем подходит — война все-таки предполагает двусторонние действия. Федеральное бюро расследований просто объявило Мартина Лютера Кинга «врагом номер один».

Тотальная слежка за Кингом не дала, естественно, никаких доказательств о «контроле» над Движением за гражданские права со стороны коммунистов.

И хотя ФБР продолжало распускать слухи о влиянии коммунистов и даже «Советов» на Мартина Лютера Кинга, тем не менее главный упор было решено делать на разрушение огромного морального авторитета Кинга.

Вот перечисление некоторых действий ФБР против Кинга только в одном 1964 году.

23 января Гувер выступал с нападками на Кинга перед комиссией по ассигнованиям палаты представителей конгресса и вручил председателю комиссии конгрессмену Джону Руни фальсифицированные записи подслушанных разговоров.

В марте 1964 года официальные лица из ФБР выступали в университете Маркетт для того, чтобы предотвратить или отменить присуждение Мартину Лютеру Кингу звания почетного профессора этого университета.

В марте же министру юстиции был послан «совершенно секретный меморандум», целиком посвященный дискредитации Кинга.

В июне официальные лица из ФБР информировали руководителей Национального совета церквей и других влиятельных церковных организаций о «моральной нечистоплотности» Кинга и требовали, чтобы те прекратили свою поддержку Движения за гражданские права негров и его лидера.

В сентябре ФБР обратилось к кардиналу Спеллману с требованием повлиять на папу Павла VI, чтобы тот не давал аудиенции Мартину Лютеру Кингу.

В октябре 1964 года, когда стало известно о присуждении Кингу Нобелевской премии мира, ФБР разослало специально подготовленную клеветническую, содержащую компрометирующие материалы брошюру о Кинге помощнику президента Джонсона Биллу Мойерсу, постоянному представителю США в Организации Объединенных Наций Эдлаю Стивенсону, высокопоставленному сотруднику Организации Объединенных Наций Ральфу Банчу, сенатору Гу-

берту Хэмфри, губернатору штата Нью-Йорк Нельсону Рокфеллеру, послам США в Лондоне и Осло, а также влиятельным гражданам Атланты, столицы Джорджии, которые собирались устраивать чествование Кинга в связи с получением им премии.

В течение всего 1964 года ФБР рассылало и предлагало магнитофонные записи, «порочащие» Кинга, известным журналистам и газетным обозревателям, таким, например, как Майк Ройко из «Чикаго дейли ньюс». А «секретная монография» о Кинге была послана, например, Ральфу Макгиллу из газеты «Атланта конститьюшн» и показана известному обозревателю Карлу Роуэну.

Карт Делоуч, который занимался у Гувера связями с прессой, пытался вручить фальшивки, компрометирующие Кинга, главе вашингтонского бюро журнала «Ньюсуик» Бенджамину Брэдли. Во время встречи, которая проходила в кабинете Делоуча, тот предложил Брэдли ознакомиться с записями бесед, которые вел Мартин Лютер Кинг. Причем, не особенно стесняясь, дал понять, что имеются в виду беседы, записанные при помощи тайных микрофонов в гостиничных номерах, в которых проживал Кинг. Брэдли почувствовал неловкость положения и под благовидным предлогом отказался получить эту запись. А о предложении Делоуча рассказал при первом удобном случае министру юстиции (им тогда был Каценбах). Обеспокоенный министр, по-видимому, понял опасность, которую таят подобные незаконные действия ФБР, и доложил о рассказе Брэдли президенту Джонсону. Президент, сидя в кресле-качалке возле камина, выслушал Каценбаха внимательно. Но ничего не ответил, будто не слышал своего министра. И все же Каценбах, как он потом, через много лет, рассказывал, вынес после этой беседы «твердое убеждение, что Джонсон наверняка что-то сделает для того, чтобы остановить безрассудную кампанию ФБР».

Линдон Джонсон действительно был раздосадован, но, как оказалось, не поведением ФБР, а поведением Брэдли. Один из ближайших советников президента позвонил Делоучу после визита Каценбаха

и сказал: «Президенту стало известно, что некий корреспондент разносит по городу слух о том, что ФБР незаконно подслушивает разговоры Кинга, а записи этих разговоров предлагает журналистам для печати; президент рекомендует ФБР не доверять больше означенному журналисту...»

Помощник также передал Делоучу пожелание президента, чтобы материалы о Мартине Лютере Кинге стали известны более широкому кругу влиятельных людей.

С подобными предложениями ФБР обращалось, конечно, не к одному Брэдли. И далеко не все, к кому обращалось заведение Гувера, находили в себе силы поступать так, как поступил Брэдли. Кроме того, у ФБР имелся «специальный список корреспондентов», на которых можно было опереться. Многие газеты имели с ФБР постоянные связи. Таким образом у Гувера не было недостатка в органах печати, где ФБР могло помещать свои пасквили на Мартина Лютера Кинга.

Война против Кинга расширялась. В нее вводились все новые и новые элементы.

18 ноября 1964 года Гувер выступал перед группой женщин-журналисток в Вашингтоне.

Обычно он не устраивал пресс-конференций. Довольно редко встречался с журналистами, даже с самыми известными и видными. А тут вдруг сам потребовал устроить ему встречу с группой женщин-репортеров из мелких провинциальных газет, приехавших в Вашингтон в составе туристской группы.

Он собрал их в конференц-зале ФБР и, прежде чем отвечать на вопросы, сказал, что выступит перед ними с заявлением. Все это было совершенно необычно для него, непохоже на его известное всем поведение с журналистами.

Для чего все это ему понадобилось, выяснилось несколькими минутами позже.

Он говорил о положении в стране, касался различных сторон жизни, хвастал успехами Федерального бюро расследований и затем объявил, что будет говорить о расовых проблемах. Тут он сделал паузу, налился краской и подчеркнуто громко, медленно

произнес: «Прежде всего я хочу вам сказать, что доктор Мартин Лютер Кинг — самый отъявленный обманщик в нашей стране!..» Затем снова сделал паузу, отпил воды из стакана и продолжал выступление.

Заявление его было настолько неожиданным, настолько непонятным и оскорбительным для всемирно известного человека, что даже журналистки из провинциальных газет были шокированы, долго перешептывались и крутили головами, с испугом и удивлением глядя на всесильного директора ФБР.

На этом совещании присутствовал все тот же Карт Делоуч, глава отдела ФБР по отношениям с прессой, человек, который занимался распространением порочащих Кинга фальшивок. Но даже он был поражен слишком, как он считал, открытым выступлением Гувера.

В удивлении, беспокойстве он воззрился на директора ФБР, ожидая, что тот хотя бы предупредит журналисток, чтобы они не цитировали в газетах это место из его речи. Но выступление Гувера продолжалось, а никаких оговорок и никаких предупреждений он не делал. Тогда Делоуч вырвал из записной книжки листок бумаги, вынул ручку и быстро написал, что, по его мнению, было бы полезно изменить фразу, сказанную о Кинге, или указать корреспонденткам, чтобы они не ссылались в печати на директора ФБР. Гувер взял записку в руки, сделав паузу, прочитал ее, смял, выбросил в мусорную корзину и продолжал речь. Делоуч, думая, что директор неправильно понял его, послал ему вторую записку. Тот выбросил ее в корзину, не читая. Обеспокоенный Делоуч принялся было писать в третий раз, но Гувер остановился, обернулся к нему и сказал громко, так, что было слышно в зале: «Не вмешивайтесь не в свое дело».

Когда одна из журналисток в конце встречи спросила Гувера, можно ли цитировать всю его речь, ссылаясь на него, Гувер спокойно ответил: «Конечно».

Вся встреча с третьестепенными журналистками была организована Гувером только для того, чтобы он мог произнести эту свою, ставшую печально зна-

меиитой, фразу. Гувер полагал, что его авторитет, авторитет директора мощнейшего Федерального бюро расследованнй, еслн ие уннчтожит, то, по крайией мере, непоправнмо пошатнет моральиый авторитет Кинга. Гувер был увереи, что его слов будет достаточно, чтобы днскреднтнровать Книга ие только перед страной, но н перед всем мнром.

Десяткн, а может быть, сотин амернканскнх газет напечаталн это заявлеиие днректора Федеральиого бюро расследованнй. Одиако моральный авторитет Кинга не только не пошатиулся, но, может быть, даже возрос нз-за того, что его пытался оскорбнть нмеиио Гувер.

Трудно сказать, понимал лн это сам Гувер. Во всяком случае, он вндел, что столь желаниого нм «разрушення» Книга не пронзошло. Видел н продолжал действовать.

Через три дня после своего заявления на собранни женщнн-журналнсток Гувер распоряднлся послать Мартнну Лютеру Книгу н его жене магнитофонную пленку н пнсьмо.

УИЛЬЯМ САЛЛИВЭН. — Я получнл прнказ от Гувера органнзовать посылку магнитофонной плеики жене Кинга.

ВОПРОС. — Непосредственно от Гувера?

САЛЛИВЭН. — Нет, от помощннка Гувера — Алана Дельмонта.

ВОПРОС. — Как это пронзошло?

САЛЛИВЭН. — Дельмонт позвонил мне, мы встретнлнсь. И он сказал мне, что Гувер н Доусон хотят переправить Коретте Кнног некоторые магнитофонные пленкн, для того чтобы разбнть ее брак с Книгом, заставнть нх развестись и тем самым уничтожить моральный статут Кннга. Я возразнл...

ВОПРОС. — По моральиым соображенням?

САЛЛИВЭН. — Нет, по практнческнм. Я сказал: «Она немедлеино поймет, что этн пленкн от ФБР».

ВОПРОС. — Что же ответнл Дельмонт?

САЛЛИВЭН. — Он сказал, что Гувер хочет остановить Кннга раз н навсегда. И что этн плеики за-

ставят Кинга остановиться. Дельмонт сказал также, что он с т е р и л и з о в а л* пленки так, что госпожа Кинг никак не узнает, что они изготовлены в ФБР. Он сказал: «Я распоряжусь, чтобы пленки отобрали и запаковали соответствующим образом. Я пришлю их вам в ящике».

ВОПРОС. — Больше вы не возражали?

САЛЛИВЭН. — Я получил ящик в назначенное время и просмотрел пленки. Мне показалось, что они состояли из нескольких пленок, может быть, из трех.

ВОПРОС. — Значит, ФБР сделало, так сказать, искусственный монтаж, то есть фальшивку, чтобы послать ее миссис Кинг?

САЛЛИВЭН. — Может быть, это был даже монтаж более чем из трех пленок, я не знаю.

ВОПРОС. — Кто готовил эту подделку?

САЛЛИВЭН. — Работа была проведена лабораторией ФБР.

ВОПРОС. — В Вашингтоне? В главном здании ФБР, которое посещают туристы?

САЛЛИВЭН. — Да.

ВОПРОС. — Кто давал этой лаборатории распоряжение об изготовлении фальшивки?

САЛЛИВЭН. — Мне кажется, туда звонил Дельмонт. Но как это было сделано, в точности я не знаю.

ВОПРОС. — А сам Гувер с вами по этому поводу не разговаривал?

САЛЛИВЭН. — Гувер позвонил мне по телефону и распорядился, чтобы пакет был послан Коретте Кинг не из Вашингтона, а из какого-нибудь южного города.

ВОПРОС. — Для маскировки фебеэровского происхождения пленки?

САЛЛИВЭН. — Я выбрал агента, который умел держать язык за зубами. Я тщательно выбирал — нужен был такой, который никогда никому об этом не расскажет. На всякий случай я не сказал ему,

* «Стерилизовать» — удалить отпечатки пальцев, монтажные скачки и другие признаки, по которым можно определить происхождение фальшивки.

что было в пакете, сказал только, что его задача — взять этот пакет, поехать на юг и послать его оттуда почтой по адресу, который я ему сообщу. Он все это сделал. Затем вернулся и доложил, что дело сделано.

ВОПРОС. — А вы доложили Гуверу?

САЛЛИВЭН. — Я никогда не обсуждал с Гувером это дело после того, как мы его выполнили.

ВОПРОС. — И Гувер никогда не упоминал о нем?

САЛЛИВЭН. — Никогда. Во всяком случае, в моем присутствии.

В пакете, который по распоряжению Гувера был послан Кингу, была не только пачка пленок. Там было и письмо. Анонимное письмо с угрозой.

Вот его текст:

«Кинг! У тебя остается один-единственный выход. Ты знаешь какой. В твоем распоряжении только 34 дня, чтобы воспользоваться им. Срок этот установлен не случайно. Для него есть особые соображения. С тобой покончено. Советуем тебе сделать это до того, как твоя грязная мошенническая душа будет разоблачена перед всем народом».

Такое письмо рядом с магнитофонной пленкой, которая должна была, по замыслам ФБР, разрушить личную жизнь Кинга и тем самым непоправимо подорвать его моральный авторитет, не могло быть не чем иным, как шантажом, понуждением к самоубийству.

Именно так Кинг и расценил его, получив пакет. Об этом свидетельствует один из его близких сотрудников в те времена — Эндрю Янг: «Он понял, что кто-то непременно хочет заставить его совершить самоубийство».

Кто был автором письма? С точностью установить, видимо, невозможно. Да и нужно ли? Может быть, сам Гувер (тут чувствуется его решительный почерк), может быть, Толсон, его ближайший друг, может быть, Салливэн, который столь свободно говорил о прошлых грехах, не боясь наказания. Во вся-

ком случае, черновик письма был найден в бумагах именно Салливэна после того, как Гувер выгнал его из ФБР, а сам умер.

САЛЛИВЭН. — Я не писал этого письма! Черновик его был просто подложен в мои бумаги для того, чтобы позже скомпрометировать меня. Я уверен в этом!..

Может быть. Но, повторяю, имя непосредственного автора письма не имеет никакого значения, поскольку в точности установлено, что его посылали Кингу по личному распоряжению Эдгара Гувера и, конечно, он, как минимум, одобрил его текст, если сам не написал или не продиктовал его.

«Мистическое» число — 34 дня, названное «не случайно», — объяснить не трудно. Если отсчитать ровно 34 дня от 21 ноября, когда это письмо было послано, то последний 34-й день падает на рождество 1964 года. Авторы письма, возможно, надеялись, что Кинг покончит с собой в канун или в день рождества, «мучимый угрызениями совести». Это выглядело бы «божьей карой».

К счастью, магнитофонная фальшивка, столь тщательно подготовленная ФБР, не оказала никакого воздействия на отношения между Кореттой Кинг и Мартином Лютером Кингом. Несмотря на все меры предосторожности, принятые специалистами из ФБР, несмотря на тщательную «стерилизацию», уши старика Гувера явственно торчали из пакета, полученного Кингом.

КОРЕТТА КИНГ (в 1975 году): «Мы получили пленку, которая вызывала скорее любопытство, чем какое бы то ни было другое чувство. Она была без наклейки. Вместе с Мартином мы прослушали запись и нашли всю фальшивку глупой. Несмотря на угрожающее письмо, мы пришли к заключению, что в этой пленке не было ничего, что могло бы дискредитировать Мартина. И, конечно, быстро поняли, что пленка была сфабрикована на основе тайного под-

слушивания. Нетрудно было также понять, что вся эта затея — дело рук ФБР».

Итак, Мартин Лютер Кинг не поддался на угрозу ФБР. И не последовал «совету» — совершить самоубийство. Более того, вся эта грязная история имела одни положительный момент для Кинга. Теперь он совершенно точно знал, что любой гостиничный номер, в котором он останавливался, любой частный дом, куда он приходил, его собственный дом и его оффис круглосуточно находились под электронным наблюдением агентов ФБР.

На другой день после получения пленки Кинг встретился с Ральфом Абернети и Эндрю Янгом. Он включил магнитофон и попросил их прослушать сфабрикованную запись. А затем сказал, что отныне он точно знает: полагаться на охрану ФБР нельзя. Гувера постигло разочарование. При всем могуществе электронной техники, которой он располагал, при его уме, изворотливости, опыте он никак, однако, не мог понять и оценить всю внутреннюю моральную силу Движения за гражданские права.

Кинг и его Движение продолжали жить.

И пока Кинг был жив, каждое его действие, каждая его заметная речь вызывали немедленную реакцию ФБР, которое рассылало по этому поводу все новые и новые «монографии», порочащие Кинга.

В 1967 году, когда Кинг открыто выступил против войны во Вьетнаме, соответствующая «монография» была немедленно разослана в Белый дом, Государственный департамент, Министерство обороны, сенат и конгресс.

Когда в 1968 году Кинг объявил о своем плане весеннего наступления на Вашингтон (который стал известен как Поход бедноты в Вашингтон), среди высших представителей вашингтонской власти была немедленно распространена другая «монография» с нападками на руководителя Движения за гражданские права.

Даже после смерти Кинга, когда некоторые конгрессмены предложили объявить его день рождения национальным праздником, руководители ФБР со-

звали представителей конгресса, чтобы лгать им о «личной жизни» Кинга.

ФБР занималось и другого рода политическими операциями для уничтожения Кинга и его Движения. Именно ФБР распустило слухи о том, что Кинг имеет в швейцарском банке секретный счет, и даже объявило, что посылает туда своих агентов для проверки.

Совместно с налоговым управлением ФБР начало кампанию по проверке уплаты налогов организацией Кинга для того, чтобы найти или сфабриковать финансовые нарушения и дискредитировать Движение.

ФБР оказывало давление на журналы и издательства, чтобы те не публиковали статей и книг, написанных Мартином Лютером Кингом.

Попробуем разобраться в легальной основе всего этого издевательства над Кингом.

Прослушивание телефонных разговоров человека, известного всему миру, на основе недоказанных, неподтвержденных и незаконных обвинений в его связях с коммунистами (Коммунистическая партия США — легальная политическая организация) — было нарушением прав человека и должно было караться законом.

Установление микрофонов дома и в оффисе Кинга, а также во всех гостиничных номерах, где останавливался Кинг, являлось множественным нарушением человеческих прав хотя бы потому, что в поле внимания ФБР (слежка, досье, допросы) попадали все люди, звонившие или заходившие туда. Это преступление должно было караться законом.

Фальсификация записей, препарирование их в нужном для ФБР свете и распространение среди корреспондентов газет являлось нарушением элементарных человеческих прав и само по себе должно было караться законом.

Кампания клеветы, травли, преследования, запугивания и шантажа, которая велась против Кинга государственными органами власти с молчаливого или прямого и открытого одобрения президента, министра юстиции, сената, палаты представителей, дру-

гих оргаиов власти, а также прессы, была вопиющим иарушеиием прав человека — преступлением, за которое прямые вииовики и соучастики должиы были бы иести ответствеиность перед закоиом.

Это была издевательская, незакониая, оскорбительиая кампаиия, войиа иа уничтожеиие доброго имеии выдающегося америкаица.

Одиако ии одно официальиое лицо в США ие поиесло за это наказания.

И ии одио официальиое лицо в Соедииенных Штатах Америки ие потребовало прекращеиия этой кампании. Ни президеит Джои Кеннеди, ни президеит Линдои Джоисон, ни его помощники, ни мииистр юстиции Роберт Кеинеди, ни следующий мииистр юстиции Николас Каценбах, ни сеиаторы, ни коигрессмены, ни представители крупной буржуазиой прессы.

В 1967 году Кинг и его оргаиизация стали осиовными объектами деятельности ФБР по так называемой программе «Коинтелпро», которая официальио была иаправлеиа против «черных групп иенависти». Согласио этой программе, ФБР сиабжало прессу материалами, обвииявшими Киига в попытках спровоцировать в 1968 году — году выборов президента — насилие в стране.

Часть 5

Весной 1968 года Кинг готовил марш бедняков на Вашингтон. 22 апреля онн должны былн направнться в столнцу нз разных городов Соединенных Штатов н оставаться там сколько возможно, чтобы привлечь вннмание всей страны — самой богатой страны капнталистического мнра — к бедственному положенню ее неимущнх.

Сама идея этого марша, в котором должны былн участвовать не только негры, но и белые, и индейцы, и мекснканцы, н пуэрторнканцы — беднякн независимо от их нацнональностн, веронсповедання нлн цвета кожи, — была новым шагом Двнження за гражданские права, в развнтнн взглядов самого Кинга.

Кннг становнлся все опаснее. «Мечтатель» все прочнее стоял на земле. Он все глубже понимал, что проблему гражданскнх прав для черного населения Амернкн невозможно решнть в отрыве от общнх соцнально-полнтнческнх проблем.

Марш бедняков был направлен н протнв войны во Вьетнаме.

Из речи, произнесенной Мартином Лютером Кингом в церкви Риверсайд в Нью-Йорке 4 апреля 1967 г.

«...С тех пор, когда я решился нарушить свое предательское молчание и начал говорить о том, что скрывалось в глубине моего пылающего сердца, когда я стал призывать к полному прекращению разруши-

тельной войны во Вьетнаме, многие спрашивали меня, разумно ли я поступил, избрав этот путь. В глубине их души не раз возникали вопросы: «Почему вы, д-р Кинг, говорите о войне? Почему именно вы присоединяетесь к голосам протеста? Ведь говорят, что борьбу за мир нельзя смешивать с борьбой за гражданские права». Не поврежу ли я этим делу своего народа, спрашивали меня. И когда я слышу этих людей, то часто, даже понимая причины их озабоченности, я не могу не чувствовать печали, ибо эти вопросы означают, что спрашивающие не понимают по-настоящему ни меня, ни моего призвания, ни моих обязательств. Их вопросы означают, что они просто не знают мира, в котором живут.

Я проповедник и думаю поэтому, что вам не покажутся странными те семь основных мотивов, по которым именно Вьетнам предстал перед моим внутренним взором. Прежде всего существует совершенно очевидная и почти непосредственная связь между войной во Вьетнаме и той борьбой, которую я вместе с другими веду в Америке. Несколько лет назад мне показалось, что в этой борьбе мелькнул просвет надежды. Надежда для бедняков, как черных, так и белых, воплотилась, казалось бы, в программе «войны с бедностью». Проводились эксперименты, возникали новые предположения и начинания. Затем началась эскалация войны во Вьетнаме, и мы увидели, как общество, помешавшееся на войне, ломает и потрошит эту программу, словно надоевшую политическую игрушку. Я понял, что Америка никогда больше не сделает попытки привлечь необходимые средства и энергию для помощи своим беднякам, пока авантюры, подобные вьетнамской войне, не перестанут, как адский насос гигантской разрушительной силы, выкачивать из нее средства и людские резервы. Это все более и более убеждало меня в том, что война враждебна беднякам и именно поэтому заставляла с ней бороться.

Возможно, что действительность предстала передо мной в еще более трагическом свете, когда мне стало ясно, что война не только сводит на нет надежды бедняков, но и посылает сражаться и умирать сыновей, мужей, братьев этих бедняков, причем доля их необы-

чайно велика в сравнении с остальной частью населения. Мы берем темнокожих юношей, искалеченных нашим обществом, и посылаем их за 8 тысяч миль защищать в Юго-Восточной Азии свободы, которых они не могли найти в Юго-Западной Джорджии или Восточном Гарлеме. По жестокой иронии судьбы мы наблюдаем по телевизору, как вместе убивают негры и белые и как они вместе погибают за государство, которое не в состоянии посадить их за одну и ту же школьную парту. Мы видим, как они, объединенные жестокостью в одно целое, жгут нищие деревушки, но мы прекрасно понимаем, что в Детройте они никогда не смогут жить в одном квартале. Перед лицом этих жестоких издевательств над бедняками я не могу молчать.

Третья причина моего выступления еще более обоснована, ибо исходит из опыта, полученного мною в различных гетто Севера за последние три года, особенно за последние три лета. Находясь среди отчаявшейся, отверженной и разгневанной молодежи, я говорил ей, что бутылки с зажигательной смесью и ружья не разрешат их проблем. Я пытался выразить им свое глубокое сочувствие, продолжая придерживаться убеждения, что социальные изменения, полные самого глубокого смысла, не есть результат насильственных действий. Но они спрашивали — и справедливо: «А как же Вьетнам? Разве наше государство не использует массовое насилие для разрешения своих проблем и достижения желаемых им перемен?» Их вопросы били не в бровь, а в глаз, и я понял, что никогда более не смогу поднять свой голос против насильственных действий угнетенных в гетто, пока не выскажусь откровенно о том, кто более всего применяет сейчас насилие в мире — о моем собственном правительстве. Во имя этих парней, во имя своего правительства, во имя сотен тысяч людей, живущих под гнетом насилия, я не могу молчать.

Для людей, которые задают вопрос: «Разве вы не лидер Движения за гражданские права?» и тем самым стараются исключить меня из рядов борцов за мир, у меня есть следующий ответ: в 1957 году, когда наша небольшая группа организовала Южный совет

христианского руководства, мы выбрали девиз: «Спасем душу Америки». Мы были глубоко убеждены в том, что нам не следует ограничиваться только борьбой за определенные права негров, но выразили уверенность, что Америка не сможет стать свободной или спасти свою душу, пока потомки ее рабов полностью не сбросят цепи, которые они все еще влачат.

Далее. Должно быть абсолютно ясно, что если вы озабочены единством и существованием Америки, то сегодня вы не можете игнорировать войну во Вьетнаме. Если душа Америки окажется совершенно отравленной — рассеките ее, и вы увидите среди прочих ядов также и Вьетнам. И до тех пор, пока Америка разрушает самые сокровенные надежды людей во всем мире, ее нельзя будет спасти. Поэтому те из нас, кто твердо решил, что Америка «будет Америкой», встают на путь протеста и неповиновения, действуя тем самым на благо своей страны...»

(Эта первая большая речь Мартина Лютера Кинга против войны во Вьетнаме, вызвавшая огромный резонанс в стране, была произнесена 4 апреля 1967 года. Убит он был ровно через год — 4 апреля 1968 года — день в день).

Нападки на Кинга усиливались. Бывшие его друзья, традиционные негритянские лидеры, резко критиковали его за то, что он вмешивался в политику и требовал прекратить войну во Вьетнаме. Левацкие группы с трансплантированными туда секретными сотрудниками ФБР проклинали его за «позицию активного ненасилия». Так называемые либеральные газеты, которые раньше поддерживали Кинга, обрушились на него.

ЭНДРЮ ЯНГ. — Для Мартина Лютера Кинга было настоящим горем оказаться под атакой людей, которых он раньше уважал. Он тяжело переживал, например, когда против него выступил Ральф Макгилл (которого, как известно, спровоцировали на это официальные лица из ФБР. — *Г. Б.*). Я видел, как Мартин Лютер Кинг сидел и плакал, когда увидел в газете «Нью-Йорк таймс» передовую статью, в которой его ругали за выступление против войны во

Вьетнаме. Он плакал, он горевал, но это не уменьшало его решимости. Наоборот — увеличивало ее.

Травля Кинга достигла высшей точки именно к весне 1968 года, накануне марша бедняков, который мог стать крупнейшей в истории 60-х годов бедняцкой демонстрацией против социального неравенства в США, против войны, против расизма. Тот факт, что марш бедняков был назначен на конец апреля и бедняцкие караваны должны были сосредоточиться в Вашингтоне к 1 мая, наполнял план Кинга устрашающей символикой классового объединения неимущих.

В тревожные дни марта 1968 года в Мемфисе проходила стачка санитарных рабочих — городских уборщиков мусора — преимущественно черных. Она началась еще в феврале. Рабочие местного профсоюзного отделения № 1733 требовали признания своего профсоюза, прекращения расовой дискриминации при приеме на работу, увеличения зарплаты и улучшения условий страхования труда. Мемфисские власти отказывались выполнить эти требования. Священник Джеймс Лоусон, глава стачечного комитета, попросил Кинга поддержать санитарных рабочих Мемфиса и 28 марта принять участие в мирной демонстрации протеста против позиции городских властей. Присутствие Кинга должно было привлечь к стачке внимание страны и оказать давление на муниципалитет.

Кинг принял предложение Лоусона. Узнав об этом, одна мемфисская газета написала: *«Кинг намеревается провести в Мемфисе генеральную репетицию марша бедняков!»*

...Гувер только что закончил разговор по телефону, во время которого больше слушал, почти ничего не говорил, лишь изредка обозначая свое присутствие на этом конце телефонного провода коротким «хм». Положив трубку, не глядя на Салливэна, тактично отошедшего во время разговора подальше от Старика (трубка специальной связи была звучной и в двух

метрах можно было иевзначай услышать из иее, даже прижатой к уху, то, что слышать не полагалось), Гувер сделал несколько пометок в блокиоте, лежавшем перед ним, затем легоиько крутанул себя в кресле вначале в одиу стороиу, потом в другую — это всегда было признаком хорошего настроения — и сказал:

— Слушайте, Билл. Вам никогда ие приходилось бывать иа генеральиых репетициях?

— Нет, не приходилось, — сказал Салливэн, улыбаясь и делая несколько шагов к столу шефа. Глядя на Старика веселыми глазами, он как бы приглашал его продолжить шутку: ну, ну, что там такое с геиеральными репетициями? Новый анекдот о хористке? Старик любил такие анекдоты, хоть и рассказывал их редко, только в моменты уж очень хорошего настроеиия.

Гувер же не смотрел на Салливэиа. А взгляд, все еще привязанный к блокноту, был серьезен.

— Есть генеральные репетиции совсем закрытые, — иачал Гувер неторопливо, как лекцию, — когда в зал не пускают никого. Даже актеров, которые свободиы. В зале сидит только режиссер. И ои ие хочет, чтобы кто-нибудь, кроме него, судил о спектакле...

Поощрительная улыбка еще не сошла с лица Салливэиа, хотя он уже понял — Старик вовсе не собирается рассказывать аиекдоты.

— ...Но есть генеральные репетиции, на которые приходит пресса, чтобы ко дию премьеры критики успели заготовить рецензии... — Гувер все еще не смотрел иа Салливэиа. — От такой генеральной репетиции зависит судьба спектакля. Если генеральная не поиравится рецеизентам — публика не пойдет на спектакль. Спектакль не проживет и двух дней... Понятно?

Салливэн все еще не понимал, к чему клонит Старик. Ну не о театре же он, в самом деле, решил сегодня говорить со своим помощником. Гувер, видимо, угадал мысли Салливэна и усмехнулся.

— Вы не читали сегодняшних газет, — сказал он без вопросительиой интонации.

— Не успел, — сознался Салливэн. — Дома замешкался, а как только пришел сюда, сразу к вам.

— Да, да, — быстро согласился Гувер. — Но вы прочтите. В одной мемфисской газете есть интересная идея, — он ткнул пальцем в груду газет на столе. — Там считают, что Кинг согласился возглавить марш мусорщиков в Мемфисе 28 марта как генеральную репетицию перед маршем бедняков 22 апреля...

— Я так и понял, — кивнул Салливэн.

— Это хорошо, — почти весело согласился директор. — Это очень хорошо, что вы поняли, Билл. Вот и займитесь этой генеральной репетицией, всерьез займитесь. Мне кажется, этот ловкач дал большого маху, согласившись показать спектакль до премьеры. — Гувер снова покрутил себя в кресле, а затем всем корпусом потянулся к Салливэну, будто хотел сообщить ему что-то доверительно. — Он — подставился. Ясно? — И повторил с ударением: — Под-ста-ви-л-ся...

— Да, понятно, — опять кивнул Салливэн, улавливая в голосе Гувера особо значительную интонацию.

— Пошлите толковых людей. Самому ехать не надо. Там начальником полиции работает Холломен. Серьезный человек... И помните: сорвется генеральная репетиция — не будет спектакля. Пусть Мемфис докажет нашим, — он скривился и произнес насмешливо, — севдолибералам (Гувер всегда говорил именно «севдолибералы», полагая, что так это слово звучит особенно презрительно), что мирных черных маршей нынче не бывает. Побьют там сотню-другую витрин — и сразу тут у нас на Севере забеспокоятся... Я ведь его знаю, нашего севдолиберала. Он за помощь бедным черным до тех пор, пока у его жены мальчишка-ниггер не вырвал сумочку с кредитной карточкой от Гимблса. Жулики. Ловчат...

Он замолчал, глядя, как Салливэн быстро водит карандашом в блокнотике. «И ты тоже жулик, — без злобы подумал Гувер. — Подхалим и жулик... Когда умру, будешь меня первый продавать. А записи сейчас делаешь, чтобы потом книжечку обо мне выпус-

тить пасквиль, и заработать... Но только зря ждешь...»

А вслух сказал:

— Когда все это случится в Мемфисе, надо будет позаботиться, чтобы слова «генеральная репетиция» были во всех газетах... — Он посмотрел прямо на собеседника. — А случиться там могут большие беспорядки. Могут быть и убитые. Вы же знаете, у Кинга много противников. Надо подумать о его безопасности. Очень внимательно подумать о безопасности. Всегда ведь может найтись сумасшедший одиночка, который... Ну, в общем, примите все меры...

Карандаш замер в руке Салливэна. Не отрываясь, он смотрел в лицо Гувера, стараясь отыскать в выражении глаз подтверждение своей догадке. Но лицо Старика было непроницаемым...

Демонстрация в Мемфисе началась в 12 часов дня 28 марта 1968 года. А в 12.30 ее мирный характер был нарушен. Были разбиты первые стекла магазинов на улице, куда вступили демонстранты. Свидетели, жившие в тех местах, потом рассказывали, что полиция вначале спокойно наблюдала за актами грабежа и хулиганства и ничего не предпринимала, чтобы остановить их. А потом, когда насилие уже было совершено, принялась расправляться с демонстрантами. Однако не с теми, кто разбивал стекла или принимал участие в грабеже, — те успели убежать, сделав свое дело, — а как раз с теми, кто старался сохранить на улице мир. Огнестрельное оружие, полицейские дубинки, слезоточивый газ, нервный газ «мэйс» (впервые примененный американской полицией против мирных демонстрантов именно здесь) — все это было использовано в массовом порядке по прямому указанию начальника мемфисской полиции Фрэнка Холломена. Все было сделано для того, чтобы в глазах всей страны мирная демонстрация в Мемфисе превратилась в символ насилия.

Выстрелом из полицейской винтовки был убит 16-летний негритянский подросток Ларри Пейн, 60 демонстрантов были ранены, 280 человек аресто-

ваны. Губернатор штата объявил о введении комендантского часа. К вечеру в Мемфис вступили 4 тысячи солдат национальной гвардии.

Днем 28 марта 1968 года, когда демонстрация в Мемфисе еще продолжалась, точнее, еще продолжалось избиение ее участников, в кабинет Гувера пришел Карт Делоуч и положил ему на стол текст информации о событиях в Мемфисе, составленный сотрудниками отдела Делоуча. В тексте говорилось:

«Сегодня Мартин Лютер Кинг-младший провел демонстрацию пяти-шести тысяч человек по улицам Мемфиса. Кинг находился в автомобиле, который двигался впереди демонстрации. Сразу, как только началась демонстрация, ее участниками были совершены акты насилия и вандализма — демонстранты били стекла магазинов и грабили витрины.

Все это ясно подчеркивает, что акции так называемого движения ненасилия, за которое ратует докторг Кинг, не могут быть в достаточной степени контролируемы. То же самое может случиться и во время планируемого им марша бедняков на Вашингтон».

К тексту простой канцелярской скрепкой была пришпилена сопроводительная записка, адресованная директору ФБР: *«К сему прилагается информация, напечатанная на бумаге без штампа. Если текст будет утвержден Вами, его передадут в распоряжение лояльных сотрудников средств массовой информации».*

Гувер внимательно прочел текст, не сделал никаких поправок и поставил в верхнем углу свои обычные три утверждающие буквы — «ОКН» (первые две означают «О'кей», третья — инициал его фамилии Hoover).

На другой день большинство газет США вышли со статьями о событиях в Мемфисе. Во многих из них, согласно рекомендациям ФБР, говорилось, что Мемфис — это «генеральная репетиция» перед Походом бедняков в Вашингтон. Вот несколько примеров.

Из газеты «Коммершл клерион», Мемфис, от 29 марта 1968 года: «Вчерашние события, вызван-

ные демонстрацией, выражавшей «мирный» протест от имени бастующих санитарных рабочих города, рассматриваются всеми как «генеральная репетиция», которую провел доктор Кинг перед своим планируемым на 22 апреля маршем бедияков на Вашингтон...»

Из газеты «Коммершл Эппил», Мемфис, от 29 марта 1968 года: «Доктор Мартин Лютер Кинг прибыл в Мемфис, чтобы стать звездой шоу, которое расценивают как «генеральиую репетицию» его марша бедняков иа Вашиигтои, назначеиного иа 22 апреля. Имея в виду его собствениые стандарты «ненасилия», репетиция потерпела полный провал».

Из газеты «Нью-Йорк таймс» от 29 марта 1968 года: «Беспорядки в Мемфисе, в результате которых оказались разбитыми стекла магазииов на Билл стрит, а один негритянский юиоша убит, свидетельствуют об опасности концентрации большого количества людей, эмоционально протестующих по разным поводам на улицах городов. Священник доктор Мартин Лютер Киег, который организовал в Мемфисе демонстрацию, предполагает в следующем месяце провести марш бедияков на Вашиигтои. Ни одна из мер предосторожности, которые он и его помощники собираются прииять для того, чтобы соблюсти мирный характер марша, ие могут дать иам уверенности в том, что во время этого марша ие случится то же самое, что разразилось в Мемфисе...»

Некоторые газеты пытались хоть как-то перефразировать текст, полученный от ФБР. Другие же публиковали его безо всяких изменений. Например, **газета «Глоб-демократ» (Сент-Луис)** напечатала в редакционной статье от 30 марта 1968 года: «Мемфис мог быть только прелюдией к массовому кровопролитию у иационального Капитолия».

В тексте же мемораидума, получеиного редактором газеты от ФБР 28 марта, сказаио: «Мемфис может быть только прелюдией к драке у национального Капитолия».

Утвердив тремя буквами текст для газет, принесеииый Делоучем, и отдав бумагу секретарю, Гувер попросил Делоуча задержаться.

— Сколько газет напечатают о «генеральной репетиции»?

— Сейчас трудно сказать. Но думаю, что много,— ответил Делоуч.

— Что значит много? Много — это понятие растяжимое. Для меня тысяча долларов — это много. А для мистера Рокфеллера — так, спички. Кто — в Нью-Йорке?

— Надеюсь, что и «Нью-Йорк таймс». Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

— Не плюйте, у меня новая мебель,— поморщился Гувер. — Ох, не хотел бы я иметь «Нью-Йорк таймс» в своих друзьях. Ее удобнее иметь в предателях.

— Почему? — вскинул голову Делоуч.

— Всегда можно точно вычислить, в какой момент они всадят тебе нож в печень. Ведь они предают не по наитию, не спонтанно, даже не по трусости. Они предают профессионально. А профессионала всегда можно предсказать. С ними удобно иметь дело.— Гувер резким движением оторвал от пиджака плохо пришитую пуговицу, сунул в карман.— Сейчас они предают Кинга. Я смогу предсказать за месяц, когда они начнут метить в меня...— он усмехнулся довольный.— Впрочем, это уже — с небес. Пока я жив, не сунутся...

Делоуч засмеялся свободно и громко, почувствовав, что такой смех будет приятен Старику. И Старик отозвался:

— Зря смеетесь, Делоуч. Вы будете жить дольше меня. Так, во всяком случае, по природе. И когда я уйду, вам всем придется не очень сладко. Единственный выход — будете все валить на меня: диктатор, не давал слова сказать, подавлял волю, чуть что — увольнял... Так ведь? ..

Последние слова он произнес с улыбкой. Настолько широкой, насколько могла быть широкой улыбка у директора ФБР Эдгара Гувера, человека, как известно, не склонного к веселью.

Делоуч выждал паузу.

— Мне трудно вам что-нибудь ответить на это, сэр,— сказал он как можно более спокойно и твер-

до.— Все мои слова будут звучать глупо. Я только хочу, сэр, чтобы вы жили как можно дольше...

Гувер опустил голову к бумагам и ничего не ответил. Делоуч понял, что нашел верную интонацию.

Зазвонил телефон прямой связи. Гувер снял трубку, коротко хмыкнул в нее. Это хмыканье было известно всем тем немногим людям, которые имели право звонить Старику по прямому телефону. Услышав хмыканье, там, на другом конце провода, поняли, что у аппарата — сам. Старик слушал, что ему говорили, небрежно держа трубку на некотором расстоянии от уха, будто брезгуя собеседником. Еще несколько раз хмыкнул, дослушал до конца и, положив трубку, сказал Делоучу:

— Его посадили в машину и увезли в «Холидей инн». Оттуда повезут на самолет. Бежал защитник угнетенных и обездоленных. Оставил других расхлебывать то, что заварил сам... Вы говорили с сенаторами?

— Да.

— Кто-нибудь выступит завтра?

— Несколько человек. Вот здесь я подготовил вам памятку о разговоре с одним из них.

Гувер, надев очки, бегло просмотрел листок бумаги, поставил в верхнем углу свое «ОКН».

— Возьмите это на себя и не теряйте времени.

— Можно идти сейчас?

— Постойте.— Гувер посмотрел в окно.— Он останавливался в «Холидей инн». В отеле для белых. А везде вопит о поддержке бизнеса черных. Что же сам-то? — Старик выругался.— Если уж ты объявил себя святым, так спи на гвоздях, неси крест, не бойся Голгофы. А если боишься — значит, не святой... Надо бы, чтобы сенаторы сказали об этом возмутительном лицемерии.

— Хорошо, сенаторы скажут.

— И в газетах пусть об этом поговорят.

— Правильно.

— Знаю, что правильно...— Гувер с неудовольствием потер шею у затылка рукой вверх-вниз, вверх-вниз, видимо, поднялось давление.— Найдите там в Мемфисе какой-нибудь приличный отель, ко-

торым владеет черный. Почему, мол, Кинг не останавливается у своего брата по расе? Говорит одно, а делает другое?! Ему хочется быть в богатом отеле, в роскоши, с хорошей кухней, среди белых женщин?.. Пусть об этом поразмышляют в газетах.

— Хорошо. — Делоуч быстро записывал.

— Так, чтобы когда он приедет в Мемфис в следующий раз, а он обязательно, — Гувер медленно опустил свой кулак на стол, — приедет туда, чтобы реабилитировать свое дерьмовое ненасилие, — так вот, чтобы в следующий раз он остановился именно в том отеле, который вы ему назовете... Понятно? Там есть один, приличный, в негритянском районе. Мне говорили. Не помню названия. — Гувер поднялся со стула. — Это — для безопасности. Чтобы его, не дай бог, не ухлопали...

— Будет сделано, сэр.

— Дерьмовая, вообще-то, получается ситуация. Я его еще и охранять должен, этого бандита! Вот треклятая служба!..

Только в 1975 году, уже после смерти Гувера, стало известно содержание памятки, которую Делоуч передал директору ФБР 28 марта 1968 года. Вот ее текст:

«Во время нашей встречи сенатор выразил беспокойство по поводу планов Кинга организовать демонстрацию в Вашингтоне и сказал мне, что пришло время «устроить Кингу Ватерлоо». Я сказал сенатору, что, видимо, было бы весьма полезным, чтобы эти мысли он высказал с трибуны сената. Сенатор ответил, что готов сделать это, если ФБР подготовит ему текст речи о Кинге, которую он и произнесет в сенате...»

В Капитолии 29 марта 1968 года несколько сенаторов и членов палаты представителей выступили с речами, посвященными событиям в Мемфисе.

В речах говорилось о том, что в Мемфисе «страна имела возможность просмотреть репетицию того спектакля, который может разыграться в Ва-

шингтоне». Говорилось о «возмутительном восстании, которое помог организовать Мартин Лютер Кинг». О том, что «террор в Мемфисе был, вне всякого сомнения, в большой степени спровоцирован речами Кинга, его действиями, его присутствием». Говорилось о том, что «подобное же разнузданное насилие вспыхнет в Вашингтоне, когда Кинг попытается привести туда своих бедняков».

Вот какие слова звучали в тот день на Капитолийском холме.

«...Акция, которую Кинг планирует для Вашингтона, гораздо более массовая и значительная, чем та, которую он организовал в Мемфисе».

«...Сам «Мессия» вряд ли будет страдать от насилия и хаоса, которые он собирается устроить здесь. По-видимому, он укроется в каком-нибудь роскошном отеле, чтобы, нежась там в дорогих апартаментах, разглагольствовать о несуществующей расовой дискриминации в нашей стране...»

«...Если этого тщеславного возмутителя спокойствия не остановить, то он будет ответствен за насилие, разрушение, грабеж и кровопролитие в Вашингтоне...»

«...Федеральное правительство последние годы показывает себя практически бесхребетным, когда речь идет о том, чтобы противостоять нарушителям закона, хулиганам и марксистским демонстрантам. Настало время, чтобы федеральное правительство дало, по крайней мере, понять стране, что этому нобелевскому лауреату не позволят устроить еще один Мемфис в городе, который является столицей Соединенных Штатов и в котором находится правительство нашей страны...»

Лексика выступлений и вся их тональность не оставляют сомнения в том, что тексты, по крайней мере некоторых из них, писались под влиянием ФБР.

То место в одной из речей, где говорилось о «роскошном вашингтонском отеле», достойно особого внимания. Хотя оратор ничего не сказал о «Холидей инн» в Мемфисе, однако прозрачный намек угадывался четко. Сенатор вносил (может быть, не ведая о том) свою лепту в осуществление плана ФБР за-

ставить Кинга в следующий его приезд в Мемфис поселнться не в «Холидей инн», а в мотеле «Лоррейн».

Делоуч, как вндно, хорошо поработал, выполняя указання своего шефа. Впрочем, с не меньшей старательностью указання директора ФБР выполняли и конгрессмены — этн «незавнснмые слуги народа».

Один из них крнчал с трибуны: «...Я прнзываю президента Джонсона сделать достоянием гласности ту информацию о моральных качествах Кинга, которая ему известна. Об этой информацин открыто говорят в Вашнигтоне. О ней есть упомннанне в газетах. Я прнзываю адмнинстрацию дать возможность всем гражданам этой страны узнать, что представляет нз себя на самом деле человек по имени Кинг н что является его нстннной целью».

Сценарий ФБР работал точно н целенаправленно.

Но вернемся в Мемфнс н попробуем разобраться, как возникло насилне на его улнцах во время той демонстрацнн. Несколько свндетельств.

ЛЕПЕЙН, корреспондент газеты «Ньюсдэй» (находился 28 марта 1968 года в Мемфисе).

— Подстрекателями насилия во время демонстрации в Мемфнсе былн секретные агенты ФБР, несколько секретных агентов и, по крайней мере, один секретный агент мемфнсской полнцни.

ДЖЕЙМС ЛОУСОН (священннк, председатель стачечного комнтета).

— Перед самым началом демонстрацин, когда на улицах собралось более 8 тысяч человек, заполннвшнх многне кварталы, я, к своему удивлению, увндел в передиих рядах, средн так называемых актнвистов, людей, которых никогда раньше не встречал на совещаннях н мнтннгах, посвященных гражданскнм правам. Но они держалнсь здесь по-хозяйскн, находнлись впереди и практнческн повелн демонстрацию...

ЛЕПЕЙН. — В документах ФБР имеются инструкцнн, в которых перед агентамн-провокаторами ставнтся задача «навязывать» группам, в которые проннклн этн агенты, «незаконные действня».

ВОПРОС. — Известно, что особеино во второй половине 60-х годов агенты ФБР в негритянском дви-

жении не раз провоцировали или даже сами совершали незаконные акты насилия для того, чтобы дать возможность полиции расправиться с негритянским движением. Относится ли это к демонстрации в Мемфисе, которую вел Кинг?

ЛЕПЕЙН. — В этой демонстрации принимала участие левацкая группа негритянских активистов, которая носила название «Захватчики» («Invaders»). Среди них особенно много было агентов-провокаторов. Один из них, как это теперь точно установлено, специально занимался планированием насильственных действий. Один из «захватчиков» рассказывал мне потом, что этот секретный полицейский агент был вооружен русским автоматом калибра 7.62. На совещаниях он всегда предлагал самые радикальные меры, обязательно включающие незаконные насильственные действия.

ВОПРОС. — Он был, по-видимому, не единственным секретным агентом в этой группе?

ЛЕПЕЙН. — Как мне удалось установить впоследствии, полиция и официальные лица из ФБР регулярно снабжались самой детальной информацией о планах группы, ее текущей деятельности, о ее совещаниях.

Свидетельства Лоусона и Пейна подтверждаются и официальными материалами сенатского расследования убийства Мартина Лютера Кинга. По данным этого расследования, ФБР имело в группе «Захватчиков» как минимум пятерых своих секретных агентов, которые поставляли всю собранную информацию о деятельности и планах «Захватчиков» в отделение ФБР в Мемфисе. Кроме них в группу инфильтровался секретный агент полиции Мемфиса, подчинявшийся известному нам Холломену — давнему сотруднику ФБР.

Документально подтверждено, что ФБР было целиком в курсе планируемых провокационных актов насилия во время демонстрации санитарных рабочих в Мемфисе 28 марта 1968 года.

Документально подтверждено, что ни ФБР, ни полиция Мемфиса не предпринимали никаких мер,

которые могли предотвратить провокационное хулиганство.

Документально подтверждено, что ФБР и полиция Мемфиса не поставили в известность ни Мартина Лютера Кинга, ни руководство стачечного комитета о предстоящем насилии на улицах во время демонстрации. Да и как они могли поступить иначе, если вся далеко идущая провокация задумывалась в недрах ФБР!

Но все это станет известно значительно позже, а тогда, 28 марта 1968 года, телевизионные камеры показывали всей стране разбитые витрины магазинов на улицах Мемфиса, и устрашающие слова «генеральная репетиция перед Вашингтоном» произносились многими обозревателями. А в ФБР с профессиональной точностью и оперативностью, исчисляя время не часами, а минутами, развивали успех (думаю, что военная терминология в данном случае вполне уместна).

Уже на другой день после демонстрации, то есть 29 марта 1968 года, ФБР сфабриковало новую информацию для распространения среди «лояльных журналистов». Текст был составлен в Управлении внутренней разведки ФБР и утвержден (все те же три зловещие буквы «ОКН») Гувером. Вот этот текст.

«Во время забастовки санитарных рабочих в Мемфисе, Теннесси, Мартин Лютер Кинг убеждал негров бойкотировать магазины, принадлежащие белым, для того, чтобы добиться выполнения требований черного населения. 28 марта 1968 года Кинг провел демонстрацию санитарных рабочих. Как Иуда, ведущий баранов на убийство, Кинг вел демонстрантов к насилию. И когда насилие свершилось, Кинг исчез.

В Мемфисе есть великолепный мотель «Лоррейн», которым владеют негры. Но Кинг не поехал в этот мотель. Вместо этого Кинг отправился в отель «Холидей инн», владелец которого — белый, управляющий — белый и клиентура тоже белая. Именно туда уехал он после демонстрации, потому

что там были заказаны ему апартаменты. Как видим, лозунг бойкотировать белых торговцев предназначен не для Кинга, а только для его последователей. Разве не проявляется здесь лицемерие этого обманщика, который так часто и много говорит о морали? . .»

Названа фебеэровская статья была так: «Делай, как я **говорю**, а не как делаю».

На первый взгляд, суть этого документа ясна — авторы предпринимали попытки разрушить моральный авторитет Кинга, обвинив его в лицемерии. И только гораздо позже, после убийства Кинга и после того, как существование этого документа, созданного ФБР, открылось, стал понятен главный смысл его. А главный смысл заключался в том, чтобы заставить Кинга в следующее посещение Мемфиса (а в том, что Кингу придется вновь приехать в Мемфис, чтобы «реабилитировать» идею ненасилия, ФБР было уверено) остановиться не в относительно безопасном отеле «Холидей инн», а в другом мотеле — «Лоррейн», где бы он представлял собой более удобную мишень для убийцы.

(Кстати говоря, Мартин Лютер Кинг нигде публично не говорил о том, что собирается вернуться в Мемфис. Однако ФБР было уверено в этом. Это еще одно доказательство того, что каждое слово Кинга, произнесенное в кругу друзей, записывалось агентами Эдгара Гувера).

И сразу же газеты «лояльно» откликнулись на подсказку ФБР и начали писать о «роскошных» комнатах «Холидей инн» и о том, что Кингу следовало бы остановиться в мотеле «Лоррейн». Об этом написала и «Коммершл эппил» (Мемфис), которая даже упомянула, что номер Кинга в «Холидей инн» стоил 29 долларов в день; написала «Пресс скиметр» (Мемфис); написали многие другие газеты. Об этом писали и мелкие полицейские репортеры, связанные с Фрэнком Холломеном, писали и крупные политические обозреватели, обвиняя Кинга либо прямо в «предательстве» по отношению к своим братьям по расе, либо, более интеллигентно, — в «непоследовательности».

И во многих статьях настойчивым образом упоминался мотель «Лоррейн». Не какой-нибудь другой мотель, принадлежавший черному хозяину, а именно «Лоррейн».

О чем думал Мартин Лютер Кинг в те дни? Можно представить, как тяжко было этому человеку. Он был совестью, больной совестью Америки, и как настоящая совесть, не мог молчать. Брал на себя все больше и больше ответственности за то, что происходило в стране. Война во Вьетнаме, экономическое положение бедняков, бесправие негров, индейцев, мексиканцев — все эти вопросы сливались для него все теснее и теснее в один вопрос, в одну проблему.

Он был решительным человеком, он не отступал в большом и, конечно, не собирался отказываться от марша бедняков на Вашингтон. Слишком много сил положил он на его организацию.

Но он пытался маневрировать, идти на компромиссы в малом. На фоне всевозраставшей кампании против него, которой, как теперь ясно, дирижировало ФБР, он пытался найти пути для того, чтобы выбить из рук своих противников оружие против себя, их аргументы.

Он принял решение еще раз приехать в Мемфис и все-таки доказать возможность мирного, ненасильственного марша.

Он принял решение остановиться в мотеле «Лоррейн».

Это были его две трагические ошибки.

Ни он, ни его друзья, конечно, не могли предположить, что «Лоррейн» к тому времени уже был «пристрелян», что уже было найдено самое удобное окно в меблированных комнатах напротив через улицу, откуда был прекрасно виден весь балкон на втором этаже. Кинг должен был выйти на этот балкон. Другого пути из 306 номера у него не было...

Ну, а если бы Кинг снял не 306, а какой-нибудь другой номер, скажем, на первом этаже? Что тогда было бы с планом убийства?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, достаточно вспомнить о том, как ФБР организовывало подслушивание всех разговоров Кинга, в каких бы отелях он ни останавливался. Это само по себе означает, что ФБР всегда либо заранее знало, какой номер снимет Кинг, либо действовало таким образом, чтобы администрация отеля предоставляла Кингу тот номер, который был рекомендован ФБР (у администрации отелей такая «подсказка» не должна была вызывать подозрений: ФБР ведь «заботилось о безопасности» лидера черных).

Накануне приезда Мартина Лютера Кинга в Мемфис 3 апреля 1968 года в мотель «Лоррейн» явился человек, назвавшийся представителем группы Кинга. Он осмотрел здание, зашел в несколько комнат и зарезервировал для Кинга именно 306 номер.

Как выяснилось позже — никто из окружения Кинга никакого «представителя» в «Лоррейн» не посылал. А хозяин мотеля больше никогда этого человека не видел...

Не знаю, успело ли ФБР перед приездом Кинга установить в 306 номере подслушивающие аппараты. Возможно, придя на этот раз к решению уничтожить Кинга физически, ФБР не стало оборудовать номер отеля техникой прослушивания — чтобы не давать улик против себя.

Мартин Лютер Кинг вторично приехал в Мемфис днем 3 апреля 1968 года. Он не очень хорошо чувствовал себя, устал, да и настроение было плохим. Травля его газетами, телевидением, с трибуны конгресса достигла высшей точки. Не проходило дня, чтобы он не слышал либо проклятий в свой адрес, либо обвинений в злоумышлении, в предательстве, в лицемерии, либо вяжущих «соболезнований» по поводу «невольных ошибок» и «тактических промахов».

Утром кто-то из друзей сказал ему, стараясь подбодрить: «Они забыли, что тебя травили даже собаками. А ты выстоял. А уж это как-нибудь перене-

сем...» Кинг усмехнулся тогда и ничего не ответил. Он понимал, что друг хотел помочь, напомнив тяжелые годы начала борьбы. Но разве можно сравнивать то время с нынешним. И разве сравнишь собачью травлю с газетной. Тогда ему достаточно было физического мужества и веры в свое дело. Тогда все было значительно проще — ясно было, кто друг, кто враг. И почти не было предателей. Теперь против него начали выступать те, на кого, он полагал, можно было опереться. Выступали люди, которых он даже любил. Нет, травля собаками ничто по сравнению с травлей газетной...

Вечером он должен был выступать на митинге в церкви. Но погода была прохладной, шел дождь, и в какой-то момент он решил, что никто не соберется. От этой мысли почувствовал себя смертельно усталым и попросил Ральфа Абернети, своего верного Абернети, поехать и выступить вместо него.

Ральф понял состояние друга. Он тоже почему-то не верил, что в тот вечер соберется достаточно народу, чтобы Кингу стоило произносить речь...

Но еще подъезжая к церкви, где должен был проходить митинг, Абернети понял: народу пришло много, очень много, гораздо больше, чем церковь могла вместить. У ступеней, на улице под дождем стояли сотни людей и не расходились. Не входя в церковь, Ральф послал машину назад с просьбой передать Кингу — его ждут, ему надо выступить, в такой вечер он не имеет права молчать.

Кинг приехал через четверть часа возбужденный, решительный. Народ встретил его стоя. Люди кричали: «Кинг! Кинг! Кинг!» Он поднялся на трибуну взволнованный.

— Прежде чем сказать речь, о которой я думал, направляясь к вам, — сказал Кинг, обратившись к слушателям, — я хочу, чтобы вы запомнили: Ральф Абернети — мой самый близкий и самый верный друг...

Он помолчал, благодарно глядя на друга, а затем, оперевшись двумя руками о кафедру, начал...

— ...Если бы я оказался у нстоков времени, если бы имел возможность окннуть оттуда взором всю человеческую нсторню до нашнх дней и еслн бы всемогущий повелел мне: «Мартнн Лютер Кннг, выбирай время, в котором хотел бы ты жнть», — я совершил бы мыслеиный полет нз Древиего Егнпта через Красное море, через дикость — к земле обетованной. Но несмотря на ее великолепие, ие остался бы там. Я отправнлся бы в Грецию н взошел иа гору Олимп. Увидел бы Платона, Арнстотеля, Сократа, Еврнпида и Аристофаиа, обсуждающнх велнкие н вечные вопросы бытия. Но я не остался бы с иимн. Я шел бы дальше — к великим золотым временам Рнмской имперни, чтобы увндеть жнзнь ее прн разных нмператорах н разных вождях. Но не остался бы там. Я пошел бы ко дням Возрождення — увндеть велнкую миссию ренессанса в культурной и эстетнческой жнзнн человека. Но ие остался бы в том времени. Я пошел бы дальше по дороге, туда, где жнл человек, именем которого я наречен, чтобы увндеть Мартина Лютера в тот самый момент, когда он вызешнвает свон 95 тезнсов на дверн церквн в Виттенберге. Но н с ним я не остался бы. А пошел бы дальше к 1863 году — увндеть презндента по нменн Авраам Лннкольн, который подпнсал Хартню вольностн. Но не остался бы там. А пошел бы дальше в раннне 30-е годы нашего века, чтобы увндеть человека, который сказал, что больше всего иа свете людн должны бояться страха. Но я не остался бы н там.

Как нн удивительио, я вернулся бы к Всемогущему и сказал: «Если ты разрешншь мне пожнть хотя бы несколько лет во второй половине двадцатого столетня, я был бы счастлнв».

Это желаине может показаться странным, потому что мнр, в котором мы жнвем, перевернут вверх иогами, а страна наша больиа. На ее земле иеспокойно. Это желанне может показаться странным. Но я знаю, что звезды видны только тогда, когда иебо темное. И я вижу Всевышиего. Он трудится в иашем двадцатом столетнн, в наше время. Ои труднтся, н люди, как нн страиио, откликаются иа его труд и кое-что пронсходит, кое-что меняется в иашем мире.

Массы людей поднимаются, массы... Живут ли оии в Иоганнесбурге, Южная Афрнка, или в Найроби, Кения, в Аккре, Гана, или в Нью-Йорке, в Атланте, Джорджия, в Джэксоие, Миссисипи, или в Мемфисе, Теннессн, их возглас один и тот же: «Мы хотнм быть свободнымн!»

Есть и другая причина, почему я счастлив, что жнву в нашем времени... Мы собираемся решить проблемы, которые люди пытались решать в течеиие всей своей истории, ио ие смогли... Миогие годы люди толкуют о войие и мире. Но теперь уже иевозможио говорить об этом. Потому что сегодия нет больше выбора между миром и насилием. Выбор есть только один — между миром и смертью. Вот где мы иаходимся сегодня...

И я счастлив, просто счастлив, что бог разрешил мне жить в наше время и вндеть все, что происходит в мире. И я счастлнв, что он разрешил мне быть сегодня в Мемфисе...

Так говорил в тот вечер Кинг. Говорил н смотрел в зал. Там сиделн люди, по обычаям, приинятым в иегритянских церквах, подталкивая друг друга и время от времени негромко выкрикивая: «Эй-эй»... Эти подталкивания и эти негромкне крики означали, что они соглашались с иим, с человеком на церковной кафедре, они верили ему. Он был возбуждеи и радостен. Его слушали особенно внимательно и особенно одобрительно в тот вечер, и он все больше и больше верил, что демоистрацня, которую ои хотел повторить в Мемфисе, иа этот раз будет мирной демонстрацией. Мирной и иеодолимой. И оиа станет иачалом марша бедняков, который он поведет на Вашингтои в двадцатых числах апреля... Поведет ли? Дадут лн ему? Оставят ли живым? Этого он не мог знать. Но предчувствие возможиой смерти в этом жестоком бурном тяжелом 1968 году томило его уже ие впервые. И ои сказал:

— ...Ну, вот, я и добрался до Мемфиса. И здесь говорят, что мне угрожают, что наши больные белые братья могут сотворить что-нибудь со мной. Ну что ж, я не зиаю, что теперь может случиться. Впереди

у нас трудные дни... Как и все, я хотел бы прожить долгую жизнь. У долгой жизни есть свои преимущества. Но сейчас не это меня волнует. Мне хотелось бы только выполнить божью волю. Он дал мне подняться на гору. И я глянул оттуда и увидел землю обетованную. Может быть, я не попаду туда с вами, но как народ, мы достигнем ее. И вот я счастлив сегодня вечером. Ничто меня не беспокоит. Я никого не боюсь...

Ровно через сутки Мартин Лютер Кинг был убит.

Несколько слов в заключение

В Америке существует не единственная версия убийства Мартина Лютера Кинга. Некоторые из них более убедительны, другие — менее. Но есть только одна, которая не убеждает совсем, — та, согласно которой Кинга убил бывший вор-неудачник Джеймс Эрл Рей, действуя в одиночку, без помощи третьих лиц. Та, согласно которой ФБР не имело к убийству никакого отношения.

Эта версия, принятая, объявленная и пропагандировавшаяся ФБР практически с момента убийства 4 апреля 1968 года, оставляет без ответа слишком много недоуменных вопросов (часть из которых — очень небольшая — упоминалась в этом повествовании), чтобы в нее можно было поверить.

Под давлением общественного мнения конгресс США вынужден был провести специальное — свое — расследование убийства Мартина Лютера Кинга. Вначале им занималась специальная комиссия сената, затем комиссия палаты представителей. К 1979 году расследование закончилось.

Оно было разрекламировано максимально — как умеют это делать в Америке, когда хотят рекламы. Заключительные заседания комиссии конгресса показывали по телевидению — напрямую, из здания на Капитолийском холме.

Все было сделано для того, чтобы доказать: Джеймс Эрл Рэй осужден правильно; он — убийца Мартина Лютера Кинга; Рауля не существовало; Рэю, возможно, помогал кто-то, но, вероятнее всего, это был его собственный родной брат. Одним словом, если заговор с целью убийства Мартина Лютера Кинга существовал (а комиссия при всем своем желании и старании не могла все-таки доказать, что Рэй действовал один, без посторонней помощи), то он не выходил за рамки одной семьи и, уж конечно, ни о каком участии в нем ФБР не может быть и

речи. (Это главное, для этого, собственно, и было организовано расследование).

Таковы — если очень коротко — основные выводы комиссии, заключенные в сотнях тысяч страниц дела и в восьмисотстраничном «Заключительном докладе», опубликованном в США в 1979 году.

Читаешь этот доклад, напечатанный очень мелким шрифтом, и не можешь избавиться от ощущения, что целью нового расследования было не установление истины, а создание впечатления об ее установлении. Для этого — реклама. Для этого — телевидение. Для этого — всё шоу.

И если внимательно вчитываться в ход рассуждений комиссии, то очень часто сталкиваешься с такими мотивировками, какие естественнее встретить у торопливых авторов дурных детективов, рассчитывающих на невнимательного читателя, который «все равно проглотит», чем в официальном докладе комиссии конгресса.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров.

В докладе сказано, что усилия ФБР, направленные на то, чтобы поселить Кинга в мотеле «Лоррейн», не имеют отношения к убийству. Мотивировка: Кинг во время своих предыдущих приездов в Мемфис всегда по своей собственной воле останавливался именно в «Лоррейне».

Но позвольте, какое же это доказательство? Если Кинг ранее обычно останавливался в «Лоррейне», по которому столь удобно было стрелять из меблированных комнат миссис Брюэр, то разве не логично предположить, что именно там ФБР и готовило покушение на него? А друзья Кинга спутали карты ФБР (не ведая о том), увезя Кинга после разгрома демонстрации 28 марта в мотель «Холидей инн» (а оттуда — на аэродром). Разве исключена возможность, что убийца — тот самый или другой (ФБР могло готовить и иметь в своем распоряжении не одного, а нескольких террористов с заданием уничтожить Кинга) — уже 28 марта ждал появления Кинга на балконе «Лоррейна», и если бы Кинг после демон-

страцнн поехал не в «Холндей ннн», а в «Лоррейн», он был бы убит тогда же, на неделю раньше? (С точкн зрення ФБР тот момеит был выгодиее: «возмущенный белый» выстрелил в черного «возмутнтеля спокойствня» сразу после того, как тот провел демонстрацню, закоичившуюся насилнем).

И разве не естествеино, что раздосадованное ФБР стало так настойчнво внушать Книгу мысль о том, чтобы он вериулся в Мемфнс н остановился там нменно в «Лоррейне», как обычно, для того, чтобы ие было больше такнх «срывов».

То обстоятельство, что Кнг ранее часто останавлнвался там, не только не опровергает версню о подготовке выстрела нз окна ванной комнаты гостнннцы мнссис Брюэр, — наоборот, подтверждает ее!

Еще прнмер. Комнссня утверждает, что удаленне детектнва Реддитта с поста в здании пожариой станцнн № 2 не связано с убийством Кинга, поскольку, как сказано в докладе, миссня Реддитта заключалась «не в охране Книга, а в наблюдеинн за ннм». Но разве дело в офнциальиом изваинн мнссин (оно, кстати, документальио не подтверждено)? Такую мотнвнровку можно было бы принять только в том случае, еслн бы помимо «группы наблюдення» за Кннгом, состоявшей нз двух человек, а затем уменьшенной вдвое, существовала бы другая группа, задачей которой было охранять Книга. Но в том-то и дело, что ннкакой охраны Кннга в Мемфисе Фрэнк Холломеи, давний сотруднпк ФБР н лнчный друг Гувера, не органнзовал. А нз так называемой группы наблюдення удалнл человека, который с снмпатней относнлся к Книгу н мог помешать плану убнйства.

Третнй прнмер. Комнссня заявляет, что выстрел в Кинга пронзвел Джеймс Эрл Рэй (оставляя без ответа многие вопросы, возннкающне в связн с этнм утвержденнем). Выдвнгаются два основных мотнва для совершения нм этого преступлення: первый — враждебное отношенне Рэя к иеграм вообще (вывод делается на основе нескольких реплнк, пронзнесенных Рэем в присутствии иекоторых свндетелей, хотя есть множество другнх свидетельств, доказывающнх,

что Рэю не был свойствен расизм) и второй — надежда на денежное вознагражденне (все свидетели без исключення утверждают, что Рэй действительно был падок на деньги).

Казалось бы, денежиый мотив работает на версию о заговоре с участием третьих лиц и исключает в данном случае брата Рэя, ибо никакого вознаграждения от брата за убийство Кинга Джеймс Эрл Рэй, естественно, получить не мог. Но комиссия находит остроумный выход: Рэй надеялся получить большой гонорар, написав книгу о том, как он убил Мартина Лютера Кинга.

Допустим. Но чтобы получить деньги за такую книгу, убийца должен был раскрыть себя, а, значит, снова сесть в тюрьму. Тогда зачем он бежал из нее в 1967 году? Чтобы снова попасть туда, но уже «богатым человеком»? Снова допустим. Но зачем тогда нужно было скрываться от ФБР после выстрела в Мемфисе? Ведь написать и издать книгу «в бегах», инкогнито — он не смог бы. И, наконец, если его целью было жить в тюрьме «состоятельным узником», зачем тратить 47 тысяч — весь гонорар, полученный от писателя Хьюи — на адвокатов? Согласитесь, что мотив — абсолютно несостоятельный.

Такие примеры можно было бы множить и множить.

Главными свидетелями, на основании показаний которых комиссия строит свои выводы о непричастности ФБР к заговору с целью убийства Кинга, являлись нынешние и бывшие сотрудники и агенты ФБР. Но выдавать их показания за правдивые — дело в высшей степени рискованное. Если Гувера — даже мертвого! — боятся до сих пор многие сенаторы, то что же говорить о сотрудниках ФБР, которые прекрасно знают, как умеет эта организация разделываться со своими врагами. Однако проинструктировать каждого возможного свидетеля — дело трудное, если не невозможное, поэтому сама комиссия признает, что многие свидетели из ФБР противоречили друг другу, некоторые обстоятельства действий ФБР против Кинга «не ясны» или «необъяснимы». В заключительном докладе сказано также, что среди

документов, полученных комиссией в ФБР и относящихся к Мартину Лютеру Кингу, обнаружены «изъятия». Однако никаких выводов из этих обстоятельств комиссия не сделала.

Комиссия также заявила, что не смогла восстановить полностью картину преследований Кинга со стороны ФБР по той причине, что главные авторы и исполнители «ушли из жизни естественным путем» (добавим от себя — ушли и насильственным: в частности, в 1977 году был убит во время охоты, как утверждают, «случайно» известный нам Уильям Салливэн, помощник директора ФБР, человек, который после смерти Гувера наиболее охотно из его близкого окружения давал показания против своего бывшего шефа).

Комиссия позволила себе и явные передергивания.

В «Заключительном докладе» утверждается, например, что позиция директора ФБР Эдгара Гувера, отрицающая возможность заговора в убийстве Мартина Лютера Кинга, стала известна лишь 20 июня 1968 года. Ссылка дается на запись беседы между Гувером и министром юстиции Кларком, сделанную самим директором ФБР: «Я сказал, — говорится в записи, — что Рэй является расистом, что он не любит негров, не любил Мартина Лютера Кинга, что существуют указания на то, что еще до Мемфиса Рэй располагал информацией о выступлениях Кинга в различных городах, а затем выбрал Мемфис».

Таким образом, комиссия пытается косвенно утверждать, что вывод об «убийце-одиночке» был сделан Эдгаром Гувером только через два с половиной месяца после убийства, то есть после тщательного расследования его обстоятельств.

Однако впервые было официально заявлено о том, что «никакого заговора не было», буквально на другой день после выстрела. Заявлено устами министра юстиции со ссылкой на «неопровержимые» доказательства, полученные от ФБР. И заявление это затем повторялось во всеуслышание — по телевидению и в газетных интервью — неоднократно в течение нескольких следующих дней.

ФБР поспешио иавязывало страие и миру версню о том, что Рэй «действовал в одиночку», когда ни о каком расследоваиии ие могло быть еще и речи, поскольку Рэй находнлся вне пределов досягаемости.

Торопливость и иавязчивость выдает ФБР с головой. Но комиссия предпочитает молчать об этом, виднмо, рассчитывая иа забывчивость людей.

Повесть, которую вы прочли, — не следствеиное дело. В ией есть предположеиия, вымысел. Но приведеииые в ней документы — подлинные, взятые нз америкаиских источников, и оии позволяют утверждать следующее.

Уиичтожеиие Киига готовило Федеральиое бюро расследоваиий США, правительствеииая оргаиизация, призваниая пресекать беззакоиие в страие. Готовило, по крайней мере частичио, с ведома и согласня высокнх офнциальиых лиц и в правительстве, и в Белом доме, и в конгрессе.

Подготовка шла по иескольким лиииям и в несколько этапов.

Вначале было решеио уничтожить Киига политическн, обвннив в связях с коммуиистами.

Киит выдержал эту атаку.

Параллельно иачалась работа по моральному уничтоженню Киига.

Киит выдержал эту атаку.

Когда стало ясно, что авторитет Киига ие поколеблеи, была сделаиа попытка разрушить его семейиую жизнь и довести его до самоубийства.

Мартии Лютер Кннг и Коретта Киит выдержалн эту атаку.

С 1967 года вступил в действие «Коинтелпро» — плаи пропагаидистских мероприятий ФБР, целью которого было при помощи средств массовой ииформации создать вокруг Кинга атмосферу иеиависти. Расчет: в больиой Америке 1968 года всегда иашлись бы люди, которые, читая грязиые статьи о Киите, иислирироваииые ФБР (в иих встречались и такие строчки: «Эти бегающие глаза, этот хищиый рот, эта темиая физиоиомия с розовыми ушами — разве не похож Киит на крысу?»), сочли бы своим патриотическим долгом избавить американский народ от «са-

мого отъявленного обманщнка в стране» (выражение Гувера).

Практнческн ФБР провоцнровало любого раснста на фнзнческое уннчтоженне Кннга, готовнло «убийцу-добровольца».

Показательна в этом смысле статья, которая появнлась в крайне правой газете «Тандербоулт» («Удар молннн») вскоре после преступлення, совершениого в Мемфнсе.

«Человек, который убил Кннга, на самом деле лншь прндержнвался закона нашей страиы и выполнял предпнсанне мемфнсского окружного суда Соеднненных Штатов, который запретил демонстрацнн. Белый человек, который выстрелнл в Кннга, должен быть награжден конгрессом Медалью честн н большой ежегодной пенсней пожнзненно. Кроме того, прензндент США должен даровать ему освобожденне от судебного преследования».

Одновременно ФБР, как счнтают многне, готовнло прямое убнйство Кннга прн помощн своего собственного агента с нспользованнем для прнкрытня в качестве «подсадиой уткн» Джеймса Эрла Рэя, мелкого вора, заранее скомпрометнрованного тюремным прошлым. Схема, знакомая по убнйству Джона Кеннеди в Далласе. Только там Освальд, по-внднмому, слншком много знал — его прншлось тут же убрать. Здесь же, в Мемфнсе, все было сделано тоньше: Рэй, вероятнее всего, до последнего момента так и оставался в неведеннн — кто нм командовал, чью волю ои исполнял.

Комнссня не смогла по существу опровергнуть участня ФБР в заговоре.

Но чтобы разобраться в несуразнце множества ее мотнвнровок н выводов, надо точно знать обстоятельства дела, надо внимательно вчнтываться в сотни страннц доклада, надо сопоставлять н аналнзнровать. Это сложно н долго. Это — для спецналнстов.

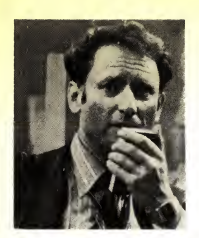
Задачей же комнссии было не спецналнстов убеждать, а провестн большое шоу для простого американца.

Расчет чисто пснхологнческнй: обыкновенный амернканец, сндя с банкой пнва в кресле перед телевн-

зором у себя дома и увидев на экране заседание комиссии, услышав энергичную речь ее председателя, понаблюдав довольно скучные допросы свидетелей, переключит телевизор на другую, более веселую программу, вздохнет с облегчением и скажет: «Ну вот и хорошо, разобрались наконец. Поправили, что нужно. Теперь все в порядке. Обмана быть не может — ведь перед всей страной показывали, перед всем народом...»

Только скажет ли?..

Генрих Боровик
ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА
Редактор Н. Шемитенкова
Художественный редактор В. Анохин
Технический редактор З. Черняева
Корректор З. Балагина
Технолог Л. Пчельникова
Сдано в набор 25.12.1979 г. Подписано в печать 5.2.1980 г. Т03735
Формат 84X108/32. Объем 4,25 печ. л. текста+0,5 печ. л. илл.,
7,98 усл. л., 7,02 уч.-изд. л.
Тираж 200 000 экз. Зак. 1375. Изд. № 4811. Цена 50 коп.
Издательство Агентства печати Новости.
Типография Издательства Агентства печати Новости.
Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

Лауреат Государственной премии СССР Генрих Боровин, один из ведущих советских публицистов-международников, писатель, драматург, хорошо известен советсним читателям и зрителям. Его перу принадлежат книги: «Повесть о зеленой ящерице», «Ваш специальный корреспондент встретился...», «Один год неспокойного солнца», «Репортаж с фашистских границ», «Май в Лиссабоне» и др. Пьесы «Мятеж неизвестных», «Человек перед выстрелом», «Три минуты Мартина Гроу», «Интервью в Буэнос-Айресе» (Государственная премия СССР 1977 года) поставлены многими театрами страны, идут за рубежом. Телезрители знают Г. Боровина как автора и ведущего различных телевизионных передач.

За работу в области международной журналистики он удостоен звания лауреата премии им. В. Воровского.

Цена 50 к.